

Небытов Евгений Анастольевич

Русская философия Анализ истории

в пяти томах

2

12+

Евгений Небольсин

**Русская философия.
Анализ истории. Том 2**

«Автор»

2008

Небольсин Е. А.

Русская философия. Анализ истории. Том 2 / Е. А. Небольсин —
«Автор», 2008

Этот том интересен будет для тех граждан, кто увлекается физикой и математикой, ибо в нем каждая деталь научна и адекватно вписывается в доктрины современной науки. Вы узнаете о том, как точные науки свидетельствуют о высших силах и формах общения личностей. Богословие и точные науки не противоречат, а взаимно дополняются в описании Истины. Некоторые примеры. Очень занимательно и увлекательно.

Том 2

Предисловие

Что такое Истина? Есть мнение, что все в этом мире относительно. А есть мнение, что Истина одна. Как можно начать писать эту книгу, если в самом главном вопросе нет ясности?

Представьте, что вы идете по лесу и встречаете человека попавшего в яму. Вы берете палку и один конец протягиваете ему, чтобы он мог вылезти. И вот он карабкается из своей ямы. Это нормально, ибо мы правильно себя тут позиционируем. Но есть иные точки зрения, согласно коим мы видим противостояние интересов. Один тянет конец на себя, а другой тянет на себя. В пределах этого возникает множество теорий, в соответствии от того, как мы будем сдвигать свой акцент. С одной стороны, палка принадлежит тому, кто ее первым нашел. С другой стороны, он отдал эту палку другому и не может претендовать на обладание ею. С третьей стороны, они оба правы и палку надо поделить между заинтересованными сторонами. С четвертой стороны, все мнения – это лишь разные формы выражения одного и того же. С пятой стороны, все относительно... и так до бесконечности. Самое страшное в том, что все доктрины не лишены логики и потому уже претендуют на Истину. Хотя каждая из них и все они вместе быют только по одному и тому же капсюлю детонатора, приводящего в движение механизмы разрыва бомбы. Палка перестает быть инструментом спасения. В результате гибнут оба. Истина же только одна – один спасает другого. Наша система образования изначально вводит нас в данную сферу бесконечного поиска истины. Изначально мы начинаем искать черную кошку в темной комнате. Причем кошки там нет. Повторюсь, что есть только один образ истинного мировосприятия – один спасает из ямы другого. Мы, русские, тянем мир из бездны и вне этого плана мы никто.

Из всех доктрин только это нужно называть истиной. Это есть критерий Истины, который должен быть выражен в любой научной доктрине.

Научный анализ, как и все иные языковые понятийные системы, как и вообще вся природа вокруг нас рассматриваются мной как формы межличностных отношений Личностей Святой Троицы, как между Собой, так и с человеком. Один говорит Другому только одно: «Я Тебя люблю». И слышит ответ: «Я Тебя тоже люблю». И вновь и вновь до бесконечности в пределах семейных межличностных отношений. Вне их, вне семейных отношений ничего не существует. Таков Предвечный Совет и мы в Нем сопряжены и соучаствуем, ибо таковое это бытие и Царствие Небесное при нашей земной жизни¹¹¹⁻¹¹⁻¹.

Жизнь требует возрастания до Образа Бога, а потому для участия в Этом Совете, человек в процесс богообщения включает все большие и большие миры. Мы захватываем теперь не только эти глубины океанов и Земли, но и космос, и околоземного космического пространства. Жизни свойственно наступать на смерть отвоёвывать у нее все большие и больший пространства.

Что я ставлю целью в этом томе⁴⁶¹?

Все дело в том, что человеку дано не верное определение, а потому и многие суждения становятся не верными, а научный анализ становится средством примирения двух точек позиционирования верной с не верной. Человек – это процесс межличностных отношений Личности Творца Бога Троицы и человека, это Тот Самый Предвечный Совет, соучастником Коего дано право быть человеку в пределах Замысла Божьего о человеке. Именно по этой причине, человек и Бог – это одно целое. Именно по этой причине, человека надо рассматривать не в том виде, как нам это привычно, а в его отношениях с Богом, с тем, без чего он жить не может, а потому следом за ним ничто на Земле жить не может. Человека надо рассматривать как систему, состоящую из Солнца, солнечного луча и солнечного зайчика на поверхности Земли. Но это также частный случай, ибо человек возник уже в тот самый момент зарождения Вселенной, что есть исповедь на своем уникальном языке о том самом грехопадении, о коем

повествуется в Писании¹⁹⁰ на языке нам привычном – на русском. Именно по этому в человеке все едино. Именно по этому подобное рождает свое подобие, подобие познается подобным, подобное стремится к подобному, а также все формы Закона Сохранения. Все это в прообразе того, что человек, пребывающий на Вершине видит мир под собой в монолитном единстве, а когда он спускает к подножию Вершины, то виды меняются, но вид с Вершины и вид, открывающийся у подножия подобны, тождественны и едины в образе Закона Сохранения, ибо человек на Вершине и у подножия оной – один и тот же. Весь научный анализ, всякая человеческая деятельность утверждает именно это единство и это одиночество всего. Всякий ученый ищет только это единство, которое мы по естеству своему человечности в детстве называли беседой любящих друг друга сердец, Бога и человека. Сфер-областей во Вселенной абсолютное множество и каждая из них имеет свое бытия благодаря тому, что на свойственном для нее уникальном понятийном природном языке исповедует именно это положение вещей – межличностное общение любящих сердец.

Итак, второй, третий, четвертый и пятый тома – это некоторые примеры того, как реализуется эта мысль в окружающем нас мире посредством различных понятийных и языковых систем из различных сфер-областей бытия: математики, физики, биологии, физиологии, психологии, истории, экономики и так далее. Второй том – это математический анализ, философия, физика.

Часть 1. Вводные понятия

Весь материал мы поделим на три части. В первой будут сформированы и наглядно представлены законы Вселенной, как они работают и в каких пределах. Далее, просмотрим как эти законы реализовались на физиологии человека и исходя из физиологии как они проявились в иных частностях, а именно в самой истории России, и потом на основе всего сказанного сделаем выводы.

На страницах последующих томов создается собирательный образ Вселенной и человека в ней. Мы в каждом случае позиционируемся то на новой точке мировосприятия и даем соответствующее новое имя Богу, то вновь возвращаемся на исходное, а именно к Его естественному Месту Бытия и зрим уже мир с Его Высоты. Сопоставляем и пытаемся их примирить в одном едином целом две точки. Это важно, ибо фокусируясь на какой-либо научной проблеме, из полученных кирпичиков выстраиваем комплексное решение её. Это удобно. Просто всякая научная доктрина всегда как-то уникальна в себе и при этом является частным случаем общего, подчеркивает какую-то одну сторону, оказавшуюся востребованной. Поэтому она требует адаптировать в нашем сознании общее в определении частного, чтобы через эту призму общего понять законы бытия частного. Это мы проделываем в первом томе и в «Научном анализе», где перечисленные и общеизвестные оттенки в определенных совокуплениях освещают поставленные вопросы в физике, математике, биологии, истории, экономике, рукопашном бое.

С другой стороны, нам очень сложно свидетельствовать о процессах внутреннего мира Начала начал, а потому раскрываем его в масштабах окружающего Центр Начала начал пространства(смотри 111-11-2). Такова природа человека, которая раскрывает в развернутом виде только одно – природу Начала начал. Также как это делает система координат, ибо она, на самом-то деле, раскрывает нам очевидным образом суть процессов и явлений в точке начала координат(смотри 111-11-2). В принципе, это утверждение ключевое. Мир вокруг нас во всей своей яви исповедует только то, что заложено во внутреннем мире бесконечно малого(смотри 111-11-2). Мы видим развернутое полотно, на котором удобоприемлемо для наших природных возможностей изображена вселенная абсолютно малой величины(смотри 111-11-1 и 111-11-2). Об этом важно нам сделать заявление в самом начале, чтобы читатель имел ясное представление о том, о чем здесь повествуется. Когда мы вносим какие-то инструменты, то надо помнить,

что не смотря на их усложненную формулировку их значение только одно и оно вписывается именно в озвученную в этом абзаце систему(смотри111-11-1).

К примеру, когда мы ведем речь об исторических процессах, о законах эволюции, то неизбежно раскрываем свойства внутреннего мира Начала начал, только вот таким вот специфическим понятийным языком. Языковых систем много, даже множество, причем множество абсолютное, но все они пытаются всеобъемлюще раскрыть только одно – происходящее во внутреннем мире этого бытия, а именно то, что является Началом начал. При этом это всегда выглядит несколько односторонне – бросается в глаза только то, что явно выражено как характерный для личности признак, но это так и останется только одна какая-то сторона Божественной реальности. Итак, мы рассказываем здесь только о личности и о межличностных отношениях, между коими любовь чистая и искренняя.

В этом же прообразе, для того, чтобы уверенно идти в будущее, необходимо хорошо знать опыт прошлого. А потому, чтобы ясно представлять то, что нам действительно нужно, как человекам разумным, следует разобраться в природе вещей и выявить то, как о правильном выборе человечеством пути в истории свидетельствует физиология(смотри 111-11-2) человека. Сама природа несет в себе образ этого пути111-11-3. И исходя из этого верного понимания о себе самом, нам явственно откроется то, что именно исповедует история. Времени прошло достаточно много – согласно научным данным, сотни тысяч лет и даже миллионы лет развития эволюции в самых ужасных условиях выживания. А так как осознаваемая нами история только-только перешла 2000-летний рубеж после Рождества Христова, то в этих рассматриваемых нами относительно малых пределах времени бытия людей (хотя бы в пределах 3-8 тысячелетий) очень сложно разглядеть то общее, которое явственно может обозначиться в текущем ныне частном в течение миллионов веков. Верный путь наделен вечностью, ибо онный наиболее верно исповедует нам о Начале начал. То что несет ложное отражение Истины, ложное выражение Начала начал, то ушло в небытие и мы об этих явлениях знаем косвенно. Поэтому есть смысл пойти иным путём, избегая изучения множества ответвлений от правильного течения эволюции, рассмотреть только саму природу человека, на которой отпечатался только этот и только этот путь эволюционного становления жизни в верном направлении 111-11-4, его живучестью и образом вечности форм жизни. Также следует обратить внимание на том, что понятие верного пути очень много имеет других имен в зависимости от того, в какой отрасли человек этот верный путь из прошлого в будущее ищет или на каком языке понятий о верном пути говорит. На языке веры верным путем в вечность люди называли Божественное. На языке физики и химии – это Закон Сохранения. На языке экономики – верное решение. На языке математики – постоянство начала. На языке истории – свидетельство о промысле Божьем. И так далее. Эти имена хотя и важные, но только лишь слагаемые жизнеутверждающего верного пути в будущее.

Для удобства и ясности изложения материала стало необходимым сначала построить модель мира, исходя из тех посылов, которые привычно пребывают в поле нашего зрения, адекватно вписываются в жизненное пространство, не выходя за пределы естественной возможности чувственного познания, в границах умственно постигаемой реальности бытия материи. То есть это то, с чем работает современная наука. Чтобы ответить на тот или иной вопрос, нам останется только найти то место на нашей модели Вселенной, в котором решение проблемы очевидно и при этом мы видим, как изучаемое явление гармонирует со всей совокупностью единого целого этого бытия. Именно по этой причине, для освящения каждого случая, необходимым будет давать точные координаты позиционирования себя на нашей схеме, а для этого придётся модель мира вновь и вновь рисовать, выстраивать эту модель. По этой причине повторений придётся делать много. Это необходимость возникает в любом рабочем процессе, а потому прошу терпения.

Моделей Вселенной несколько, но, несмотря на их различность, суть, выражаемая ими, остается той же. Это удобно, ибо к каждой проблеме, решаемой современной наукой, нужен свой уникальный подход, который не имел бы покушение на верное православное понимание (смотри 111-11-1). Далее на этот стержень нам останется правильно «надеть одежды» известных научных доктрин, привлекая на помощь мнение признанных великих. Опираясь на них, удержим верный курс, заданный святыми отцами Православной Церкви. В их очень не простое время было далеко не чуждыми веяния мировых учений и культур. Чтобы спасти свою паству, им приходилось исповедовать веру на специфическом понятийном языке учений сложившихся к тому моменту времени в данном народе. То есть веру Христову востребовано было «одевать в специфические одежды» (смотри 111-11-1), свойственные духу своей эпохи. Теперь только остается перечислить те «одежды» или языковые понятийные системы, чтобы переложить на веяния современного мира. Это процессы физики и химии; это зависимости математического анализа; это процессы эволюционного становления Вселенной и человечества; это история людского рода и его экономических систем; это системы рукопашного боя и монашеского делания (смотри 111-11-2). Это позволит увидеть, что данный стержень, соединяя противоположности и делая их составной частью друг друга, представляет нам единство мира. Созерцая все вокруг, только и только стоя на этой точке созерцания абсолютной примитивно-понятной простоты, мир предстает перед нами как на ладони, ведь только в этом случае мы смеем утверждать, что мы верно понимаем происходящее (смотри 111-11-5). Так как Православие не имеет верхнего предела аскетического подвига, творимого ради лучшей качественности богообщения (ограничения имеет только наша плоть), то нет предела близости Богу и к высоте Его Истины. Именно по этой причине остается, стоя на аскетическом подвиге, брать за основу догматическое богословие Православия. Об этом первые две части книги (2,3 тома).

Исходя из всего ниже изложенного во втором томе, есть необходимость в общих контурах пролить свет на область определения точных наук. Во-первых, всякое утверждение теперь оказалось в иных пределах пространственных границ. Пространство теперь, не смотря на свою постоянность может быть искривлено в пределах этого постоянства и стабильности. Мы выясним также исходя из того, что этот зримый мир есть порождение человека, то отсюда следует только одно, что человек в любой отрасли познания и посредством любой отрасли познания может познавать только самого себя (смотри 111-11-5). Инструмент познания естеством земной природы лежит в сфере, где функционируют границы и формы, то есть мы видим только границы и формы и можем оперировать только границами и формами. А именно умственным познанием мы привержены только к причинно-следственному механизму развития Вселенной. И бытийствует причинно-следственный механизм по законам богословия в данной сфере (за основу взята точка созерцания чувственно созерцаемого мира). Поэтому душевный мир, как связь с Божественным так и останется трудно достигаемым для научного анализа. Для него – это точка, которая не имеет величины. Можно строить абсолютно мощные циклотроны, но с их помощью природу свободы выбора познать никогда не сможем. Познаем природу закономерностей, а природу самоопределения – никогда, ибо природа самоопределения исповедует Божественное, явленное специфически, чисто в естественном для анализа образе – пустотой. То есть природа самоопределения всегда остается в пределах выражения свойств пустоты. (Это важное заключение, ибо пустотой в мире духовном является только отсутствие грехов. Следовательно покаяние – основа всего живого.) Хотя, не трудно предположить, что эволюция становления научного анализа движется ко всё более и более точному свидетельству как раз о том, что ему, анализу, недоступно по природе – о природе личности, то есть о мире душевном, а потому в процессе становления постепенно обретает схожесть со свойствами души, ибо совершенства в чем-то ином, кроме как более подобного Божественному нет. Всякое самое глубинное душевное свойство личности обязательно проявится в обозреваемой природе вещей. Чем тоньше его оттенок, тем оное очевидным образом дольше распознается как реалья. Всякое

движение, если таковое имеет место быть, направлено только в одном направлении – к выражению только Божественных свойств личности. Ничего иного в этом бытии нет. Душа даже в сфере анализа или бесконечной границы форм ищет себе не инородное, а только родственное. Иными словами, даже число – духовная инстанция. Если человек не увидел в данном явлении самого себя, свой образ и подобие, то явление считается не познанным. То есть личность должна распознать полноту выражения самой себя. Это важное высказывание, ибо человек везде познает только самого себя и Бога только через самого же себя. Это и есть человек. Мы должны ясно себе представлять, что человек – это не то, что привычно пребывает в поле зрения, но он есть то, что скрывается за этим или то, что предшествует этому. В первую очередь он есть причина всего того окружения, что оказалось в поле нашего зрения, ибо только в пределах прообраза и подобия причины возможно хоть какое-то общение и единство. Только в сферах причины каждый из нас находит взаимопонимание и единение, ибо человек – это личность, которая пребывает во Царствии Небесном. Вне Царствия Небесного человек личностью быть не может и уходит в небытие. То есть привычно созерцаемый человек – это иное имя причины или набор имен оной, он еще и радость бытия и, как следствие, все сопутствующее этому определению. То есть человек – это два в одном, а именно Первопричина и верный образ исповеди о Первопричине в пределах бытия земного. То есть человек – это счастье, это набор понятийных языковых систем для общения с Личностью, это Начало начал и первопричина, это экстаз, это образ верного пути эволюции, это образ верной мысли о Первопричине, образ верного богословия, образ познания Бога и это личность. Если мы все это суммируем в одно, то перед нами возникнет нечто несколько иного определения. Образ верного богословия и верной мысли в сочетании с Началом начал и экстаза. Как это совместить? Начало начал – только что родившийся ребенок. А образ верной мысли и богословия – это уже свойственно человеку преклонного возраста, успешно прошедшему через множество испытаний и опасностей. Образ верного пути эволюции – это уже естественный отбор. Познание Бога и набор языковых понятийных систем, свидетельствующих о первопричине – человек может познавать только самого себя и Бога через себя. Вне себя самого человек познать Бога не способен, да и невозможно сие. То есть высоко развитая природа чувственного познания – это уже дар видеть Бога, посредством всего того, чем обладает каждый из нас. Вне этого дара видеть Творца и вне межличностного общения природа существовать не может. Всякое естество имеет бытие только как посредник, как уникально сложенная система или связь между Личностями Творца и человека. Перед нами человек преклонного возраста, который смог сохранить в себе младенца, то есть чистосердечность Начала начал или радость ребенка (ради этого первозданного своего состояния практикует нирвану индус). В тоже время сформировал путь своей жизни и представление о Творце в богообщении, то есть сформировал представление о самом себе, как о Начале начал на понятийных языках своего времени. Подобное рождает только свое же подобие, то есть всякая система внешне должна иметь только прообраз младенца и исповедовать сущностное естество, которое вписывается в пределы того, чем человек был и остается навсегда, если живет. Это и есть перво-принцип, задающий все остальное в процессе формирования человечества. Что тут совершенство? Он есть совершенство, как Начало начал? Или он совершенство, как верное свидетельство о Начале начал, совершенствующееся до самого конца жизни?

Это аскет высокого подвига воздержания ради более всеобъемлющего и плодотворного богообщения. Это монах. Монах – это и есть человек в наибольшей достоверной полноте определения о совершенстве. В нем и Начало начал, и все остальное, верно раскрывающее суть радости Начала начал. В этом прообразе все остальное, всякая научная доктрина – попытка выразить события в самом человеке в первопричине, в самом Начале начал посредством специфических инструментов понятийного языка. С одной стороны, человеку нет смысла стяжать в себе природу богومладенца, ибо она являет себя самопроизвольно в самом непосредствен-

ном обращении к Личности Бога. А с другой стороны, есть необходимость во время процесса моления делать какие-то подвижки в природе души и в окружающей нас среде, чтобы делать богообщение более качественным. Последнее обстоятельство породило научную революцию. О богообщении есть смысл говорить разнопланово. И каждый план важен, да так, что трудно понять, где важнее.

Так как человек познавая самого себя познает только Бога, то человек – это и есть Начало начал. Всякий ученый ищет в явлении замкнутую завершенность в образе Бога и в прообразе самого себя и Начала начал, то есть в прообразе замкнутости, которую несет в себе само бытие точки. Пункта бытия, с коего началось попавшее в поле зрения все. Физика – это тоже рассказ души о себе самой посредством специфического понятийного языка науки, но опять же только в пределах религиозного опыта. То есть она всегда упирается в набор суждений о человеке посредством ограниченных природой инструментов исследования. Человек – это Начало начал, а потому ученый всегда ищет во всем свое подобие, отражение самого же себя – причину явления, его начало начал. То есть во всем ищет прообраз самого себя. Когда он находит свой прообраз в явлении, то сие в науке называется научным открытием, благодаря чему человек получает власть над событием или явлением. Он может управлять явлением, что и становится научно-технической революцией. Именно это дало возможность человечеству приручить животный мир, окультурить растения. Это же позволило приручить мир материи, соделать ее в прообразе самого себя. Но, несмотря на это, живым видением, то есть душевной любовью, физика так и не сможет стать никогда. Хотя будет копировать более и более точно, создавая опасную иллюзию живого. То есть человек для неё – не как для нас – вечная любящая душа, а останется только лишь тем, что попало в поле ее функциональной досягаемости, остается только лишь сводом законов материального мира, каким бы уровнем развития физика не была. Вот это страшно. Это касается не только физики, но и любой доктрины. Иными словами, человек только в одном случае может подмять под себя мир и Вселенную, если он в богообщении, то есть сам несет в себе ребенка, хранит в себе его образ Начала начал. Но этого мало, ибо только как удобство научная революция бессмысленна, а потому не возникла бы в бытии. Зачем это все, если после смерти вместе с телом уходит в небытие все земное. Это было бы верным, если бы не одно важное обстоятельство. Человеку нужно общение с Личностью Творца, ибо только в общении с Ним он остается человеком по природе. Плоть ему, если она не способствует утверждению самого главного, связи с Творцом, то сильно мешает. Мотив научной революции только в этом – помочь плоти быть помощницей душе в молении Богу. Она, плоть, должна быть в прообразе Творца. Казалось бы на этом можно закончить... Но это не так. Нужно внести разъяснение о том, что такое прообраз Творца. На страницах книги об этом проведен анализ, дано определение образа Творца для плоти. Там сказано, что плоть имеет образ смерти или пустоты. Ибо Бог для нас сокрыл Свое Лицо, для нас Его нет, а образ этого «нет» надо выразить и онный будет иметь образ этого «нет» поэтому научный прогресс, на самом деле несет в себе именно это предназначение – посредством его живое тело уподобляется смерти и при этом остается живым. Этот же смысл нам несет евангельский эпизод, где Спаситель возносится на Небо с плотью, откусав до этого рыбу и хлеб.

В чем именно образ этого «нет». Всякая деятельность не должна отвлекать внимание от Творца. Обладание опытом владения материей служит как раз этому и только это качеству бытия, а именно обуславливает возможность быть в единстве с Творцом. Это есть самое правильное определение совершенству, чем мотивируется эволюционное становление к совершенству. Само по себе богообщение очень разноплановое по природе, имеет бесконечное множество образов-граней. То есть акцентироваться на чем-то одном в ущерб всему остальному нельзя. Поэтому и научный прогресс нельзя ставить только в одном виде служения. Перед нами разнообразие реализации его в общении личностей.¹¹²²

Человек способен совершенствоваться и совершенствовать мир вокруг себя только в одном случае, если он аскетизмом и богообщением хранит в себе младенца. Научный прогресс, как возможность владеть энергией, способствует этой возможности оставаться младенцем. Да, человек остается ребенком, не искушенным, но именно это качество нужно Творцу. Не знания и не опыт, а именно детское отношение к Нему.

После этого, в третьей части, мы постепенно перейдем к обсуждению материала, более адаптированного к нашим уже современным реалиям. Ведь ныне, в связи с новыми открытиями в науке, стоят несколько иные задачи перед людьми, а потому свидетельствовать о человеке, о его верном пути ко спасению приходится совсем иначе, к примеру, в космонавтике, видеть верные пути освоения коей значимо в пределах возможностей уже всего человечества. Хотя бы по той причине, что один искусственный спутник Земли ныне стоит астрономических сумм денег, а что уж говорить о целом направлении космических исследований. Ведь важно не знание того, есть ли вода на спутнике Юпитера, а владение энергией, ибо только энергия несет в себе прибыль всего.

Работа выглядит несколько сумбурной, но что сделаешь, если так устроен мир, в котором управляемый хаос свидетельствует о Творце. Просто порядок заложенный в хаосе может быть распознанным только в промежутках времени не сопоставимых с возможностями человека. Хаос Точно также надо сказать о сложности изложения данного материала в том, что каждая философская и научная доктрина имеет свою актуальность как истина только в определённых функциональных пределах. Мыслителей множество и трагедия в том, что при попытке объединить их, сделать одним целым учением, что весьма важно, люди идут ложными путями. Вместо того, чтобы искать что-то одно естественно общее им всем и, распознав его, говорить об этом единстве именно в этом общем посредством понятийного языка данного мыслителя, почему-то пытаются своими умозаключениями низложить этот порядок вещей, затмить, сделать единым в противоестественных природе единства в иных гранях природы. Создаются даже теории, которые искусственно «натягивают» это единство. Тем самым нарушаются дозволенные естественные границы, в пределах коих эти теории имеют истинное значение, а потому активируются противоестественные природе Вселенной напряжения. Почему-то ученые пытаются применить истинное высказывание там, где оно уже становится ложным. Представьте себе этот титанический труд, в коем надо ставить все на свое естественное место для верного исповедования Истины. Лучше тогда вообще сказать, что Бог вообще не познаваем – это будет вернее и честнее.

Лучом света в темном царстве становится Алексей Федорович Лосев. Он в своих работах идет иным путём, причем единственно правильным – он находит то, что является общим для всех научных доктрин (ведь в пределах этого общего разыгрывается весь этот сюжет истории мироздания) и, сформировав свой набор инструментов, понятный для всех (и для простолюдинов, и для учёных с узкой специализацией понятийного языка), изъясняет проведённые важные исследования, в коих мы видим видовые усложнения одного и того же общего для всего. Тем самым нам ясна суть вещей, а именно их особенно сложенный уникальный путь усложнения общего в развитии до частного. Таким образом, уже в то тяжёлое для православной Руси время, он, непокорный греху и его ереси монах на понятийном языке науки начинает свидетельствовать о Боге. Нужно с уверенностью сказать, что о.Андроник (Лосев) более фундаментально обозначил целое направление в науке, а точнее учение об общем для всех наук. Он смог на языке теории соединить в нашем мировосприятии Божественное и мир в том его состоянии, в коем пребывает онный после грехопадения, его «... крайних пределов тварного, областей наиболее удаленных от Бога...». Так как жизнь утверждена Богом, то без Божественной полноты в прообразе Его невозможна. Следовательно, жизненно востребованным остается свидетельствовать о Боге теперь уже и в новых критериях, естественных для крайних пределов нашего падения, а именно в критериях логического обоснования математическим анали-

зом. Это тоже неотъемлемая, очень значимая часть нашей жизни, которую надо защищать. Просто этот участок границы Родины самый слабый и уязвимый для вторжения сил бездны в жизненное пространство человека. Ведь только через эту нишу нашей жизненной Вселенной постоянно происходит проникновение зловещих сил. Потому неизбежно пребывая в борении с силами смерти, многие мыслители по любви своей к человечеству выходили на эту тропу сражений как в античности, как во времена Средневековья, так и теперь уже выходим мы православные в эти сложные времена.

Ч.1-1 Кто есть человек. Слово «экстаз» в переводе с древних языков означает «выход из своей сущности». Человек не может идти туда, где ему плохо, как и вообще все вокруг идет туда, где ему естественно быть. Так вот все в этом мире служит лишь тому, чтобы человек, пребывающий в нем, был постоянно вне своей сущности, вне себя. Экстаз – это другое имя состоянию торжества над собой, ибо только в торжестве духа над телом радость бытия. Природа экстаза – это выход из себя. Ради этого бытия человека в счастье Бог заповедал трудиться в поте лица. Не ради наказания, а ради того, чтобы человек остался во Царствии Небесном, неся в себе природу с печатью греха. Бог посылает всякое нам, чтобы как бы выгнать нас из самих же себя и, чтобы мы приблизились к Нему, чтобы мы продолжали жить в этом торжестве, в экстазе. Ибо теперь, чтобы видеть белое, появилась потребность иметь представление о черном. То есть тяжести бытия нам даны только как посредство, для того, чтобы мы лучше видели радости Царствия Небесного. Но сам по себе экстаз – это не самоцель, как у практикующих Нирвану, а лишь структура-инструмент, опосредовано коего человек пребывает в богообщении. Такова же суть молитвы. Все вокруг имеет прообраз Богородицы. Даже сама смерть наша – это тот же самый экстаз, последняя земная реалья того, что молитвенник делал каждый день во время трудов или скорбей – тот же самый выход из самого себя.

Человек счастья не может усидеть на месте – он постоянно бежит к тем, кто этим счастьем не обладает, испытывает потребность в том, чтобы помочь им также обрести торжество над смертью. Не может он быть счастлив, когда рядом несчастье. Настоящий воин не может не быть несчастным, ибо победа всегда несет в себе одну лишь цель – поделиться радостью. Если победитель радостью не делится или не обладает, то это не победа, а начало поражения.

Материя и счастье имеют схожесть в одном – они стремятся туда, где оных нет. Таким образом мы можем предположить о том, что счастье и материя – это разные реалии одного и того Бытия, которому свойственно наступать на небытие. Жизни свойственно наступать на смерть, отвоевывать у нее новые пространства. Только счастье является бытием.

Но дело то все в том, что материальный мир вышел из Царствия Небесного вместе с человеком. Бог за первородный грех низверг из Рая не только человека, но и Землю с ее материальным естеством. А потому этому миру вокруг естественно быть только во Царствии Небесном, то есть именно так, как это было в первоизданном виде. Ну, казалось бы, душа идет во Царствие Небесное после смерти тела, сотворив многие подвиги благочестия и дела благие. Ну и какое к этому имеет отношение материальный мир? Если бы мир материи к этому никакого отношения не имел, то Творец забирал бы души людей, еще в самом раннем младенчестве, ведь грехов у них еще нет. Но нет ведь, он дает человеку годы и десятилетия жизни. Счастье человека вечное и, казалось бы, соверши подвиг аскезы, замори себя во Имя Божье и все – вот Оно Царствие Небесное. Это самый прямой путь к Богу. Причем самый быстрый. Но «нет» говорит Бог прп. Серафиму Саровскому и требует, чтобы он из затвора вышел к людям. Полнота образа Божьего, вне коей невозможно спасение. Бог не принимает то, что не подобно Ему. Все, что не подобно Ему, не может войти в общение с Ним, как с личностью с Личностью. То есть делиться своим счастьем богообщения – это означает быть в земных реалиях немного дольше. Торможение движения к Богу заключено именно в этом. И вот, благодаря нам, еще один человек обрел радость бытия и теперь надо вновь с кем-то делиться, чтобы бытие земное опять стало более вечным. Сам Спаситель взял на Себя все грехи мира, привязав к Себе

радостью Духа Святого. Он вошел в мир как человек и Его теперь бытие земное для нас вечно. Он поднялся на Небо с плотью. Человек же поднимает даже материю, формируя противоречие двух дополняющих друг друга реалий в прообразе экстаза, в прообразе выхода из себя. Точнее в прообразе змея-искусителя, образ который обрело человечество после общения с ним. Человек идет во Царствие Небесное, а хвост его тянется за ним и благодаря хвосту голова может совершать это движение вперед. Он отталкивается хвостом, чтобы голова перемещалась вперед. В этом же прообразе мы влечем за собой материальный мир. Чем массивнее этот хвост, тем медленнее наше движение к подобию Творца. В этом прообразе материя соучаствует в богообщении тем, что позволяет человеку беречь мир душевный в моменты богообщения. Не стяжать спокойствие духа, а беречь то, что было заложено во Царствии Небесном до грехопадения⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Общась со змием, человек нарушил порядок, ибо он общался с тварью так же как с Богом, то есть поставил тварь на одну полку с Богом в своем уме, но в самом образе змия человечество образ Божий не утратило, ибо нет покушения на связь с Ним даже в таком образе и потому есть перспектива становления до Его образа. Что и произошло и происходит в процессе эволюции. Змей так и остался в нас, то есть мы его носим в себе с тех давних времен. То есть материальный мир следует за человеком в вечность, что и породило все то, что мы называем научным прогрессом. Благодаря этому человечество имеет возможность стать вечным в земных реалиях.

Всякое противоречие мы рассматриваем как взаимно дополняющие друг друга грани и противоположности эти, на самом деле, как части одного единого целого, имеют только одну тенденцию – тенденцию движения данной реалии к совершенству, свойственному Абсолюту бытия. Противоречия заложены именно этим движением к Абсолюту. Именно в этом же прообразе экстаза, в коем одно следует за другим. Человек, как бы соотносит этому все окружающее бытие, соединяет собой бездну и Царствие Небесное и в торжестве одного над другим безмерно счастлив единством того и другого. Мир через него, через человека устремляется в естественное для себя состояние, в коем он был до грехопадения. Таков образ богообщения. Теперь рассмотрим самые различные вариации этого суждения, в коем вне единства противоположностей нет подобия Творцу и потому Оный не слышит молитву.

Ч.1-2. Бытие в Раю радостью – это иное имя жизни. Бог так устроил для нашего же блага, чтобы мы оставались насельниками Царствия Небесного. С помощью малых ядов мы убивали бы в себе то, что не от Бога, уводящее от радости Его Царствия. Бог непобедим и не сокрушим ничем, а потому Его творение в прообразе Его, в пределах той же степени подобия Ему, обладает тем же качеством – в пределах степени своего богоподобия оно ничем несокруσιμο. Исходя из этого свойства, яд сам по себе не губителен, но в малых количествах губителен для паразитов (бес тоже жизнь, творение Его) и действует как исцеляющее. К примеру, за всю свою жизнь мы должны съесть смертельную дозу яда (пищевой соли в несколько тонн), но если растянуть его потребление, то жизнь утверждается. Также при жаре в 120 градусов жить невозможно, но 5-10 минут бани действует как исцеляющее. Жить в ледяной воде проруби невозможно, но 10-15 секунд действует как исцеляющее. Змеиный, пчелиный яд, лекарства есть невозможно, но чуть-чуть в допустимых пределах – действует как исцеляющее. Голод убивает людей, но в малых дозах действует как исцеляющее. Физический труд может убить человека, но в пределах допустимых действует как исцеляющее. Вся наша жизнь в испытаниях ядами для искупления первородного греха, ибо это есть условие соблюдения образа экстаза. Это есть условие бытия во Царствии Небесном, в Коем мы, как неуничтожимая реальность, пребывали уже бы при жизни земной, а сама неизбежность, то есть физическая смерть ничего не решала для вечности нашей души, для её жизни вечной Царствия Небесного. От того, что тебе дал Бог нельзя бежать и невозможно. Ибо трудностью мы убиваем в себе то, что слабо и не от источника всех радостей – не от Бога. А без радости нет жиого – это есть грех. Но так говорить нельзя. Установка в данном виде – лишь некая точка созерцания, согласно коей мир сей при-

зван быть ядом для инородной жизни в человеке. Это односторонний взгляд, адаптированный к востребованному данному стечению обстоятельств. На самом же деле человек призван в поте лица преобразить Вселенную и соделать её чашей радости Божественной, наполненной до краев Духом Святым. И вот это качество жизни – бытие в процессе постоянного возделывания окружающего мира до Образа Чаши для Божьего присутствия, Его Святого Духа – есть норма бытия людей?????. И если человек не живет в этом замысле Творца, не преобразует Вселенную, то Вселенная становится ядом, убивающим все то, что мешает человеку быть образом и подобием Богу. Можно было сразу сказать о порядке вещей, который положен в основу всего – радостью творение радости – но, мне нужно сделать акцент на самом образе мышления, ибо это есть также одна из граней природы человека, которая также должна утверждать счастье и как бытие, нуждается в исповеди о Творце. В частном случае, для некоторых операций анализа можно допускать такие вот определения, но только в пределах общего плана замысла Бога о человеке, в пределах дозволенных Богом участия его в Предвечном Совете Самой Святой Троицы.

Ч.1-1. Русский жаждет быть там, где душе хорошо. Это значит, что ему привычно соединять в себе крайности. Это тоже в прообразе экстаза, при котором на одной чаше весов груз тяжелого бремени, а на другой радость Царствия Небесного. В сильном контрасте высокая степень переживаемого экстаза?????. То есть все лишения и стеснения свобод востребованы душевным счастьем, а потому русский пойдёт по своей воле вслед за этими отшельниками-монахами. Они наш путь и они нам дают образ всей полноты мировосприятия, и они ведают о том, как идти тернистыми дорогами не надрывая свою природу, но понуждая её бережливой постепенностью. Радость имеет много условий своего бытия, при коих никак нельзя стоять на месте, и в то же время переборщить в движении с нагрузкой тоже нельзя. Ведь дело совсем в ином. Эти люди довели себя до такого аскетизма не усилием воли, а стремлением усилить постоянную радость в душе более сильным единением с Богом. Человек, достигший результатов силой воли и духа, становится злым и надменным и утверждает бытие тем же, ему естественно быть тираном, ибо смотрит на мир через самого себя. Не смотря на самые выдающиеся успехи, это есть грех и в Православии называется язычеством. Страшно то, что этой победой усилием воли произошло утверждение своей правоты. Этим трагедия усугубилась, ибо победа стала началом, первым звонком грядущего поражения. Если есть чистая радость (а чистая радость имеет место быть только при чистоте духовной, ибо такова реальность естества Нирваны), то само её присутствие медленно и уверенно выталкивает человека на поверхность к Солнцу, без усилий и без напряжений мышц. Воздушный шарик, наполненный воздухом всплывает на поверхность благодаря естеству своей природы, а не усилием мышц и энергозатратам. Будьте как дети. Именно храня в себе образ и подобие беззащитному ребенку, формировался человек в эволюции, без всяких там сильных копыт, рогов и пасти и т.д. Чистота духовная также является словом богообщения, которое слышит Творец. Пусть в нем нет полноты присутствия всей динамики, но Бог принимает и такую жертву. Поэтому природа держится за этот образ и следует за ним и через него к Богу. Поэтому нам люди высокого подвига нужны для того, чтобы подсказывать нам верную дорогу по тернистому пути восхождения без усилия воли. Нужен тот, кто благодаря чистоте прошёл по этой дороге и не ошибся, не порвал свое естество усилием или переусердием и, в то же время, в меру сил понуждал себя в восхождении. Также как далеко не всякий спортсмен может пройти свой спортивный путь, не оказавшись инвалидом до конца дней. Просто сам по себе экстаз молитв и духовного торжества затмевает чувственную природу и человек не замечает того предела своих возможностей, в забытии невольно преодолев который он начинает себе вредить и становится инвалидом. Своего коня можно загнать до смерти. Сам факт, что он смог дожить до этих дней и счастлив в полноте – для нас это есть свидетельство, что перед нами святыня-путеводитель, которую надо беречь для следования за ним. В радости о Боге всякая самая тяжелая нагрузка становится не

замечаемой частью физиологического процесса, также как дыхание, пищеварение и так далее. А без радости, даже мизерные нагрузки за письменным столом становятся тяжелой травмой психики, от которой нужно восстанавливаться, давать ране зарубцеваться. Вот что особенно ценно нам. Итак, мной выражены некоторые образы-границы богообщения. Это важно для изложения остального материала.

Следует сказать о том, что после всех наших исканий мы должны будем придти к выводу, что **настоящий воин мечтает принять схиму**. Это критерий, благодаря коему, мы имеем право утверждать о том, что наши суждения были верны.

Для автора. Подстрочные ????? подчеркивают мысль, которая как-то должны быть сопряженной с другими мыслями этого тома. Сопряжение должно произойти посредством цифрового кода. Я это оставил на более позднее время работы с текстами. Какие цифры будут стоять мне пока затруднительно говорить.

1.0. Фундамент эволюции. Начальные установки см.ссылку306.

Для чего написана эта книга? В данной ситуации востребована философия, которая могла бы выразить новое, как хорошо забытое старое, на новом ясном современном языке понятий. Необходимо сформировать в новой форме старые постулаты устройства государственности и общественной безопасности. Знание – это сфера свидетельства о Божественном, также как Закон, ведь каждому из нас надо принимать мир не только интуицией, но и разумением. К примеру, если в нашем уме нет ясного представления о предстоящем, если нет плана то мы не можем ни творить, ни идти, ни возделывать. Закон, если не помогает жить, то он мешает и его нет для нас. (Только имеющий духовный опыт победы в борении с силами бездны видят путь и могут идти против логики вещей). Сначала, мы все осмысливаем, а потому только приступаем к творчеству. То есть мышление остается востребованной составной частью полноты жизни в Божественном триединстве закон-идея-творчество и выкидывать из этого триединства осмысление, как и вообще любую из них, никак нельзя. Правильно мыслить Бога – спасение для человека и мыслить человек может только о Боге, ибо нет более ничего в этом бытии, кроме Него. Мыслить Его, чтобы сказать Ему слово и услышать от Него слово. Именно по этой причине, возникла и будет всегда возникать потребность к осмыслению Божественного, ведь, чтобы идти к Нему, надо пытаться давать определения о Нем в контексте любой ситуации, в которой мы оказались и ищем Истину. Человечество зародилось не сто лет назад и даже не тысячу. Это миллионы лет мотивированного контрастом Ему постепенного становления, а потому отвергать опыт прошлого, как несовершенное и отжившее нельзя. Ибо то, благодаря чему жизнь зародилась, благодаря этому она продолжает свое бытие всегда. Иными словами, сама её суть остается незыблемой и довлеет над нами, и подчиняет нас своим законам, и по этим же законам мир будет жить вечно. Человек – это счастье и внутренняя духовная радость, а не хорошие бытовые условия. Есть радость, то и пещера становится раем.

Изложение материала лучше начать с обсуждения вопросов, которые перед людьми всегда стояли и будут стоять извечно. И один из самых главных задается о том, как победить смерть? Ответив на него, мы получим еще один критерий-схему богообщения, в который должна вписываться любая научная доктрина, если она несет в себе Истину. То есть мы сможем торжество жизни над смертью выразить с помощью научных понятийных языковых систем современности и это будет Истиной для любой научной доктрины. Это всегда несет желанную радость и все ей сопутствующее.

Надо сказать, что ответы на них всегда исходят из самого понимания о мире. Само по себе мировосприятие людей ориентировано двояко в зависимости от выбора точки позиционирования при созерцании мира: либо на идеализм, то есть с верой в существование в Творца-Бога; либо на отрицание высших сил – атеизм. В принципе, надо сразу сказать, что одно другим не исключается вовсе. Если идеализм исповедует Первопричину всего, то атеизм – это уже то, что относится к полноте, столь нужной для присутствия Первопричины в данных реалиях бытия.

Оба мировосприятия по своему правдиво раскрывают произошедшее и дополняют друг друга в бытии. Ведь противном случае атеистическая точка зрения даже не возникла бы в реальности, так как то, что не востребовано не способно проявиться. Это значит, что они, хотя и не равнозначны, но друг друга только лишь дополняют, ибо раскрывают разные грани Истины. Тогда мы конкретизируем проблему и упростим вопрос, что из этих образов мировосприятия общее, а что есть частный случай от этого общего? Ведь, в конечном счете, перед нами именно так стоит задача: или мир состоит из хаоса, а потому богов люди создали себе для удобства, или Бог создал мир, порядок и людей в нём. И тут, в определении об Истине, сразу надо поставить все на свое законное место. Ведь Истина – это не нечто безличное и не определенное, и аморфное. Истина – это всегда живое, это Личность. Когда мы ищем Истину, то мы пытаемся разглядеть свое отражение в той реальности, в которой осуществляем этот поиск. Мы ищем Личность и характерные личностные черты. Путник встретил на своей дороге упавшего в глубокую яму. Он нашел длинную палку и подал один ее конец в яму. Один спасает жизнь другого. Вот это Истина. Современная наука же позиционирует себя иначе. Ученые привязываются к иной точке мировосприятия – к самой палке. Один тянет на себя, а другой на себя. «Кому принадлежит палка?» – задают они вопрос. И вот тут начинается полемика в поиске Истины. Одни говорят, что палка принадлежит тому, кто ее нашел. Другие – тому, для кого он ее искал. Третьи – ее надо разделить соответствующим образом. Четвертые – утверждают о том, что все эти формы мышления остаются разными гранями Истины в самых разнообразных сферах. Пятые – палка высшая истина, раз из-за неё столько полемики. Гитлер утверждал, что война – это и есть жизнь. Сам факт, что каждый тянет на себя палку – есть норма бытия, в коем выживает сильнейший. И так далее. Но ни один из них не скажет о том, что идет акт спасения в процессе общения двух личностей. Один вытаскивает другого из беды. Ищут там Истину, где оной быть не может в природе вещей. Если мысль не утверждает живое, то истинным она быть не может. В противном случае, все теряет всякий смысл. Истина – это есть сам жизнь. Противостояние происходит всегда только в одном срезе между жизнью и смертью. То есть в результате победы, должно установится торжество жизни над смертью, то есть не должно быть погибших. Следовательно, победа в противостоянии всегда принадлежит всем и побежденному в первую же очередь. Победа, как торжество живого, не имеет границ. Вот почему живое – это когда один спасает другого, вытаскивает его из беды. Это когда один тащит другого ослабленного к Богу, к совершенству, к радости бытия, к силе. Такова природа Истины в земных реалиях. Вне этого ничего в природе вещей нет и не существует. В этом же любовь Божья, образ коей мы здесь утверждаем. В этом же межличностные отношения в образе всей Вселенной^{111-11-1.1}.

Все во Вселенной заточено только под одно и то же – под межличностные отношения. Все остальное вокруг – это то, что связывает нас между собой и Богом, благодаря чему мы являем основное свойство жизни – возрастаем до Божественного совершенства во всем. Это есть стимул и мотивирующий фактор всех форм эволюции.

1.0.-1. Во всем содержании труда, чтобы верно понимать о порядке, мы постоянно будем обсуждать один и тот же вопрос: «Что такое хаос?» Востребовано верным выражением Истины постоянно менять ракурсы обозрения, что и будет делаться по ходу изложения темы, но неизменным останется только сам вопрос о соотношении хаоса и порядка.

Итак, что такое хаос? При поиске ответа на этот вопрос всякий из нас сталкивается с противоречием, в котором ясно одно, что хаос остается хаосом только в нашей ограниченной в возможностях чувственной природе. Если мы что-то воспринимаем, то уже сам этот факт возможности воспринимать реальность, свидетельствует об одном – никакого хаоса нет, ибо, исходя из приведенного нами (в этой книге) определения о природе познания, все распознается только в контрасте, который в нашем случае звучит как единство крайностей порядок-хаос или пустота-хаос. Любое проявление хаоса становится зримо лишь посредством сильного ограничения, свойственной всякой воспаленной чувственной природе, его (ограничения)

абсолютной ничтожности. Мы не видим подобия Богу и самим себе. Божественный порядок опосредовано греховного воспаления как порядок не распознается в виду несоизмеримости, но распознается он только в виде составляющей порядка – в виде хаоса. Дело в том, что природа человека ограничена грехом. Но, несмотря на это, остается той же, в какой она была в замысле Божьем, она не изменилась. Изменилось только положение человека на карте Вселенной, он перестал быть там, где ограничение природы становится достоинством. И, так как утратило естественное для себя, то стало недостатком. Противоестественное положение человека во Вселенной соделало его слабым. Потому появилась плоть, без которой жизнь души в данной реальности невозможна. Ведь, если в пределах этого ограничения оказывается центр Бытия, в коем стянуты все нити мира во едино – в этих границах ограничения все нити мира пересекаются, то мир весь оказывается познанным даже такой немощной ограничением природой. Ограниченность природы не чувствуется, в этом случае ее даже нет. Нет слабости и человек всемогущ. Кстати, сие есть один из смыслов Колеса Велеса. Ограничение перестает быть достоинством и становится пороком, когда разум изменяет своему непосредственному предназначению и своему месту в бытии, когда теряет центр всех пересечений. С этого момента уму приходится познавать мир простым перечислением попавшего в поле зрения фактического материала и иметь «опыт сын ошибок трудных». А так как порядок не освидетельствуется, так как мы не понимаем смысла множественных взаимодействий, то и явлен Божественный порядок всегда отсутствием порядка или чувственной пустотой. Она, хотя есть неотъемлемая часть хаоса, но все же именно пустота в контрасте пустота-хаос есть начало всякого порядка³⁴³. Пустота имеет влияние свойственной себе реальностью, обыкновенным отсутствием всякого порождения греха. Этим безгрешным влиянием обусловлены возможности выражения свойств пустоты в реальности хаоса. Почему? Потому, что действует закон пустоты: всё стремится к прообразу пустоты, а именно к абсолютной лимитированности её, к меньшему внутреннему противоречию, ведь в пустоте противоречий вообще нет и она абсолютно лимитирована. А это возможно либо только в пустоте, либо только в порядке Богом откровенной структуры, в коей одно другому не противоречит, но гармонично дополняет (это по определению о Божественном) и выражает. Чего-то третьего не дано, а потому мир состоит либо из пустоты, либо из материи, как несущей в себе структуру. Не столкновение в противопоставлении, а действительная цельная связь, в коей передается информация и энергия между связанными между собой дополняющимися противоположностями.

Всякое взаимодействие имеет двойственное значение. Единство – это свойство Божественное, тогда всякое совпадение – это специфически сложившийся прообраз этого единства, который вершится только в естественной для единства сфере Божественного бытия и потому уже есть первый элемент порядка, оказавшийся в поле зрения. Также следует напомнить о том, что хаос воспринимается нами хаосом только в одном случае. Когда природа познания сильно ограничена. Хаос нам не понятен, ибо, как структурный порядок, он воспринимается только с позиции Божественного. А то, что нам не понятно, то воспринимается пустотой. Всякое развитие или движение всегда оказывается в пределах Замысла Божьего и всегда будет обусловлено влиянием пустоты, то есть влиянием простого отсутствия всякого греха.

Поэтому, с одной стороны, взаимодействие – это свидетельство об единстве взаимодействующих сторон. Просто это единство созерцается разумом вне контекста всей совокупности мироздания, а потому воспринимается не так явно, как хотелось бы. А с другой стороны, взаимодействие – это есть проявление противоречий. В нем неизбежно имеет место быть стремление свести эти противоречия на нет, то есть стремление противоречия к пустоте их, к взаимной нейтрализации^{111-11-1,1} во время взаимодействия – стремление к отсутствию напряжения^{111-11-1,1}. То есть, с одной стороны, частица неуничтожима, а с другой стороны она стремится исчезнуть из противоестественной ей и нам греховной реальности, то есть стать Божественным порядком, наиболее максимально выразить единство, несущим образ этой пустоты.

Весь мир един не сам по себе, а только в Боге и через Бога¹¹¹⁻¹¹⁻⁶, а потому всякое взаимодействие по сути есть совпадение – есть уникально сложившееся, специфическое выражение этого единства или свидетельство о Нем. Так возникает череда счастливых случайностей или точных совпадений, как первые оттенки структуры, выражающей свойства и пустоты, и хаоса одновременно в одном, ибо подобное рождает только свое подобие обоюдно. Просто это два состояния бытия. Первое – движение к Нему, порождающее противоречия (^{111-11-1,1}). Второе – это уже бытие в Нем, когда цель достигнута и потому нет противоречий, порождаемых движением к Богу. Пустота рождает счастливые случайности, как единство через Бога, то есть через естественную радость быть единым в Нем, в Его Райских Обителях, как естественное подобие самой себя, в коих противоречия минимизированы и становятся дополнением одного другим в структуре. К примеру, яблоко – это сонмище точных совпадений, образующих структуру. Так как яблочная клетчатка остается структурой, то она остается не видимой для органов распознавания вкуса. То есть, если органами вкусовых чувствительных центров вкус не воспринимается, то его нет, ибо надо сначала разрушить клетчатку-структуру, из коей потечет яблочный сок. Если мы возьмем клетчатку в первородной цельности, то не познаем вкуса^{777-07-07.3}. То есть, с одной стороны, если есть противоречие, то будет распознаваемое нами движение. А с другой стороны, если противоречия исчерпаны и становятся взаимным дополнением в структуре, то как движение уже не распознается. С одной стороны, Божественный порядок может быть распознаваемым только в бесконечности, а с другой стороны, так как Его Тело цельно, то остается не видимым еще и по этой причине – по причине замкнутости цельности и единства.

Итак, если дать определение порядку, то мы увидим, что порядок – это зеркальное отражение пустоты в пределах возможности хаоса свидетельствовать о пустоте самим собой и при этом, не нарушая свои законы – законы хаоса (я бы добавил стоицизма). Точнее, следует сказать, что зеркальное отражение пустоты в хаосе имеет два значения: абсолютная разрозненность частиц и порядок их построения, в котором нет противоречия, отсутствие которого свойственно пустоте. Что такое хаос, мы не знаем, но даже если сказать, что хаос – это разрозненные ничем не связанные частицы, то все равно общим для них будет трёхмерное пространство, которое связывает и пустоту, и частицы в нем. Мы видим в пустоте свой образ, мы видим структурность пустоты – трехмерность ее⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻³. Именно в пределах этого порядка, в пределах отсутствия противоречия в чистом виде⁷⁷⁷⁻⁰³⁻² (Точка несет в себе первый элемент противоречия, а именно его первопринцип выражения в бытии, который раскрывается во всеобъемлющей полноте во множественных процессах эволюционного развития Вселенной. То есть речь идет о первопринципе первоэлемента сочетания порядка и противоречия в одном^{777-01-1.3}) мы видим Творца или замечаем Его через то, что инородно Ему и себе. Вне пространства нам даже подумать невозможно. Получается, что пустота и частица, если рассматривать в срезе отсутствия противоречий – это одно и то же только в разных инобытийных сферах. Ибо в пустоте и в порядке есть, с одной стороны, единящее их общее, а с другой есть то, благодаря чему они подобны друг другу – нет противоречия, нет противостояния^{777-01-1.4}. А потому они взаимно сопряжены, дополняют друг друга в сопряжении, пребывая в процесс движения к Абсолюту бытия. Просто вне этого процесса ничего не существует^{777-01-1.5}. *Именно по этой причине всякий хаос стремится уподобиться тому, в чем он пребывает – пустоте. Именно по этой причине хаос структурируется, упорядочивается и он есть всегда порядок, не смотря на свою хаотичность. Ибо сам факт того, что мы его, хаос, распознаем как реальность, свидетельствует о том, что хаос – это порядок, который распознается во временных промежутках или с расстояний не сопоставимых с природной возможностью человека, оказавшегося отдаленным от Творца*⁴⁴⁷. Порядок в хаосе есть всегда и виден человеку, если он пребывает в соответствии с Замыслом Бога на естественном для себя Месте – в богообщении рядом с Ним. Иными словами, инобытие, в его абсолюте, человеку помыслить возможно, а зреть чувственно нет, ибо

чувственно узнаем его только через отделенное родство ему и родственное самим себе. То есть мыслим мы о нём только через то, что имеет хоть какую-то природную близость нам, живым. Мы мыслим о свойствах инобытия через все, оказавшееся в поле нашего зрения. Так как все имеет прообраз пустоты инобытия⁴³, то получается, что мы, как живые физические существа, видеть можем только живое в межличностных отношениях, которое явлено нам физической пустотой¹ и только через природное подобие ей – грани живого и такие его реалии как пространство в чистом виде, постоянство, устойчивость, единство и неизменность пустоты – некоторые из них, из проявлений небытия⁴³. В принципе всеми этими качествами обладает любая микрона бытия, а потому сам факт того, что мы чувственно распознаем реальность, говорит только об одном – мы чувствовать можем только физическую пустоту, как неотъемлемое свойство Творца, благодаря чему мы имеем радость быть в поступательной динамике движения к Богу, благодаря богообщению. Река течет в океан и, благодаря этому движению к большей полноводности, мы можем зреть стабильность зеркала водной глади, в коем отражается небо-свод. Вот эта стабильность, неизменность в чистом виде и есть пустота, которая представлена нам пространством со структурой трехмерности. То есть в пределах этой пустоты происходит динамически активное богообщение – это уже иной вопрос, но в данном случае речь идет о распознавании Творца специфическими инструментами и только в сфере, имеющей ограничение в природных свойствах. Хочу сказать только одно, хотя имеет место быть ограничение, но без богообщения посредством данного набора свойств даже данная реальность иметь бытие не может. Это тоже уникально сложенная речь Богу. Просто через человека данная речь имеет не только формальное выражение, но и большую полноту и осознанную составляющую всеобъемлющности природы личности. Именно по этой причине мир служит Богу и говорит Ему славословие через человека или образом человека более полно. Поэтому, если человек утратил связь с Творцом, то для мира Вселенной он перестает иметь значение и уходит в небытие уже при жизни. Он начинает противостоять окружающей действительности, благодаря чему некоторые мутации становятся полезными в борьбе за выживание.

Для дальнейших суждений, нужно акцентировать внимание на важном свойстве живого: живое наделено свойством возрастать⁴⁴⁷. Причем возрастание может идти только лишь в одном направлении в сторону Бога и до абсолютного совершенства в Боге, ибо чего-то иного нет в бытии. От простого к сложному, но так как подобное порождает только свое же подобие, то всякое усложнение происходит в пределах той самой изначальной абсолютной простоты, из которой возникла эта сложность. Абсолютной простотой всегда остается пустота, как носитель простоты в чистом виде (благодаря чему всякое самое сложное усложнение не выпадает из поля зрения, если человек позиционирует себя в естественном для себя месте миропонимания). Таким образом, пустота остается составляющей любого явления. Но пустота в чистом виде есть носитель еще и устойчивости, ибо пустота абсолютно устойчива по определению, ибо не изменяется, благодаря чему бытие явления обусловлено устойчивостью, как свойством абсолютной простоты, породившем явление. Таким образом, возрастание – это первый признак живого и естественный процесс жизни, это еще одно имя образа Божьего.

Понятно, что даже пустое пространство, в котором мы распознали в абсолюте своего проявления родственные нам оттенки живой личности, должно быть наделенным процессом живого внутреннего возрастания до Абсолюта, в противном случае, пустота перестает быть пустотой в данном образе ее проявления – не будет самого пространства с его трехмерностью⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁹.

В поле зрения воспаленной природы попадает только его же подобие. В нашем случае нас интересует только его конкретный оттенок – отсутствие порядка. Хотя следует сказать о том, что в самом естестве Царствия Небесного ничего не нарушилось. Изменилось только позиционирование человека во Вселенной – оно стало противоестественным. Благодаря этому мир

перестал быть понятным и потому Божественный порядок воспринимается как хаос. Но, не смотря на воспаление³⁸⁷, природа остается творением Божественным. То есть порядок в пределах природы человека не инороден порядку Божественному – есть также проявление хаоса, в пределах которого возникает одна из разновидностей хаоса, частный случай его (на самом деле порядок, явленный в хаосе, может быть распознанным только в промежутках времени, не сопоставимых с возможностями воспаленной грехом человека). Понятный человеку порядок возникает на теле мирового бесконечного порядка Вселенной – порядок в удобоприемлемых пределах для распознавания его личностью, несущей в себе природу воспаленную грехом.

Каждая область бытия – это такая сфера, в которой Божественное представлено несколько уникально и специфически, со свойственной для природы каждой сфера своеобразностью. Свою уникальную своеобразность описания Божественного имеет и порядок. Структура в пределах бесконечной Вселенной и структура ограниченного мира человека – это сфера порядка. Но также как порядок бесконечной Вселенной свидетельствует о пустоте греха, также и наш порядок (в удобоприемлемых пределах для личности, несущей в себе природу воспаленную грехом) несет в себе свидетельство о Божественном в том же образе и в той же свойственной для него манере – той же пустотой, то есть отсутствием греха, создающим противоречия. То есть исповедует о Нем тем, что противоречия в упорядоченной структуре сведены до некоторого минимума, до наибольшего подобия пустоте отсутствия противоречия. Иными словами, перед нами и хаос, и порядок. То есть упорядоченный хаос или порядок – некоторый частный случай хаоса, возможное стечение хаотичности, в пределах коей оформилось живое, в виде упорядоченности. Исходя из этого, нет смысла останавливаться на том, что не имеет значения для нас как относительно неживое, как разного рода проявления хаоса, ибо востребовано нам только знание о жизни.

1.0.-2. Структурный порядок несет в себе, с одной стороны, чисто формальное проявление хаоса (одно из бесконечного множества), а с другой стороны, печать постоянства в прообразе пустоты и сообразно своему прародителю, Началу начал, то есть сообразно точке. Точка, как Начало начал – это с одной стороны образ устойчивости, неизменности, неразрушимости, единства не исключающих, а дополняющих друг друга противоположностей, то есть прообраз всякого порядка. А с другой стороны, первопринцип, задающий образ отличия от пустоты, первый элемент хаоса и непостоянства. Ибо точка и пустота различны. Точка – это уже есть величина или степень отклонения от абсолютной пустоты, хотя и абсолютно малая. А ведь устойчивость, неизменность, неразрушимость, единство – это различные имена пустоты. То есть порядок – это просто иное имя пустоты на специфическом языке природы хаоса⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁷. Дело в том, что эти реалии живого (образы постоянства) в условиях природы хаоса соприсродны хаосу и явлены только в сфере формальностей, то есть если формально инородны пустоте – они наделены временностью. Если бытие имеет форму, то мы его видим. А если формы нет, то и распознавания нет. Поэтому порядок возникает из ничего, то есть из хаоса. Подобное порождает только свое подобие, то есть пустота порождает пустоту только уже в специфических образах: постоянство, неизменность, устойчивость, единство. Словом, неразрушимость пустоты порождает все тоже самое, своё же подобие – неразрушимость, которая предстает перед нами во всяком порядке вещей в каждом витке усложняющегося развития, в движении от простого к сложному по спирали в единстве и борьбе противоположностей, при коем одно тянет за собой другое к Абсолюту совершенства – неразрушимость по отношению к разрушимости и ее множественным хаотичным воздействиям. В противном случае, если нет постоянства, единства и так далее, то это не попадает под определение о порядке – это не структура. Пустота своим специфичным влиянием стимулирует свое подобие, а именно отсутствие противоречий, которое возможно только в структурных порядках, ибо в порядке противоречия оказываются дополнениями друг друга. А это образы пустоты, возникающие в среде хаоса. Только пустота вызывает из него, из хаоса, то есть призывает из небытия к бытию свое подобие. А потому

всякая случайность – это грань пустоты, более отчетливо выделяющаяся для нашей возможности обозревать в хаосе Божественное, то есть порядок. С другой стороны, порядок со всеми обозначенными ранее его свойствами в то же время соприроден хаосу, то есть временный. Почему? Потому, что порядок – это то, что обозревается в такой сфере бытия, как броуновское движение. Две частицы, столкнувшись между собой на мгновение становятся упорядоченной структурной системой, которая далека от всеобъемлющей полноты. Так как нет подобия Ему во всем остальном, составляющем полноту, то нет и подобия Ему в другом свойстве., «бросающимся в глаза» – в свойстве вечности. Структура тут же рассыпается, чтобы свидетельствовать о полноте и вечности Его в иных свойствах, которые зримо не раскрываются в столкновении. Мир стремится к большей полноте выражения Абсолюта, то есть Творца. Само присутствие Его обуславливает влияние лишь одной полярности, благодаря чему все вокруг развивается в возрастании⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁶. Из всего сказанного становится ясным одно, что возрастание, как другое имя жизни, возможно только в одном направлении – только к Богу. Но в специфике нашего понятийного языка (пустота-вещество) сие звучит иначе – к более сильному подобию пустоте, ибо в понятийном языке данной сферы бытия ничего иного абсолютного и более элементарного подобия Богу для вселенной нет и Сам Бог пребывает где-то в пределах пустоты. Хотя, надо сказать, что пустота имеет много иных имен (Благодать Божья, счастье и так далее), но это только ее иные имена, которые звучат в пределах озвученного (пустота-вещество). Наш понятийный язык с его какими-то иными именами природно не вписывается в сферу осмысления данной конкретной проблемы, ибо в пределах способности вести обоснование в данной ограниченной сфере свидетельства о Творце перед нами возникает только одно обобщающее абсолютно все вокруг имя специализированного языка – пустота. Очевидным образом сие нам раскрывается из примера с трамваем, который движется из пункта А в пункт Б. В пределах простого механического перемещения сокрыт бурлящий поток жизни внутри трамвая. Люди встречаются, общаются и наводят межличностные отношения. Но в поле зрения механики попадает только вот это примитивное движение из А в Б. То есть пустота – это очень грубый инструмент, с помощью коего мы не видим конкретно Личности Бога и межличностные отношения в привычной полноте, зато видим Его через те Его свойства, которые неизбежно попали в поле зрения благодаря этому инструменту.

У Бога свойств и граней множество. Каждое имя Его характеризует уникальное сочетание этих свойств и граней. Систематизировать и говорить обо всех возможных сочетаниях, образующих какие-то уникальные имена не представляется возможным, так как их множество. Но есть смысл говорить о самом абсолютно элементарном, с коего все начало быть, чтобы видеть его множественные образы в вещах бесконечного мира. Речь идет о точке.

Все начало быть из точки и точка Начала начал несет в себе все составляющие. Во-первых, точка несет отличие от пустоты, она есть первый элементарный вектор перемены, семя измены небытия, хотя и самое элементарное. То есть мы уже здесь видим тот самый первопринцип, задающий соотношение порядок-хаос (пустота-точка, бытие-инобытие) в пределах коего осуществляется развитие сюжета становления Вселенной⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹¹. В хаосе заложена пружина самоорганизации, направляющая коей есть упорядочивающая пустота. То есть пустота специфично влияет на множественный хаос, принуждая его бытие к образу своего подобия, приводит хаос к самоорганизации. Он так и остается хаосом, но теперь уже в его бытии замечен порядок – просто это частный случай положения вещей. Мы зрим на пространство хаоса и замечаем только то, что оказалось в области подобия нашему естеству – структурную упорядоченность, в коей противоречия становятся взаимными дополнениями. То есть мы как бы ногой пытаемся в этом болоте нащупать твердую кочку, только мозг это делает почти мгновенно и в его область анализа попадает бесконечно больше.

Проявление подобия пустоте также всегда многогранное, то есть имеет много имен и одно из них выражается в наибольшей крепости, а другое имя – в наибольшей текучести, а

третье имя – в наибольшей легкости. Все три имени, как несущие в себе один и тот же прообраз – образ пустоты, как-то уживаются в одном одновременно. Чуть ниже по тексту я дам этому явлению новое имя – стеснение, благодаря коему мы созерцаем свойства пустоты или видим иные имена ее. Это нужно, ибо для ответа на иные вопросы возникнет необходимость выразить иные грани бытия. Таким образом, в данных суждениях мы ничего нового не нашли, но только сформировали новый наименее выразительный или наиболее костный специфичный понятийный язык свидетельства о Боге, сотворившем мир. Хотя, к сожалению, на нем разговаривает значительное число людей науки, но, несмотря на это, посредством наиболее общих определений (пустоты и хаоса), сформировали общий закон, в пределах которого должен работать и работает весь контент бесконечных дефиниций. Это есть научный анализ, начиная от ядерной физики и заканчивая законами общества. То есть должны быть готовы к развитию событий только в этой сфере, то есть нельзя выходить за её пределы.

Новое определение о самом элементарном элементе бытия (о точке), о Начале всех начал, исходит из того, что мы можем созерцать. Если дать определение природе человека, то перед нами встает очевидное – природа человека двоичная⁴³. Но нам интересно теперь само соотношение двух составляющих нашу природу двоичности. Так как точка – это есть то, что оказалось в поле нашего обозрения, то, относительно всего остального пространства пустоты, она терпит развитие от небытия пустоты к бытию точки в образе взрыва. То есть природа постоянства и природа перемен соотносятся как бесконечно великое к бесконечно малому в том же прообразе, в каком соотносится абсолютная пустота к точке – в этом соотношении бесконечность отличий. Также пространство соотносится к точке. Также абсолютно общее соотносится к абсолютно частному, то есть Божественное ко всему тому, что стало нести в себе печать первородного греха Адама. В этом есть Лосевское «... становление синтезирует подвижной покой бытия единицы с принципом упорядочения, объединения, собирания инобытийных полаганий...» (§89 Дialeктическая формула натурального ряда). Это важное замечание, ибо всякое эволюционное становление в инобытии точки всегда будет в пределах общего – в пределах влияния абсолютной пустоты, формируя интересные образы о себе постоянном.

Точка – это величина изменения пустоты или величина отличия от нее, в прообразе коего разворачивается рисунок видимого бытия. А так как радостью утверждается все, то бытие точки уже есть принцип осуществления контраста, как прообраз экстаза, в коем, повторюсь, радостью утверждается бытие Вселенной. Если мы стоим на берегу реки, то видим течение вод только потому, что берег – постоянная точка отсчета. Иными словами, мы видим все вокруг только потому, что мир течет, то есть он есть отличие от постоянства, он не есть пустота перемен. Ведь даже самом нашем организме заложена эта двоичность.

Точка – это первопринцип структуры субординации, которая потом тождественно выразится в строении Вселенной и в превую очередь человека. В ней заложены две крайности единого, которое потом получит иное имя для отражения, подчеркивающее важную составляющую нашего бытия – двоичность или экстаз.

Эти общие определения важны для более ясного понимания природы человека. Мною потом уже будет раскрыто то, как это укладывается в природе людей. Итак, мы провели некоторые зарисовки общего плана. Так как это то, что было наиболее общим, то в пределах этого общего и в прообразе озвученных ранее элементарных процессов общего разворачивается весь этот сюжет истории становления Вселенной и человека в ней. Далее нам остается утверждать все сказанное ранее но только иными языками понятий философии, а также точных наук и истории Руси.

1.0.-3.а) Повторюсь, мы не знаем что такое хаос. И даже если даем ему имя определения, то неизбежно наделяем его теми свойствами, о которых к этому моменту уже имеем представление – мы зрим его как живое существо и сами того не замечаем, что этим мы хаос наделяем

предрасположенностью к возрастанию до совершенства Абсолюта. Ведь мы, являясь живыми, замечаем в хаосе только то, что нам родственно и подобно, имеет причастность к живому, а именно не его самого, а то, что он изображает – образ пустоты. Сам факт, что мы видим хаос, то уже этим обозначаем предрасположенность к развитию эволюционного становления в таком вот хаосе, в котором пустота оказывает свое организующее, структурирующее влияние на материю и материя оказывает влияние на пустоту. В этой границе-срезы разыгрывается весь сценарий истории Вселенной.

Подобное родит только свое подобие, а потому точка всегда будет тождественна всему тому, что из нее произошло в эволюционном становлении. Поэтому всякая случайность, как и любая неслучайность – взаимодействие, свидетельствующее только о Начале начал – о точке. Именно по этой причине, столкновение всегда будет иметь только прообраз Начала начал – только точку. Так как прообраз ее далек от первоначала абсолютной крайностью специфичности, а потому и образ самого взаимодействия абсолютно далек от вечности – оно всегда должно быть мгновенным. Это видим мы в броуновском движении. Случайность всегда остается в пределах подобия точке и из этой сферы выпасть не может, как и не может выпасть из своего тождества ей. Случайность заявляет нам о некотором свойстве, которое выпало из привычно созерцаемого порядка вещей. Хотя сие есть случайность, но все равно, это еще одно свидетельство о полноте единства, но также в образе все того же Первоначала всего вокруг. Просто это такая речь Бога, законченный смысл которой распознается не сразу, как нам это привычно в повседневности, а с огромного расстояния или большого промежутка времени после многих своих повторений. Повторения делают явление доступным для анализа. В противном случае о случайности, как о явлении, говорить нельзя, ибо вне этого случайность не попадает ни под какое определение.

Также надо помнить, что всякое взаимодействие – взаимодействие двух реалей, связанных одним прошлым и потому они являются тождественными прошлому и друг другу родственными в любом случае. И потому взаимодействие, как проявление того самого изначального единства, происходит в той же самой сфере единения, в коей было все вокруг в момент Начала начал⁷⁷⁷⁻⁰²⁻¹.

Иначе, как инородные друг другу по происхождению, в никакое взаимодействие оные бы не вступили, как не подобные друг другу. Следовательно, всякое взаимодействие происходит между реалиями, вышедшими из одного и того же Начала начал и исповедует только об этой первопричине всех явлений, хотя и воспринимается нами как счастливая случайность в хаосе множеств взаимодействий. Таким образом, мы созерцаем вокруг только свой же образ и подобие в межличностных отношениях с Богом, благодаря чему подобное взаимодействует только со своим же подобием по причине одного единого Начала начал. *Мы всегда имеем дело с точкой, в пределах формального образа которой разворачивается весь театр мироздания, но на более совершенном утонченно-нежном понятийном языке обыденных реалей. Личность Творца предстает перед нами в сфере материального мира как порядок, но своеобразно то в виде пустоты, то в виде точки, то в виде формы (окружности с радиусами ноль и бесконечность, и т.д.).* Так как мы видим окружающий мир вплоть до самых глубин космоса, то это говорит только о том, что все это было когда-то и остается до ныне точкой или одним Началом начал. Это первое. Второе, сам факт того, что мы наблюдаем за происходящим вокруг и можем вести какие-то суждения о происходящем в самых далеких уголках Вселенной, говорит об одном, что Начало начал – это сам человек⁷⁷⁷⁻⁰²⁻³. Из человека и через него вышла вся видимая Вселенная со множеством ее физических явлений. Это то самое первое явление контраста, в коем есть две крайности единого, о котором мы говорим, как о экстазе. Так как все вышло из одного Начала начал и так как Оно тогда уже было человеком, то естественным для человека остается то самое первое положение в Начале начал и потому, только по этой причине, все вокруг нам родственное и только потому имеет сопряжение с нашим разумом

посредством телесных органов чувств. Когда-то мы все были одним целым в ином проявлении природы Вселенной и все вышло вместе за нами из этого единого проявления природы, вышло следом за нами и в нашем образе (экстаза), как подобие нам. Ведь то, что нам не подобно в образе воспаления природы – все то выйти не могло из Того Бытия. Человек вытянул из того мира в эту сферу бытия то, что ему родственно по единому образу поражения природы и человек стал родителем всего вокруг в своем новом образе, несущем поражение природы – в образе червя или змия искусителя. (Позже мы увидим, как выражается образ змия даже в самой элементарной частице зримой вселенной). Просто чувственная природа поражена первородным грехом, а потому видит только то, что также имеет поражение первородным грехом, как свое же подобие. Поэтому физически зримая окружающая вселенная – это то, что оказалось в сфере постижения чувственной природы, пораженной первородным грехом. Первородный грех привнес в этот мир человек и потому мир этот несет в себе то, благодаря чему он как подобие видим ему – первородный грех человека. Человек, как образ Божий или как пребывающий в Теле Христовом, является Членом (в пределах дозволенного) Предвечного Совета Троицы, имел и имеет власть в этом плане как образ Его. И именно своим благим намерением или волеизволением⁴⁴⁸ помимо Предвечного Совета родил эту видимую вселенную из самого себя. Как несущий образ Творца, создал ее своим первородным грехом и теперь, по-прежнему оставаясь у истоков его (Начало начал), зрит мир сей посредством его телесной чувственной природы, пораженной первородным грехом и мыслит его. Если человек пытается пребывать на Предвечном Совете посредством невозможного, а именно посредством природы первородного греха, то мир предстает перед ним хаосом и даже уходит из виду. Ибо, если созерцать Вселенную через то, чего нет в естестве Божественного, то мир предстает, как отсутствие всего реального. Отсутствие порядка – это и есть иное определение хаоса. Если же человек в единстве с Творцом в Замысле Предвечного Совета, то наоборот, перед взором открываются пути богообщения и во всем открывается божественная красота Вселенной. Два в одном, при котором, с одной стороны Вселенная рождается человеком в сфере, в коей есть первородный грех и представлена как часть хаоса. И с другой стороны, мир остается в богообщении с Ним посредством человека и исповедует о Нем, являя нам красоты мира, то есть представлена вечностью. Так как человек родил мир своим волеизволением вне Предвечного Совета, то он временный есть. Нет вечности в первородном грехе. Два в одном, то есть все же человек рождает Вселенную для данной специфической сферы временного бытия, в которой мир исповедует о Боге в данной специфике, свойственной для этой сферы греха. Мы видим мир, как свое же подобие.

(07.01.00)Благодаря тому, что человек родил сию Вселенную, мы зрим эти далекие миры, как родственные нам, как наше детище. Теперь же человек познает мир, а именно самого же себя. Человек имеет возможность познавать только то, что он есть сам – он и есть этот мир. То есть своим же волеизволением человек пытается вернуть мир в прежнее состояние. Мы потом, ниже по тексту узнаем, что соединить и восстановить утраченное можно только на Голгофе Христовой и в многочисленных прообразах Её. Только на Голгофе Христовой отворяются Врата Царствия Небесного. И потому только на Голгофе зародилась жизнь и чтобы быть тем, чем была жизнь изначально, надо жить в том же прообразе, в коем зародилась жизнь, для чего необходимо уничтожить все то, что этому мешает – нужно идти на Голгофу. Поэтому бери свой Крест и восходи к вершине, тогда обретишь все остальное. Если возьмешь что-то иное, то потеряешь даже то, что имел. Повторюсь, Голгофа – это то Место Вселенной, в коем зародилось все живое на Земле. На Ней все начало быть и на Ней все закончится. Это схоже с каменными столбами у нас на Северном Урале, названными в народе Семь Братьев. Верхняя кромка вершин каменных изваяний когда-то в самом начале времен была поверхностью или частью огромного горного ландшафта. Воды, морозы и ветра сделали свое дело, разрушили то, что поддавалось разрушению и перед нами возникли каменные столбы, но верхний край коих так и остался напоминанием о том времени самых

первых моментов истории Земли. Вот почему Вершина вершин Голгофа Христова остается тем Местом, в котором соединяется Царствие Небесное и царство земное и возвращение-возхождение Христа на Эту Вершину становится неизбежным. И нам следует идти за Ним. Это еще один поперечный срез соотношения порядка и хаоса, открывающий нам иные тонкости окружающей реальности^{777-07-7.3}.

б) Броуновское движение имеет две составляющие, в коих частицы либо перемещаются, либо сталкиваются. Перемещение частиц свидетельствует о трехмерном пространстве активной пустоты, от которой исходит влияние. Столкновение – это взаимодействие. То, что частицы между собой взаимодействуют говорит о том, что они имеют что-то общее и родственное происхождение – происхождение из одного общего начала. Поэтому взаимодействие частиц между собой не может выпрыгнуть за грани себя и происходят именно в пределах природы этого начала, в пределах естества заложенного в каждой частице и остается образом и подобием начала начал. В каждом взаимодействии подчеркивается еще какая-то грань начала. Итак, даже если Творца нет и, как говорят материалисты, природа явления случайная, то сам факт того, что произошло взаимодействие, то это свидетельство о первопричине и как-то там в пределах свойств природных возможностей будет выстраивать хоть и отдаленное, но свидетельство о начале – структурный порядок только в прообразе начала. Мы видим двоичность берег-река⁴³. Просто подобное порождает только свое же подобие.

Стр.571 112211 Присмотримся к самой пустоте внимательнее. Согласно диалектическому закону все пребывает в развитии от простого к сложному. Хорошо. Вот перед нами усложнение простоты в границах законов пустоты в данном явлении, попавшее в поле зрения нашей ограниченной возможностями природы. Хотя видимый спектр очень узенький, но это не означает, что все нами не видимое и представленное чувственной пустотой не существует. Хотя и предстает перед нами пустотой. То, что является простотой, оное по-прежнему вступает в активное взаимодействие, но в данных временных промежутках об этом взаимодействии нам ничего узнать. Чем абсолютнее простота, тем больший промежуток времени она требует, чтобы заявить о себе. О том, что в пустоте есть некоторая невидимая активность мы узнаем опосредованно только косвенных доказательств, да и то в одном лишь случае, если этих взаимодействий произошло не одно, а множество. Только на основе этого можно вести анализ. Чем абсолютнее простота, то заявление о ней в естественной нам реальности требует большего количества взаимодействий. Являясь насельниками невидимого Царствия Небесного(смотри111-01-1.1) мы видим только насельников Царствия Небесного, которые также чувственно безвидны. Невидимый образ, хотя и созерцается нами как пустота телесными очами, становится видимым через посредник. Тем самым, само первоначало двух взаимодействующих явлений хоть и имеет свое уникальное влияние, ибо оное родственно им обоим, но зримо распознаваемо только в образе их поведения при взаимодействии. Начало начал заявляет о Себе всюду и во всем, но, если в пустоте это заявление Себя (Начала начал) происходит в самом чистом виде, то во всех иных случаях сие заявление о пустоте чувственно распознается через посредники. Вне пустоты и ее трехмерного пространства ничего не существует. Пустота, сама по себе активна покоем, то есть она активизирует в окружающем хаосе покой и тем самым упорядочивая реальность тем, что противоречия нейтрализуются взаимным дополнением. А покой – это в высшей степени абсолюта счастье по ограниченному односторонностью определению. Две взаимодействующие реальности в момент контакта исповедуют нам о Начале начал, подчеркивают еще одну какую-то уникальную грань. То есть взаимодействие заявляет о свойствах пустоты уже односторонне, то есть несколько засорено или затуманено. Из-за этого мы видим одно и упускаем из виду все остальное. Но все свойства пустоты есть и тут, ибо лежат в основе во всей полноте во всяком взаимодействии. В противном случае, вне свойств пустоты, кои заключены в каждом явлении, взаимодействие бы никак не

состоялось. Итак, если нет пустоты, то и нет всего того, что заявляет о ней и несет её образ в специфическом чувственно распознаваемом выражении – нет взаимодействия. Пустота – первооснова, первопричина всего. Если сказать о человеке, что он есть продукт эволюционного становления от простого к сложному (так говорят атеисты), то и молитва тогда просто обретает иное имя, то есть в контексте понятийного языка материалиста в поле зрения попадают специфические послы и динамическое активное богообщение звучит иначе. Нам надо принять образ пустоты, а именно чувственной пустоты, чтобы свидетельствовать о ней в новом порядке – творить пустоту. (Узнаете Веданту, Буддизм, Индуизм, а именно практику выхода в Нирвану? Человек отказывается от всяких желаний и влечений) Почему именно пустоту? Потому, что именно чувственная пустота является первым признаком добра (смотри 777-01-2.4) и радости⁴⁴⁹. Радость здесь – это пустота или отсутствие горя, ошибки и травм тела, психики. Толстой сказал, что любовь – это «как палец, о котором я начинаю думать, когда он болит». То есть, как только палец возник в нашем сознании не как чувственная пустота, а как реальность, так сразу же мы говорим о том, что порядок вещей разрушен. И мы восстанавливаем этот образ пустоты в самих себе – лечим палец⁴⁴⁹. Если палец здоров, мы даже не вспоминаем о нем (перед нами образ пустоты). В богообщении это важный момент, ибо надо быть подобным Ему для беседы с Ним, так как подобие только с подобным себе может общаться⁴⁴⁹. Говоря языком материалиста, мы должны быть чувственно пустыми, чтобы общаться с пустотой. Бога нет в поле желаемого распознавания, но от этого ничего не меняется.

Таким вот образом, не сказав ни слова о Боге, мы понимаем, что нового ничего не произнесли, но только далее Ему иное звучание на ином понятийном языке материализма и все... Мы всегда имеем дело с точкой, в пределах формального образа которой разворачивается весь сценарий мироздания, но на более совершенном уточненно-нежном понятийном языке обыденных реалий. Язык материалиста – это язык форм. И материалист правильно говорит о том, что в формах нет чувственности, ибо чувственность и духовность – это более уточненный и более глубокий понятийный язык о том же самом – о Боге. Хотя нельзя сущность называть языком, ибо это природа естества, а язык – это набор форм. Ощущение присутствующей сущности – это тоже познание, рассказ или свидетельство. Материалист, хотя и заявляет о Творце, но говорит о том, что во время свидетельства о Боге нельзя смешивать одно с другим, нельзя смешивать понятийные языки из различных сфер мировосприятия, ибо одно остается всегда в границах другого. В противном случае, сие становится не научным. Также как глаза или рот, или нос остаются в пределах определения социума человека, но отдельно под определение социума не подходят и остаются только в нем. Так и духовное остается в пределах материалистических формальностей. В то же время нельзя отделять одно от другого, ибо и то, и другое свидетельствуют об одном и том же. Мы увидели в самом-самом абсолютно общем плане то, что материя может как-то вести себя только в пределах своей (Богом установленной) естественной возможности развиваться к более совершенному выражению свойств распознаваемой пустоты посредством ограниченной грехом природы, но для верующего сие есть выражение свойств Бога. Форма свидетельствует о Боге только своей абсолютной лимитированной оптимальностью, которая имеет абсолюты в пустоте, в точке, окружности, сфере, в шаре и так далее. Оптимальность становится критерием простоты, с помощью которого форма исповедует о Боге?????1122.

Так как мы рассмотрели два абсолютно крайних случая мировосприятия, то из всего сказанного, становится понятным, что все наши суждения о мире не могут выпасть из этих крайних пределов – всякое суждение пребывает где-то между ними и выльется, в конечном счете, только лишь в то, что мы будем удобно для себя менять имена одних и тех же реалий в этой же общей схеме Вселенной и при этом будем верно обозначать границы возможности

свидетельствовать об Истине. Также как след, оставленный человеком в грязи, в каких-то пределах возможного свидетельствует о человеке. Но только в пределах возможного и не более того, на что способна грязь с её свойствами. Хорошо сей момент показал великий отец Андроник (Лосев) в своей «Хаос и структура». Он давал разные имена одним и тем же понятиям и показал образы гармоничного сопряжения их между собой. То, что он взял на себя – всегда было непомерной ношей для исповеди о Боге. С помощью такого крайне неудобного инструмента, в основе коего лежит естество самого дна Вселенной, «крайнего предела бытия тварного» (то есть числа) говорить о полноте Истины невозможно. Хотя усложнение формы в бесконечном развитии попытается в пределах абсолютной оптимальности формально выразить каждую грань сущности. Так произошло формирование природы человека. Логика и её число – это тонкая характерная для формы граница, это последняя хрупкая, легко ломающаяся твердь, разделяющая нас с бездной небытия. Как только форма теряет оптимальность, свойственную окружности, так сразу же перестает быть подобной пустоте и разрушается. То есть несмотря на осязаемую омертвелость логики (которая выражает единое целое живого тела не только оптимальностью, но и через непрерывность причинно-следственных принципов отношений между бытием и небытием), всё же в ней есть грани Божественного, посредством коих логика опять же в пределах своих возможностей свидетельствует о живом Боге – только единство выражено теперь иначе – непрерываемой цепочкой суждений причинно-следственного механизма железной логики⁷⁷⁷⁻⁰²⁻⁷. Здесь с помощью логики свидетельство о Боге происходит свойством непрерывности. В противном случае, логика выпадает из поля зрения, как неподобие Богу и потому инородность нам. Об этом нам говорит Алексей Федорович. Но, не смотря на сложность поставленной задачи, мыслитель блестяще справляется с ней. По известным причинам, не сказав ни слова о Боге, он свидетельствовал о Нём с помощью того грубого образа мировосприятия, ценностями коего жило русское общество. В тот тяжёлый для Православия исторический момент это было особенно востребованным и потому опасным. Требовало мужества и отваги, и безграничной любви к Родине, ибо приходилось стоять против власти тиранов. Вне всякого сомнения Алексей Федорович Лосев (в монашестве о. Андроник) – личность героическая, а о степени его святости должно засвидетельствовать нам время.

1.0.-4. В этой работе, чтобы не преступить пределы православного догматического богословия и не впасть в ересь, вплотную будем также пользоваться трудами Владимира Николаевича Лосского и говорить его понятийным языком. Он тоже воин и высочайший мыслитель Руси, который смог изложить основные моменты веры только уже естественными для православного верующего категориями близкими к современному языку понятий. Да много было ученых до него, но он в этом плане ближе всего к нам. Оба учёных, прибегая к относительно диаметральным понятийным системам для изложения Божественных принципов, утверждали одно и то же – они не смещали центры и тем самым не вводили их в противопоставление (это приводит в конечном счете к крови), тем самым наделяли общество способностью жить, ибо только эта кондиция бытия единомыслия и единства мировосприятия имеет значимость для нас живущих.

То есть, если сказать о Боге на понятийном языке абсолютного Его отрицания (при котором событие есть не Воля Личности, а случайность), то этим мы назовем ещё одно имя Господа. Также как и абсолютная пустота атеистов – имеет место быть как относительно верное утверждение, ибо пустота присуща Ему, как прообраз абсолютной непознаваемости посредством привычного нам набора инструментов (воспаленного грехом естества чувственной природы), давая повод утверждать о своей правоте упертым атеистам. Потому и случайность – не Воля Божья. Но атеизм страшен не в том, что отрицает бытие Бога, ведь от этого в природе вещей ничего не меняется, но меняется в нас самих. Атеизм страшен совсем в другом – каждый из нас путник и потому идёт туда, куда направлен его взгляд. Если видит перед собой пустоту и хаос согласно мировосприятию атеиста, то будущее его хаос и пустота. Поэтому мы,

верующие, даже в капельке росы видим премудрость Божию, хотя это может быть наивно и не научно выглядит, но правды в данном случае больше, чем в самой гениальной теории научного анализа. С другой стороны, следует быть нежным по отношению к самим деятелям науки и на понятийном языке научной доктрины правильно дать имя Премудрости Божьей. Тогда восстановится баланс и в общественном сознании не появится черных дыр, оформленных как законное пребывание сил бездны там, где им нет места, где их бытие становится преступлением против Бога и человечества.

1.0.-5. Для того, чтобы дальше вести предложенные в этих книгах исследования, чтобы знать где именно искать Истину, необходимо точно знать, что именно мы ищем. Ведь очевидно, что не каждое знание приносит человечеству пользу. Не каждое знание животворит. Чем надделено живое? Живое надделено чувством распознавания окружающей действительности. А потому выстраивая новую доктрину, мы не должны быть тем, чем ныне является мировая научная элита, которая ищет Истину методом тычка, то есть на основе результатов научного эксперимента. Невозможно распознать бесконечно общее посредством бесконечно малого частного случая. Но общее распознается только через его же подобие – общее всеобъемлющее понятие. Мы должны видеть Истину в общем плане и только потом сможем созерцать то место, которое отведено множественным частностям в этом общем. Так как для познания Творца мы прибегаем к мышлению, то неизбежно в этой области мировосприятия определяется новый критерий красоты и полноты созерцания Божественного – мы можем зреть Истину в некоторой новой специфике её проявления, свойственной только миру мышления – разумность устроенного мира. Мы учимся читать замысел Бога и жить теперь еще и этой красотой. То как этот способ познания работает ныне есть извращение, житие с которым требует массу энергозатрат. Ведь надо не констатировать новые научные факты, а уже знать о них заранее. Аппетиты растут с быстрыми темпами, потому потребность в экспериментах все больше и больше. То есть в скором будущем для восполнения затрат от такой жизни в извращении не будет хватать даже солнечной галактики. Стремление к познанию в такой кондиции жизни убьет все. Иными словами, нам следует хорошенько разобраться в самой природе нашего познания и понять, что именно мы хотим и что должны получить на самом деле и, соизмерив себя с Божьим Замыслом, начать уверенное строительство чего-то там нужного в экономике. Мы должны научиться умом видеть реальность не испытывая её, подобно апостолу Фоме, «не вкладывая перста в ребра» для распознавания Божественного на ощупь. Вы поймите, что сильно велика цена такому вразумлению, которое получил апостол Фома. Какой смысл создавать теорию, если ей невозможно пользоваться, если с помощью её невозможно предсказать результаты опытов. Мы уверенно идем по лесу не потому, что соблюдаем правила и законы, а потому, что имеем способность видеть перед собой дорогу, соизмеряя ее с конечной целью путешествия. Мы должны открыть глаза ума, чтобы не ведая о том, каков мир мы могли бы уверенно выстраивать поведение материи; мы, не прибегая к практической науке и не ведая ничего, могли бы уверенно сказать о том, как устроен атом или как устроен космос. Не имея сверхмощные телескопы, нам должно быть открыто устройство космоса с его множественными галактиками и созвездиями. Тогда не надо было бы проводить дорогостоящие эксперименты, если это итак можно спрогнозировать. Мы бы уверенно конструировали бы материю с нужными для нас свойствами и уверенно знали о том, куда имеет смысл направить вектор своей научной деятельности. Без этого качества научных исследований не может быть даже и речи о будущем науки во всех её формах и специализациях.

1.0.-6. Форма в масштабах бесконечных промежутков времени стремится выразить грани и свойства внутреннего мира. Каждая реальность естества материи заявляет о себе сразу же, но распознаанию поддается только в процессе развития. То есть материя живет сразу в двух реальностях и подчиняется обоим законам. При этом один закон работает в пределах функционального пространства другого. К примеру, кинетическая энергия метеорита, захваченного гравитацией,

тационным полем планеты не пропадает, а подчинившись влиянию, адаптируется в пределах теперь уже иных реалий – движения по окружности вокруг планеты. Энергия не исчезает, а прячется в новой форме проявления, оставаясь той же по сути. То есть любое явление как-то исповедует не только то, что мы привыкли свидетельствовать научным анализом, но и то, что законам анализа не поддается. Из того же примера, вроде бы метеорит предстает перед нами с привычным набором свойств, но отдельные грани внутреннего мира этого небесного тела распознаются уже иначе – на огромных расстояниях и в иных промежутках времени в движении метеорита в космической пустоте. Чем глубже запрятано свойство внутреннего мира явления, события или предмета, тем большие и более грандиозные масштабы нужны для раскрытия и освидетельствования его, как реальности. Иными словами, есть в этом теле и другие свойства, которые распознаются в масштабах уже иных, уже во всей Вселенной. Как научиться сопрягать одно с другим? Изначально, для формирования ответа на этот вопрос, хотелось бы уточнить области определения, в которых работают эти влияния (над этим работали такие выдающиеся ученые Лосский В.Н. и Лосев А.Ф.).

Для этого поставим один эксперимент. Сразу сделаю пояснение, чтобы не было каких-то недоразумений. На этот опыт в процессе повествования придётся ссылаться часто. Дело в том, что исследуемые нами вопросы многогранны и всегда касаются только одного и того же – бытие Бога, но в самых различных сферах жизнедеятельности и умного искания. То есть во всех случаях идет речь об одном и том же принципе жизни, ее миростояния в Нем³⁶². А так как этот принцип имеет место в каждой фибре бытия, то постоянно приходится прибегать к нему в суждениях для обоснования Истины, при этом в каждой конкретной ситуации предварительно адаптируя его (сей принцип), в специфике понятийного языка, соответствующей для природной реалии обсуждения вопроса. Активируя какую-то востребованную спецификой поиска решения задачи грань озвученного принципа, нам открывается верное освящение изучаемых проблем, возникших в процессе исследований. Также как огнём мы пользуемся, вычленив в нем какое-то одно нужное в данный момент свойство. То мы используем его для освещения, то нам нужно его жаркое тепло для приготовления пищи, то просто хотим сжечь какой-то мусор и так далее. Но суть огня во всех случаях та же самая и для каждого случая мы вынуждены делать одну и ту же процедуру – производить один и тот же процесс разжигания его. Также и в нашем случае, для освещения какой-то новой реалии, нам потребуется акцентировать внимание на одном и том же принципе, и проводить тот же самый эксперимент, который этот принцип выражает. Хотя, кроме этого опыта нам придётся прибегнуть также и к другим наглядным примерам и точно также для освещения различных граней акцентировать внимание на каком-то ином интересующем свойстве. Таким образом, созерцая мир посредством самих себя мы его видим и при этом видим грани живого. Это на будущее, чтобы читателю быть готовым к частым повторениям. Это нормальный творческий процесс.

1.0.-7.Итак, возьмем абсолютно тонкую прямоугольную доску и выведем её в состояние вертикального равновесия с опорой на ровный пол³⁶². Понятно, что если мы её выпустим из рук, то она падает и мы, применив весь свой багаж научных знаний законов механики, можем предсказать траекторию и место падения её. Почему так происходит? Потому, что для мертвой материи такое поведение материи естественно. Но жизнь подчиняется иному закону – несмотря на все то, что выводит нас из равновесия, мы не падаем, как прямоугольная доска под действием сил тяготения, а наоборот выравниваем свою вертикаль, восстанавливаем равновесное состояние. Равновесное состояние в любой грани имеет образ постоянства, что означает тождество пустоте. Жизнь, пребывая в постоянных колебаниях возле точки абсолютной устойчивости и абсолютного равновесия, как бы включает в себя обе эти составляющие – распад и восстановление. Одновременно она утратив равновесие падает, и в то же время вновь выводится в равновесие, тем самым порождая волновые колебания. Так как природа нашего познания суть такова, что чувственному и умственному освидетельствованию подда-

ется только то, что подобно нам по природе вещей, то чувственно воспринимаемый мир – это тоже кондиция равновесия, устойчивости и стабильности (характерные черты постоянства пустоты). Дело в том, что сам по себе процесс распада – свидетельство о том, что в бытии есть нечто такое, что до распада обладало всем спектром стабильности, устойчивости. Мы видим не распад, а то самое до распада, которое начало распадаться – свой образ и подобие – мы видим равновесие (пустоту колебаний), только явленное нам опосредовано распадом. Мы видим пустоту посредством событий, иначе говоря, видим абсолют равновесия посредством колебания. То есть Божественное в нас видит только подобие Ему в окружающем мире, зримое опосредовано процесса распада. К примеру, яблоко мы видим органами вкуса после того, как откусили и расщепили клетчатку плода. Мы понимаем, что это было яблоко. В переложении на математическую концепцию Отец Андроник (Лосев) назвал эту кондицию мироздания аксиомой числового первопринципа. (Логический анализ о.Андроника пребывает в области функциональных природных возможностей математического числа свидетельствовать о законах живого).66776677?????

Хочу повториться, так как всякое явление оказалось в поле нашего чувственного освидетельствования, то неизбежно оно наделяется нашим подобием, то есть обладает тем же набором свойств и качеств. Ибо подобное познается только своим подобием. Отсюда следует важное. Если вводить в сопряжение две эти реальности в соответствии с поставленной перед нами задачей, то мы можем отвечать на многие вопросы. Можно научиться прогнозировать поведение природы без научного эксперимента, ибо всякое поведение природы свидетельствует о Боге без нарушения законов механики только в естественных для механики границах определения и в пределах Божественного предопределения. В противном случае, современная наука так и останется набором фактов, полученных эмпирически. Согласитесь, что надолго нас не хватит с такой постановкой вопроса.

Далее по тексту мы будем говорить о том, что ранее распознанным быть не могло, ибо специфика инструментов познания этого произвести не могла. Ранее по тексту все о чем мы будем говорить на понятийном языке тех инструментов звучит как «ноль», ибо лежит вне поля зрения.

Всякое научное утверждение несет в себе, в первую очередь, свидетельство о Божественном, точнее в границах сферы данного научного поиска, несет в себе свидетельство о Его каком-то уникально-специфическом явлении в пределах исследуемого материала. Проводя исследования, с самого начала нам следовало бы утвердиться на том, что мы видим и можем видеть только Бога и пребываем в межличностном общении с Ним. Ибо для нас живых ничего более востребованным, кроме Божественного, быть не может. Таким образом, мы слышим Бога, видим Бога, распознаем Бога, нам может открыться новая способность видеть ещё одну специфическую сторону Истины Его, равно как узнавать о Ней через глаза или уши, или как-то иначе. Все это формы непосредственного контакта с Творцом в процессе богообщения³⁶¹.

Настоящая истинная теория должна безошибочно прогнозировать, в противном случае мы остаемся в познании подобными обыкновенной животной скотине, которая получив плохой опыт в будущем использует его для самосохранения. Нам также нужен плохой опыт в любом проявлении, но только как свидетельство о хорошем опыте. Это очень важно, ибо природа созерцания суть такова, повторюсь снова, что в ней виденье Божественного основа основ есть, а все остальные формы познания – суть множественные производные дефиниции, формальные видоизменения основы основ, многоликие образы этой основы, хотя также значимые для полноты приобщения ко Творцу³⁶¹. Человеческая эволюция в отличие от животных имеет направление к возможности все более полного познания Бога, к более многогранному свидетельству о Нём, и более плодотворному общению с Ним. (То что мы видим ныне – это беснование зверя, жаждущего пожирать все живое на своем пути).

Сформируем некоторые установки, которые станут необходимыми нам в некоторых примерах конструирования и с помощью коих мы, ничего не ведая о строении мира и исходя из некоторых посылов, теоретически сформируем модель и потом сравним с тем, что видим. А именно речь пойдёт о том общем первоначале (которое, по слову о. Андроника, есть суть аксиоматики по природе естества), как об ещё одном имени понятия единства, а именно единящего присутствия Божьего, явленного нам в данной специфике выражения или представленного нам в виде распознанной в таком вот уникальном образе грани или свойстве Вселенной. Почему мы это делаем? Мы хотим видеть всю истину, а не распознавать её какие-то оттенки опытным путём. А природа чувственного распознавания суть такова, что в ней всегда есть неподвижная точка отсчета⁴³ (того самого берега), относительно которой мы мерим, чувственно определяем степень различия её от исследуемой реальностью. Так вот обладая точной постоянства, нам востребовано виденье именно точки постоянства посредством какого-то специфического свидетельства о ней. Если мы видим то, что заложено в основе основ нашей же природы, то говорим, что нам это понятно. Без этого нам не распознать всеобщую относительность «течения реки» – такова природа наших чувств. Надо заметить, что в данном случае, неизменная точка постоянства – это специфическое имя личности, это уникально сложившееся в данной реальности свидетельство о живом мыслящем индивидууме. То есть видеть истину и общаться с другой личностью – это значит видеть постоянство через его влияние, производной частью природы которой является всякое явление, оказавшееся в поле нашего обозрения. Точнее всякое явление – это специфическое свидетельство о постоянстве (о берегу) Личности – мы пытаемся распознать его в какой-то неведомой для нас пока ещё реальности, через какой-то проводник³⁶³. Итак, сформируем важные установки.

1.0.-8. Согласно священному Писанию, жизнь есть дыхание Бога. Если всё было сотворено Богом, то очевидно в Его прообразе должно обладать Его естественным свойством неуничтожимости, явленной в самых различных сферах и образах проявления, получившей имя Закона Сохранения. Иными словами, если сказать, что Бог есть, то этим высказыванием мы даем новое имя опытно распознанному Закону Сохранения (хотя так говорить нельзя, ибо именем является Закон Сохранения). Точнее древние люди на своём понятийном языке религии сформировали это свойство сохранения жизни и бытия вообще, что потом перешло в Таинство Святой Евхаристии, когда на Престоле разделяется Тот, Кто разделенным Быть не может. Мы это понимаем не только по тому, что Господь не может творить и рождать инородное Самому Себе, а ещё и потому, повторюсь вновь, что вечность жизни распознана опытно на практике, также как законы сохранения энергии, законы сохранения материи, которые человеку удалось открыть разумом в сфере материального мира. Древние судили о Боге во Вселенной также, как на своём понятийном языке судят о вечности мира современные физики и химики. Как в те времена, так и сегодня люди ни с чем более дела не имели и иметь не будут.

1.0.-9. Для нас важным будет заметить, что Божественное имеет энергию, несущую в себе образы единства и постоянства. Иными словами, вне всякого сомнения у закона сохранения есть такие имена, как: закон сохранения энергии (в физике); закон сохранения массы (химия); закон сохранения количества движения (в кинетике); закон сохранения единства (в математике); закон сохранения постоянства (в философии); закон сохранения образа Божьего (в биологии и различных от неё ответвлениях); закон сохранения промысла Божьего (в истории). И так далее. Во всех этих формах Закона Сохранения (энергия, движение, масса, единство, постоянство, образ Божий и промысел Его) постоянно переходят из одного состояния в другое, оставаясь при этом неизменным одним и Тем же. К примеру, закон сохранения постоянства мы увидели в порядке вещей. Просто понятие постоянства является общим и для порядка, и для пустоты. И порядок, и пустота – это различные формы проявления свойства постоянства. Следовательно, пустота и порядок – суть одно и то же, а потому одно рождает свое подобие в другом или постоянство переходит из одного состояния в другое согласно Закону Сохранения.

Но почему тогда порядок чувственно распознается, а пустота нет? Во-первых, не грамотно поставлен вопрос. Ибо пустота и порядок – это одно и то же и нам следует думать и говорить только о пустоте, имея в виду ее совершенство в абсолюте. Порядок – это то, что несет в себе это совершенство, нам нужно правильно мыслить не только потому, что такое мышление есть проявление настоящей Истины, но и потому, что такая форма исповеди остается жизнеутверждающей.

В пустоте распознается постоянство и порядок тоже распознается как постоянство. Это звучит в том же прообразе жизненной ситуации, когда путник вытаскивает попавшего в яму с помощью палки (смотри 111-11-1.1). То есть через порядок мы видим образ совершенства для себя и мы за него крепко хватаемся, и он тянет нас за собой к отсутствию ограничений, к прежней свободе, в коей естественно нам быть. Пустота – это имя дыхания жизни, вдунутого Богом, ибо критериями мира материи сие не может звучать иначе, но в любом случае, чувственно воспринимаем мы только то, что позволительно нам воспринимать Богом. Наша пораженная грехом чувственная природа, как черное, позволяет созерцать спасительное белое. То есть отсутствие грехов или пустота пороков выступает для нас пустотой чувственной, а потому и порядок для нас тоже является чувственной пустотой греха, ибо всякое познание дано нам только через разрушение порядка – этот момент разработан в содержании иных томов этой книги. Просто счастье для нас – отсутствие несчастья, то есть чувствуя пустоту, то есть отсутствие несчастья и боли, мы счастливы и здоровы. (Палец на руке мы не чувствуем и не замечаем, пока он здоров, то есть порядок в структуре здорового тела – это есть пустота нестроения и разрушения). Мир несет в себе все свойства пустоты³⁶⁴ и именно по этой причине несет в себе бесконечную многогранность ее выражения. Так как мир был создан из ничего и только в некотором порядке, ибо только это «ничего», как постоянство, наделено этим свойством, а поэтому только оно было источником постоянства и только оно могло передать это своё свойство греховной пустоты, свойственной порядку вещей, стать структурой порядка вещей в космосе и во Вселенной, её гармонией. Тут нет нарушения закона природы – закона сохранения чувственной пустоты, распознаваемой только первородным грехом как пустота. Активность пустоты в том, что мы цепляемся за нее и в то же время она крепко держит нас и влечет за собой к себе, к свободе от всего чувственного.

1.0.-10. Этот момент хорошо описывает отец Андроник, причем с помощью самого тяжёлого понятийного языка математики. Точка, прямая, плоскость, пространство и так далее – все они несут специфические выражения свойств постоянства пустоты или свидетельствуют о нем, как об абсолютном постоянстве. Каждое измерение несет в себе эту печать постоянства ноля и специфически сложенную величину отличия, благодаря чему мы можем распознавать заключенную в них всех пустоту аналитически. То есть пустота остается основой: точки, прямой, плоскости, пространства и так далее. Для нас все перечисленное, как и все множественные их проявления – понятийные языковые системы о пустоте или отсутствии величины отличия. Просто все они наделены абсолютным постоянством пустоты (то есть абсолютного ноля) и востребованы только лишь для этого⁴⁵⁰. Ноль-постоянство – это энергия, явленная во множественных выражениях. В этом явлено «самотождественное различие», как сказал бы этот великий философ в работе «Хаос и структура». Данное фундаментальное утверждение нам понадобится в ходе обсуждения.

Пустота – носитель энергии. Почему? Потому, что все то, что попало в область ее влияния с этого момента носит ее печать. С этого момента, имеет когерентность в одном общем для всего, попавшего под влияние пустоты, свойстве. Все имеет в себе Начало начал и имеет прообраз диполи, в коей одна грань так и остается образом и подобием Начала начал, а другая выражает усложнение. Все частицы в Начале начал подобны между собой и даже идентичны, но различны в образе усложнения в развитии. А потому именно этим краем цепляются за пустоту, при этом организуясь в порядок вещей в образе пустоты. Таким образом, точка пустоты ста-

новится источником, в котором реальность хаоса обретает одно общее для всех направление. Это-то и становится тем, что мы называем излучением. Появляется упорядоченность, которая обуславливает одно направления воздействия – это становится свидетельством о пустоте⁴⁵⁰ в деле, то есть энергией. Это есть истина хотя бы по той простой причине, что энергия не может реализоваться тем, где нет для нее естественной основы. Источник энергии и окружающая его реальность пространства – идентичны по естеству природы⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹¹¹. Вот почему везде работает закон неуничтожимости

1.0.-11. Этот же закон о вечности и неуничтожимости жизни со всем ему сопутствующим набором множественных проявлений, распознали древние. Отличие от нас только в том, что сформировали они этот закон на своём понятийном языке религии – строили менгиры, дольмены, кромлехи в Европе и по всему миру (современные культовые сооружения).

Рассмотрим с иной стороны. Чувственно воспринимаемые и греховная пустота (отсутствие греха), и порядок тождественны. Отсутствие греха имеет много упорядоченных форм самовыражения (государственность, религиозность). По природе жизнь абсолютно вечна, но временны противоестественные себе и Богу ориентации ее. Тут два в одном. Вместо свободы теперь нужна ограничивающая скованность для того, чтобы противоестество направления развития живого не имело разрушительного влияния. А в другом случае, так как она имеет вечное, непреходящее в бытии реального, то только благодаря тому, что естественным образом для Царствия Небесного ориентирована на сослужение Творцу. Поэтому закрепощение, скованность, ограниченность свобод – есть, на самом деле, процесс непрерывного перехода из одного состояния свидетельства о Творце в иное, ибо для возможности бытия нужна полнота всеобъемлющая. А полнота не может быть вмещенной в какое-то даже самое малое ограничение, но может вместиться постепенно в бесконечном бытии. А так как полнота все же может вместиться в ограничение хотя в таком вот образе, то уже это обстоятельство бытия процесса вмещения обуславливает бытие всякого явления. То есть тут нет покушения на природу человека, а значит нет чувственного ко греху освидетельствования временного, ибо это принадлежит уже вечности⁴⁵¹. Иными словами, жизнь абсолютно вечна, временными могут быть только всегда противоестественные (из-за ограниченности) Богу формы её, а потому мы распознаем только изменчивую внешнюю инородную Богу формальность⁴⁵¹.

Так как данная реальность инородна Богу, то инородна природе человека, а потому как инородное приносит боль. Просто боль в малых пределах становится чувством, или малым возбудителем нервной системы, но по природе сие остается болью в прообразе высказывания Льва Толстого о природе любви (любовь – это как палец, который воспалился). То есть пустота – это имя здоровой и устойчивой жизни¹⁷². Но чтобы познать саму сущность внутреннего мира, нам необходимо разрушать форму, уничтожать инородное Богу временное, в поте лица добираться до вечной Истины и животворить ей самого себя. Таково определение процессу пищеварения.

К примеру, пусть мы ходим не на ногах, а на руках – это противоестественно, а потому временно – мы устает быстро и вновь жаждем отдыха и встать на ноги. Нет, не связали по рукам и ногам, а просто извратили образ жизни. Скованность в возможности Божественного творчества и при этом свобода в извращении Его подобия – условие ада. И наоборот, скованность во грехе, но раскрепощение в Боге – условия Рая. Новая реальность образа жизни, хоть и извращенная уже, но остается жизнью⁴⁵¹, а потому требует для себя полноты богообщения и богословия на новом понятийном языке. (Пустота¹⁷² постоянно переходит из одного состояния в другое⁴⁵¹) Слово Божье теперь должно прозвучать в новом для себя естестве природы. Неполнота богословия – ад или рай растянутый до бесконечности (то есть рай бесконечно малыми дозами). Отсюда понятно о самой природе страха перед смертью – это страх остаться тем, кто мы есть при жизни, то есть мы боимся остаться абсолютно скованным в служении Богу

и в такой кондиции перейти из этого века в жизнь вечную после смерти. Представьте себе, что Вас замуровали в бетон и при этом имеет возможность дышать. Так вам суждено жить вечно – вот что ждет грешника. Просто душа чувствует свою участь из-за сковывающего душу греховного образа жизни и для своей переориентации в естественное требует себе священника для исповеди. Это следствие не выплеснутой энергии в Его созидающем творчестве, скованной инородностью Богу. При противоестественной ориентации мы не сможем более двигаться, дышать, видеть, чувствовать, любить и так далее – просто мы становимся во всем этом скованными. Да-да, это все есть и присутствует, но в естественном для себя образе не может реализоваться как причастие к Источнику-причине абсолютно всех радостей – Божественной радости. Кстати, это та самая фобия замкнутых и стесненных пространств, которую испытывают абсолютно все люди в разной степени проявления. Сама душа человека из-за грехопадения получила скованность плотью, а потому мы вынуждены жить в извращенной среде и по сковывающим наши свободы законам, ибо грехом мы сильно ограничены возможностью нашего тела – как бы ходим по земле на руках. Грех ничтожен, а Бог великий, а потому для свидетельства о Нем в богословии необходимо бесконечно великое время, а без этого нет жизни. Вне свидетельства о Нем ничего не существует, а потому сковано для возможности свидетельства о Нем. Свидетельство о Нем продолжает быть (из-за чего все существует как реальность), но благодаря ограничению уже это свидетельство бесконечно для нас растянуто во времени. Именно поэтому же материя, хотя и таит в себе чудовищные энергии (ядерных реакций), но для нас они закрепощены Богом, ибо грехом Адама ориентированы противоестественно Богу, а потому, как творчество в Божьем Замысле, не востребованы, ибо разрушают живое. Но не смотря на свое закрепощение постепенно вбирают в себя всю Божественную полноту и благодаря этому живет и имеет место в бытии.

1.0.-12. Таким образом, как бы охарактеризовали на понятийном языке механики то место, где находится Бог. На большее, на более глубокое свидетельство о Боге ограниченные в природе механические законы не способны. Также как, вновь повторяю, земная грязь в пределах своих возможностей свидетельствует о том человеке, который оставил в ней след своего сапога – не более. То есть о том, во что он был одет, каков цвет его глаз и так далее, этот отпечаток сапога в грязи нам раскрыть не может. Точно также с помощью механики рассуждать не приходится о душевных переживаниях, пользуясь её критериями познания. Иными словами, в пределах границ области функционального определения механики, более точно и полно эти моменты выражаются посредством иных более совершенных тонких граней человеческой природы и при этом раскрывают нам суть вопроса только понятиями веры. Хотя в этом месте следует продолжить мысль в ином направлении и сказать о том, что звуковая волна – это тоже механика, как и движение рук, ног, кровообращение. В процессе эволюции развития механика в сопоставимых вечности промежутках времени стремится к более точному раскрытию внутренней природы. Благодаря этому усложнению мы можем судить даже о душевных переживаниях личности. Этот процесс усложнения неизбежен, хотя всякое свидетельство о Боге и о Его бесконечной, множественной многогранности всегда будет ограничено пределами возможностей тварной природы, хотя и в более совершенных тонких гранях ее. То есть нам всегда будет открыта только лишь одна какая-то грань, специфически выраженная не всеобъемлющая односторонняя полнота исповеди о Творце – отпечаток Его сапога в грязи, только может быть уже иного уровня и более падших сфер. Пусть это будут уже не протектор от Его сапог, а даже глаза Божьи, но всё равно мы понимаем, что это только лишь еще одно Его свойство, мизер по отношению ко всей сокрытой множественной многогранной бесконечности Творца. Поэтому этот стоицизм, выраженный более современным понятийным языком, так и останется только лишь описанием, но не Сущностью, то есть судьбой, но не Промыслом, то есть законом справедливости, но не Любовью Божьей, то есть разговорами, но не делом. То есть так и останется ограниченностью, причем бесконечно далекой от реальности.

Иными словами, так как в поле нашего адекватного распознавания оказалась такая грань Божественного, как Закон Сохранения, то нам удастся только лишь распознавать различные формы выражения этого закона, как отпечаток протектора сапога Одного и того же Путника. А если дать определение жизни, что это есть постоянное общение с Богом и познание Его в становлении до Его святого Образа, то становится ясным направление движения всех эволюционных токов живого – к возможности ко всё более и более полному и глубокому, и всеобъемлющему подобию, и познанию Творца в Его свойствах, через внешние Его проявления. Тогда Закон Сохранения становится Законом Сохранения Жизни, а все остальное – это разные грани. Например, закон сохранения постоянства, закон сохранения единства, закон сохранения полноты, закон сохранения цельности и замкнутости и так далее⁷⁷⁷⁻⁰³⁻⁰¹. То есть опосредовано «отпечатков протектора сапога» в более высших сферах мы узнаем того же самого Путника более многогранно и всеобъемлюще. Жизнь вечна по природе Божественного естества, а закон – форма выражения этой вечности в нашем земном бытии. Иными словами, придёт время и мы сможем распознавать Творца через гораздо большее, чем, к примеру, просто глаза, но и другие свойства. К примеру, на каком-то этапе может быть научимся понимать Его речь. Эта эволюция к более лучшему всестороннему познанию Бога в Его свойствах обусловлена совершенством человека, заключающимся именно в этой возможности подниматься до некоторого абсолютного предела во все большем обожении себя. Мы называем желудь дубом благодаря возможности этого семени стать высоким деревом (но если что-то нарушить в нем, то это уже не дуб). Так и природа жизни совершенна именно в этой возможности стать абсолютным подобием Богу. Жизнь явлена именно в этом стремлении к более качественному богообщению посредством ещё одного подобию Творцу. Она раскрывается также и в этой еще одной грани, благодаря чему наша природа постоянно открывает в себе какие-то новые до сего не известные стороны и из семени во вселенной развивается дерево. Поэтому наше спасение в том, что Бог не познаваем благодаря Своей абсолютной бесконечности, а потому жизнь, как *непрерывный* процесс становления образа Божия в пределах Его же прообраза и как стремление ко всеобъемлющей полноте познания Его, будет испытывать это становление к совершенству всегда. Скованность в этом – ад. Но следует заметить также, что как сама форма и формирование более совершенного организма в процессе эволюции, позволяющего лучше распознавать полноту Божественных граней, ко спасению человека перед Лицом Божиим не имеет значения. Ибо имеет значение только для нас, то есть для устройства более совершенного земного порядка, более комфортного Божественного присутствия в наших реалиях, для удобосложения вещей в понятийном наборе языковых инструментов межличностных отношений, для улучшения служения Богу в государстве (через это мы входим в межличностные отношения с Богом). Но при этом только «жертва Богу дух сокрушен» так и остается условием вечности жизни людей. Не многосторонность Богообщения, а сокрушение духа, наступающая через такое общение. Ведь самая главная победа в жизни любого человека – обретение Царствия Небесного, множественными, многосторонними и многообразными производными коего становятся все процессы жизнедеятельности. Спасение происходит не от формы, а от сути внутреннего мира души; не от научно-технического прогресса, а от самой душевной чистоты природы человека. Вот в этом срезе видно то, чем отличается древний первобытный человек от современного, ведь Богу неважно сколько талантов у каждого из нас. Ему важно спасение души, обретение ей Царствия Небесного. Более того у человека, талантов-достоинств, как бы и совсем нет, в отличие от множества достоинств дьявола. Но, в отличие от насельника ада, есть радость богообщения, плавно переходящая во Царствие Небесное. Этот момент так и останется неизменным, хотя, надо сказать о том, что множество достоинств-талантов – это также образ Божий. Образ совершенства, который востребован также только для одной цели, как необходимость поддержания себя в раю. Но абсолют оптимальности всегда остается пустота и точка. Точка – абсолютное несовершенство в многообразии, но при этом абсолютное совершенство в свойстве оптимального. Одно и

то же свойство остается совершенством в одном случае и несовершенством в другом. Но так как оба остаются совершенством, то неизбежно и точка, и бесконечное множество достоинств должны как-то быть двумя гранями одного единого. И мы видим сие. Человек сначала представлен миру в виде точки оплодотворившейся женской яйцеклетки, а потом уже явлен нам в виде разностороннего организма. Таков образ и всей Вселенной: и точка, и множественность граней, каждая из коих является совершенством в абсолюте.

Совершенная форма выражения внутреннего мира, востребована только для бытия радости в земных условиях, помогает адаптироваться счастью в этом мироздании. А так как счастье, как свойство Бога, всегда безгранично, то будет эволюционно изменяться всегда к более лучшему выражению внутреннего обожженного состояния. К счастью, так никогда и не достигнет абсолютной полноты. Естественным будет только одно, что происходит постепенное взаимно дополняемое совмещение одного с другим. это всегда в прообразе головы и хвоста, при котором хвост толкает голову к цели. Просто иначе представлять наше бытие во Вселенной нельзя. Наука и прогресс должны стать составной частью жизненных процессов и только в данной, в противном случае она становится лженаукой. Итак, мы имеем дело со взаимодействием первостепенного со второстепенным без взаимного ущерба и в единстве. В данных реалиях первое без второго невозможно и даже второе обуславливает бытие первого. То есть природа организма человека эволюционно подстраивается только под более комфортное всестороннее пребывание радости в земных условиях⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. При этом надо сказать, что эволюция человечества движется в иную сторону совсем, чем принято научным сообществом. Если в среде животных происходит постоянная борьба, в которой выживает сильнейший и это качество радостной непобедимости формирует образ, то человек выжил благодаря тому, что имеет радость богообщения и умирает вместе с ней. Человек приходит на Литургию, чтобы остаться тут навсегда, если бы не послушание и долг перед семьей и близкими – через них надо служить Творцу. Присутствие этой радости обуславливает все остальные токи дальнейшего возрастания в Боге и формирует образ человека. Радость дает человеку дар видеть свое подобие – радость в различном её облики или видеть счастье, имеющего иные имена: безопасность жизни, энергоносители, красоту в этическом и эстетическом смысле. Радостью в Боге человек видит эту же радость во Вселенной и естественным желанием стать приобщенным к ней посредством вычленения её. Если мы радости дадим иное имя, характеризующее его в иной сфере бытия, к примеру пустота или отсутствие горя, то перед нами возникает следующая картина. Мы живем в пустоте и благодаря ей имеем возможность обходить опасность стороной. Там где пустота, там и безопасность человека. То есть пустота – это Тело Бога, быть частью Которого стремится человечество и вообще все живое. Всякая форма возникает на границе с пустотой и формально характеризует свойства пустоты посредством природы. Пушинка летит и вместе с воздушным потоком обходит стороной все, избегает столкновения. Почему? Потому, что пушинка максимально сообразна воздуху или пустоте того, чем она сама является по естеству, то есть имея при этом родство материей. Человек пребывает там, где пустота и, имея максимальную сообразность ей, обходит стороной всякое столкновение с непустотой. Это и есть прообраз Пасхи Христовой. Только до Рождества Христова сие было пророчеством о том, что Спаситель мира пройдет мимо смерти. А после Воскресения Его, сие стало уже исповедью о Нем. Победить смерть Христос мог только в этом образе, ибо как-то иначе эта победа человечеством бы не воспринималась, ибо мы распознаем все только в прообразе человеческой природы и только наше подобие можем созерцать.

Так рождается научно-техническая революция. К примеру, человек своей радостью смог увидеть то место во Вселенной, в котором он в безопасности, то есть именно здесь онный сохраняет свое счастье, и, как следствие, возможность мыслить ради устройства своего счастья. И это место – есть близость края пропасти, граница между смертью и жизнью – жизнь там, где опасность смерти в особенной близости. В том же числе с помощью каких-то инструментов.

Зверь, хоть и сильный, и всемогущий, но к границе не подходит – бежит от неё, ибо заточен на победе не над самим собой, а над жертвой, которую зверь посредством своих физиологических достоинств толкает в пропасть вместо себя. А так как сие есть торжество только над слабым, а не над сильным, то есть торжество не над самим собой, то и естественным будет только такое звериное поведение. Именно так, подойдя близко к смертельной опасности, подпустив к себе смерть и постоянно проходя мимо нее, человек смог взять её в руки. Он взял в руки огонь и смог даже занести его в деревянную избу, в которой жил. Таким образом, пребывая в радости Царствия Небесного, человек может видеть радость и жизненный путь даже на самом краю пропасти, на которой он очутился по грехопадению и благодаря дару видеть может даже спокойно жить возле неё и даже обнимку с ней. Горем зрим подобие ему – видим ад, борьбу, яд, безвыходность положения и грех во Вселенной и в ближнем своем. А видеть ад можно только слепотой духовной. Такой человек думает о том, что Бог создал женщину слабой для возможности насилия над ней, а потому народ-носитель таких идей обречен на вырождение, как враг самому себе и своей же природе. А на самом деле ее слабость – это защита жизни вообще. Все это важно сказать, ибо мы ориентируем научный анализ так, чтобы он живописно вписывался в нашу реальность. Если человек, согласно диамату, есть вершина совершенства становления в эволюционном развитии, то это означает только одно: все процессы, которые открывает человек в науке, задействованы в природе организма и всякая деталь в нашем теле как-то сопряжена в достижении общей цели – жить. В этом же прообразе мы должны вести все научные суждения. Именно для этой цели мне придется сначала акцентировать внимание на научных задачах, а потом вновь и вновь переходить к проблемам души. Это нормально и остается в прообразе живого. Благодаря этому мы можем раскрыть множество иных вопросов, которые стоят перед людьми. Этот побочный эффект имеет значение для современности.

1.0.-13. С радостью человек может вечно жить даже не только на краю пропасти (между адом и Раем), но и жаждет так жить и возрастать в радости, то есть ее ему становится постоянно мало. Человек в радости самоорганизуется ради утверждения ее торжества во Вселенной и жаждет познать неизведанные формы её (радости) носителей во Вселенной и далеко в космосе. Почему младенец растет и развивается? Самым важным условием его роста то, что он несет в себе радость, которая всепоглощающая. Тот, кто имел радость, тот и сберёг её, того она и взрастила, и потому не потерял стойкость и рвения к борению, и потому остался жить и продолжил свой род, ибо смог передать свою радость потомкам. Трагедия может прийти с неожиданной стороны, ибо, если это движение к Богу очень быстрое, то сим можно нарушить нежную природу человека. Именно по этой причине, Бог переселяет человечество в земные реалии, чтобы дальнейшее движение к Богу было удобоприемлемо постепенным, без сверх-сильных перенапряжений для немощной воспалившейся грехом природы людей. Применительно к нынешнему моменту, живому надо дать возможность эволюционного возрастания в прежнем ритме и в тяжёлых внешних условиях, в коих формировался древний человек. То есть жизнь на селе, в прежнем её укладе, со всеми её рисками бытия так и остается ключевым и самым значимым знаменателем, и нормальным условием для возможности возрастания человека – это условие нашего пребывания во Вселенной. Информационный поток в деревенской среде многократно более насыщенный и многогранный. Научный прогресс востребован в ином совсем – либо как инструмент, улучшающий условия непосредственного богообщения в процессе трудов в поте лица, либо для возможности жить там, где окружающие условия не позволяют быть счастливым так, как это было прежде во Царствии Небесном. И то и другое по сути одно и то же, активированное по-разному. С другой стороны, во Царствии Небесном всего этого не было и человек, общаясь непосредственно напрямую с Творцом, не нуждался в проводниках Себя – оные оказались востребованы только лишь для того, чтобы продолжать быть в прежнем межличностном общении с Ним, ибо ослабленная грехом природа требует к себе нежности. Ради того, чтобы вновь оказаться в естественном для себя состоянии Царствия

Небесного окружающая природа приносит себя в жертву, благодаря чему человек в удобоприемлемых условиях может стать подобным Ему в свойстве вечности Его, то есть продлить земное время нашего бытия, столь нужное для настоящего покаяния. *Ведь каким бы развитым научный прогресс не был, в любом случае, идти по правильному пути к радостному счастью остается не за машиной, а за самим человеком. Человек идет к Богу, а машина ему помогает, все сильнее и сильнее включая в себя всю Вселенную.* Даже если с научной революцией придется покончить раз и навсегда – человек сделает выбор и пойдет не за хорошими условиями для плоти, но именно за своим душевным комфортом, утверждающим богообщение. Богообщение – это иное имя жизни. Техника призвана сослужить богообщению, а не уничтожать его сытостью и ленью. Эволюция идет в самом человеке и при этом только в одном направлении – к более лучшим способностям держать и хранить Божественную радость. Что-то в нем такое улучшается и это-то и становится самым важным достижением в становлении, и Бог закрепляет оное в природе человечества Судом Своим, явленном в каких-то тяжелых испытаниях. (Может быть даже сам научный прогресс призван какое-то время поддерживать человека, пока идет формирование в нем нового Божественного признака). Возникает новый образ лучшего подобия Богу, в котором человек проходит мимо смерти иначе. У каждого из нас есть время на покаяние, на возвращение к прежнему образу Творца. Поэтому живое остается живым также как желудь остается дубом, будущим деревом. То есть идти мимо опасности (прервать межличностное общение с Творцом) не только благодаря своей Божественной чистоте (подобно пушинке в воздухе), но и теперь уже даром видеть перед собой дорогу. Да, человек согрешил, но у него теперь есть время на возвращение, благодаря дару видеть и обходить опасности. Человек видит Бога тем, что отличен от абсолютной чистоты Его, то есть отличен (от пустоты) отсутствия грязи. Теперь уже не расчёты и не асфальт под ногами (хотя это тоже востребованная часть природы познания Истины), а ясное видение верных путей обуславливает возможность уверенно идти в будущее в обход препятствий. Благодаря чему человек получил время для своего возвращения к подобию Творца. Возможно, что научная революция погибнет, но останется сам человек в радости для дальнейшего возрастания в Бог и в Его счастье. Наука никуда от него не денется и вновь наберет прежние обороты, лишь бы жива была душа человека, то есть он сам. Гораздо важнее и проще видеть радостью предстоящее, чем его вычислять аналитически. Это также как опытный плотник, выстраивая дом не пилит строительный материал согласно своим расчётам и потом собирает изделие, а в процессе самой сборки шаг за шагом притирает каждое бревно к общей будущей структуре строения избы. По мере возникновения надобности и по месту востребованности делает замер, и потом только отпиливает по этому замеру. То есть при строительстве дома каждое бревно обрабатывается непосредственно перед самым уже процессом укладки: вытёсываются пазы только перед самым моментом его установки в сруб. А не так: обработать все бревна и потом пытаться их подгонять в друг к другу в структуре дома, из-за чего возникает множество ошибок, несоответствий, хаос в конструкции. Даже здесь мы видим образ Пасхи, возможность пройти мимо ошибки. Иными словами, человек хранит свою радость и радостью руководствуется в пошаговом принятии верных решений на каждом новом венце строящегося дома и, последовательно правильно выводя всё строение дома, радостью возводит себе обитель радости. *Таково новое определение соотношения хаоса и структуры.* Все брёвна разные, а потому каждое из них требует индивидуального подхода в решении. Жизнь просто такова, что невозможно в ней все рассчитать, зато можно видеть перед собой путь и идти по нему постепенно к цели.

Сама эволюция жизни следует именно по этой схеме, которая во всей своей полноте отразилась в природе людей. Наше тело – это запечатленный образ пути движения ко всеобъемлющей полноте выражения Божественного и современность – одна из последних бесконечных звеньев цепи, ведущей за Христом в будущее. Просто в процессе эволюции становление могло идти только по этому принципу, то есть только в сторону подобия Богу по Христианскому

пути. Священное Писание дает уже конечный осмысленный результат-ориентир, в противном случае главный смысл, живое богообщение людей, затерялся бы во множестве не нужных слов и понятий.

1.0.-14. Еще одна интерпретация³⁶⁷ беседы личности человека с Личностью Творца посредством бесконечно ограниченного природой соотношения хаоса и структуры. Допустим, что некто возжелал составить карту местности, попытался выразить единство и взаимосвязность попавших в поле его зрения фрагментов в окружающей Вселенной. И вот он измеряет расстояния между объектами и в пропорциональных соотношениях выводит на листе бумаги. Мы понимаем, насколько сложен и трудоемок этот метод познания, причем предполагает бесконечно много ошибок. Мудрый просто залез на вершину и без всяких множественных расчетов и измерений срисовал открывшуюся реальность и там ошибки не будут существенными. То есть самое важное становление до совершенства происходит не в возможностях верно воспринимать мир посредством точных вычислений, а в даре созерцания. Человечество совершенствуется в своём внутреннем мире и в первую очередь стремится лучше отчетливее созерцать всеобщее радующее единство, и этот главенствующий процесс возрастания никак нельзя уничтожать хорошими бытовыми условиями, создающиеся городскими инфраструктурами, научным прогрессом. Бог их дает, но не для этого совсем, но чтобы сделать комфортнее единство в богообщении, активизирующий этот процесс возрастания.

1.0.-15. Таким вот образом человек беседой с Ним соблюдает основной закон природы³⁶⁷ – закон сохранения образа Божьего. Вне Образа Творца общение невозможно. А если говорить о ещё более специфическом частном выражении этого общего понятия, то есть адаптировано к нашим потребностям жить – закон сохранения радости. До грехопадения, эта радость была естеством жизни во Царствии Небесном, а после грехопадения приходится много трудиться в поте лица, чтобы поддерживать себя в том же состоянии жизненного естества, помогать Богу утверждать Закон Сохранения в земных реалиях, что и есть сослужение Ему³⁶⁶. Для этого мы делаем ремонт своего жилища, наводим Божий образ Царствия Небесного, то есть держим порядок в обществе и во всем мире. В противном случае, Закон Сохранения радости начинает работать без нашего присутствия и соучастия, что становится трагедией для человека.

После порчи грехом жизнь не остановилась, а это означает, что выдержаны абсолютно все те требования полноты радости, которые свойственны Божественному изначального Царствия Небесного даже в таких скованных грехом земных условиях. Повторю еще раз, абсолютно все. Радость бытия во Царствии Небесном – это как хождение канатоходца по канату, при котором главное – это равновесие на канате, а не то, что он делает в этот момент. Если есть равновесие, то в пределах равновесия и все остальное возможно. Этот образ канатоходца заложен в самой схеме формирования образа человека в процессе эволюции, при котором, если есть главное – радость, то в пределах ее остальное все возможно³⁶⁶. Значит отвергать сей сокровенный, выстраданный мириадами лет образ жизни или что-то менять в образе быта, или добычи хлеба насущного – есть преступление перед человечеством, ибо уничтожается самое важное условие бытия живого, дающего возможность дальнейшего эволюционного становления – радость в экстазе, как победа над греховной страстью в самом себе³⁶⁵. Экстаз радости заложен в основании всего мироздания и имеет множество имен. Во всем заложен образ Пасхи Христовой и имя Ее в каждой сфере звучит по-разному. Например, Вселенная с Богом в Центре, экстаз, Нирвана, организм человека, Солнечная система, атом, молекула, диполь в химии и так до бесконечности перечисления. Весь мир этим жив.

Поэтому следует сказать, что преступлением будут инородные природе человека и Богу направления в совершенствовании себя, а также нельзя изменять изначальному непосредственному единству с Богом Царствия Небесного и, не смотря на выдающиеся достижения науки, надо хранить сложившийся многими тысячами лет уклад быта, с его естественно малым

уровнем энергоёмкости. Надо само естество жизни северного человека адаптировать в новые условия выживания. С этим славянские народы уже столкнулись после сразу же Великого Переселения и, чтобы не изменять своей специфике образа жизни, решили этот вопрос так, как сие дошло до наших дней. Иными словами эта кондиция живого, коя пришла нам из бесконечного прошлого так и осталась условием жизни и явлена, как ещё одна грань Закона Сохранения, ещё одна форма его выражения. Преступление этих пределов дозволенного приведёт к гибели вообще всего на Земле.

Итак, во имя своей жизни человек призван быть в общении с Творцом, которое имеет много граней проявления в свойствах и сферах окружающего мира. Мы вычленим каждое свойство для обозрения для того, чтобы отвечать на какой-то конкретный вопрос, помятуя о том, что это только лишь отдаленное выражение одного и того же самого важного в бытии вообще – беседы личностей в данной сфере мироздания. Нам не надо бороться за проявление какого-то свойства Акта единства, а просто пребывать в беседе с Личностью, быть в единстве с Ним, а все остальное приложится автоматически самостоятельно без всякой борьбы. Итак, ведя суждения в озвученной нами сфере реальности, мы призваны сослужить проявлению Закона Сохранения. Изначально надо сказать, что специфика строения организма человека обусловлена именно этим и только этим стремлением уже здесь, при жизни пребывать во Царствии Небесном, а не как конечный результат единства и борьбы противоположностей в жесточайшем естественном отборе. Эволюция организма стимулирована победой не над жертвой во имя себя, а над собой в воздержании и в стеснении быта ради ближних. Хотя физическая крепость и развитость мышц нашего тела всё же стимулированы в той мере, в какой сие востребовано необходимостью выживания, но опять же только для того, чтобы данная кондиция Божественного присутствия оставалась на человеке в той же степени душевного комфорта и счастья, в какой она пребывала изначально на нем во Царствии Небесном. Нет ничего сильнее радости в Боге. Вне счастья от торжества духа Божьего и Царствия Небесного жизнь невозможна. Именно этот момент оформил привычное для нас обличие человека³⁶⁶. Хочу сказать, что так как сильнее радости в Боге нет ничего, то какое-то иное бытие (более чем это востребованное и какое-то более необходимое), чем духовная стойкость в радости перед силами бездны в душе, на природе людей эволюцией выразиться не может, в результате чего мы имеем то, что в привычном виде явлено в нашем естестве. Если нет участия в духовной брани, то и нет борьбы, в процессе которой определяются специфические победоносные видимые образы строения живого организма, адаптированного к специфике противостояния. Специфичность строения тела человека заточена на активацию торжества в борьбе над собой, над своей природой греха, даже если сие в ущерб собственной жизни. Победное стояние в духовной брани – основа основ во всю историю жизни, а потому в той же степени востребовано и в наши дни. И никакие достижения научного прогресса, и никакие удобства, связанные с ним, не должны покушаться на эту естественно сложившиеся ритм и гармонию. Ведь, повторяю, счастье человека есть норма здоровой внутренней жизни, определяющая все остальное. Это бытие в экстазе (когда есть торжество над самим собой) обусловлено только комфортом трудового процесса в поте лица, а не комфортными условиями бытия. Это разные и даже противоположные понятия. И при этом всякое торжество над собой или всякий экстаз, или всякое сверхсложная научная доктрина, структура мироздания вообще вписываются в следующее: один вытаскивает из беду другого ради спасения его.

Мы вновь дали новое имя беседе личностей через отношение хаоса и порядка, только теперь составляющие соотношения назвали иными именами.

1.0.-16. Итак, два аспекта живого: 1.Единство с Богом в прообразе связанной с Ним точки отсчета и созерцания мира; 2. Возможности природы человека.

Одно всегда по некоторой мере возможности дополняется другим, но никак не подменяет или заслоняет, как это имеет место в науке в наши дни из-за огромного скачка научного

прогресса. Любая форма жизни – это состояние канатоходца, для которого жизнь – удержание равновесия тела на канате. А будет ли он в пределах этого равновесия радоваться, идти по нему, плясать на нем или даже ездить на велосипеде – второстепенное, явленное только как возможность. Жизнь – это одно, а эволюция – это другое уже. Это ее свойство, опосредовано коего полнота Божественного присутствия становится более и более всеобъемлющей. Все пребывает в подобии Изначальному, а потому все изменения происходят в пределах этого подобия Ему и в то же время по пути наибольшего выражения всех Его граней в пределах богообщения. В этом же образе каждая фибра природы человека и даже всей окружающей вселенной несёт в себе цель вспоможения пребыванию души в торжестве от общения с Богом. Не пустая и бесцельная оборона в противостоянии за пребывание в земных условиях, а прижизненное бытие души и духа во Царствии Небесном и дальнейшее движение к Богу совершенствованием своего подобия Ему в сферах бытия, которые природно еще более близки к Нему. Они, эти сферы, есть в каждом из нас, но не активированы для богообщения, либо плохо активированы. Тут надо обязательно добавить важное, что природа имеет неоднородность из-за разной степени близости к Богу. В тех сферах, которые наиболее приближены ко Творцу, время сильно заторможено и по мере приближения оно течет все медленнее и медленнее, а в Самом Нем стоит вообще. Соответственно и сами эволюционные процессы становления образа Божьего в каждой сфере бытия текут по-разному, либо даже бесконечно долго⁶⁶⁶⁻¹⁻⁰¹. Поэтому некоторые сферы бытия становятся активными в богообщении только в самые последние моменты эволюции после многих мириад лет эволюционного становления.

Бог находится вне всякой досягаемости и везде Его присутствие остается нетронутым. В этой недосыгаемости заложено «пройти мимо» и мы исповедуем именно это и именно в этом наше спасение. Один вытаскивает другого из ямы и в этом есть спасение для того, кто из ямы. Ибо если тот, который наверху, прыгнет к нему в яму, то будет идти речь о надобности спасения уже обоих. Такова динамика богообщения, межличностных отношений в любви. Может быть трудно говорить о научности данного высказывания, но важно для воспитания человека перевести суждение в этот ракурс. Хотя бы по этой причине сие будет Истиной, не говоря уже обо всем остальном. Это важно сказать, ибо каждая научная доктрина в конечном счете подводит ученого именно к этой границе бытия, выводит на эту площадку вершины, за пределами коей выше инструмент исследования натывается на пустоту. Дальнейшее продвижение вверх ограничено возможностями самой природы инструмента познания. Но как только мы меняем инструмент познания, так сразу же получаем возможность подниматься выше и мы понимаем, что бытие пустоты тоже обязано определенной динамике тонкого внутреннего мира. Об этом сказано в данной книге³⁴. Но исходя из всех суждений о пустоте (смотри 777-01-1.4), мы подводим в конечном счете опять к одному и тому же знаменателю (смотри 11-11-1), в коем один вытаскивает из ямы другого. Таково воспитывающее свойство Истины⁰⁰⁰⁻⁰¹⁻⁰⁷.

Как видим, пройти мимо смерти в прообразе Пасхи Христовой, имеет свое тождественное выражение в природе психики – экстаз, где ум находится вне тела и при любых стечениях обстоятельств должен быть на том же своем месте. Уму нельзя участвовать в любых процессах физиологии человеческого организма, а также в самом процессе нудного физического труда, но только держать радость в себе вне этого и над этим, чтобы все остальное приложилось. Мозг в первую очередь несет в себе только счастье, а потом уже все остальное. В противном случае, ум перестает видеть верную а потому радостную цель. То есть достижение цели не несет в себе радость, что характеризует ее как ошибку. Ошибка приводит к смерти и потому мы ничего не знаем. Сие просто не дошло до нас из древности. Если ум не несет в себе радость (не важно по какой причине), то в его существовании теряется смысл. Дуракам всегда везет.

Солнце пребывает вне постижения и это тоже прообраз Праздника Жизни вечной (смотри 777-03-01). Иными словами, всякое проявление Закона Сохранения обусловлено изначально

бытием Первоначала и при этом его не достигаемостью. Так как экстаз – это внутреннее умное делание и главный активатор жизни, то во внутренней природе головного мозга человека все адаптировано под выполнение данной задачи – кондицию состояния разума, а именно успешное именно духовное победоносное делание: хорошая память, глубокое мышление, высокая духовная и душевная природа созерцания Его. Для этого же самого в природе физиологии организма главная артерия, исходящая от сердца, поставляет мозгу наиболее очищенную и наиболее насыщенную кислородом и полезными веществами кровь. И это все только для того, как говорят ученые, чтобы возникла ясность ума, столь востребованная в плодотворном делании на духовной ниве исихазма, позволяющая отчетливее видеть Его. Мне думается, что еще и для того, чтобы ясность ума в образе Бога и в образе Солнца, и в прообразе Пасхи Христовой была вне достигаемости для всего инородного этой ясности ума и даже сильной боли или усталости. По себе скажу, что ясность ума, столь нужная для плодотворного творчества – штука капризная. Для радости ума надо хорошо выспаться, нужно хорошее самочувствие, нужна бодрость. Либо полезный труд на свежем воздухе постоянно менять умственным. Плодовитая ясность ума – это дело очень тонкое. Требуется особого внимания. Именно этим же занимается сама природа человека и даже вся Вселенная служит именно этому состоянию разума людей. Только в этом случае феноменально работает память, благодаря чему все понятийные инструменты для анализа оказываются всегда «под рукой». От этого зависит жизнь человека, продолжит ли он свой род. При этом, повторяюсь, много такого в течение дня, которое покушается на ясность ума в радости, хотя именно такое состояние здоровья самое желанное. Исходя из такого посыла, если мы дадим определение жизни иное³⁶⁴, то нам становится ясным направление эволюции становления человечества. Мы видим еще одно направление движения к Богу в человеке – сама физиология природы нашей шествует к Нему (см. 666-1-01).

Представьте себе, что вы проснулись утром, у вас хорошее настроение, светлость и ясность ума. Это-то и есть счастье. Его надо сохранить ну если не на всегда, то хотя бы максимально долго. То есть в этом мире много всякого такого, которое может осквернить радость и работоспособность мозга. И вот надо идти именно теми путями, в коих ясность ума остается такой как утром. Именно мимо всего инородного следует нам пройти мимо. Перед нами новый прообраз Пасхи. Мы, как тот водонос в библейском празднике Опресноков, несем собой кувшин, наполненный радостью бытия, данную нам еще при самом рождении в утробе матери. Мы его несем и обходим все то, что попадает на пути, чтобы не расплескать его содержимое. Сама эволюция жизни и становления организма человека, как мы видим, имеет только эту цель и имеет бытие только в этом прообразе. Все в нашем организме заточено только под одно – на высокую работоспособность мозга ради плодотворного бытия в экстазе богообщения. Всякая фибра нашего тела призвана оберегать радость от всего того, что мешает ей иметь место в данном бытии. И даже сам физический труд любой тяжести – это тоже покушение на радость бытия человека, это тоже травма психики. Для него ясность ума в радости также должна быть не достигаемой. Всякая аскеза направлена не на закалку силы воли или на крепость мышц, или еще чего-то, а также имеет только эту цель – хранить радость бытия в ясности разума. Более того, сие имеет место быть не только в нашем организме, но и, как говорит нам история человечества, вся Вселенная мотивирована именно этим соединителем в природе человека Бога с видимым миром. Мы призваны тянуть за собой мироздание во Царствие Небесное. Ничего более Вселенной не движет. Таков прообраз недостижимости Бога. Отсюда следует определение высшего экстаза – это есть не свойство плоти, а состояние плоти в радости через дух соединенный с Богом. То есть только ясность ума, также как палец руки, когда здоровый не чувствуется – его как бы нет. Но именно отсутствие всякого чувства есть признак того, что палец здоров и именно это есть радость. Этот момент отразился в практике Нирваны. Получается, что смерть греха – высшее качество совершенства. Все это в прообразе Пасхи Христовой отразилось на природе человека – природа человека проводит сознание мимо всего того, что ино-

родно спокойствию и невозмутимости духа. Ясность разума человека – основа всего на Земле и мы должны обходить стороной опасность даже оказавшись в ней самой. Мы должны обходить стороной физическую боль и тяжбы физического труда. Это, как учение, имеет наиболее отчетливое выражение в Индуизме с его различными практиками Нирваны. Физический труд – это тоже покушение на природу радости и организм человека так выстроил свою физиологию в процессе эволюции, что позволяет мозгу пройти мимо этой опасности, позволяет быть уму вне самого процесса физического труда. То есть та самая радость бытия в утренние часы даже в изнурительном физическом труде не притупляется и даже усиливается. Таков путь человека от самого младенчества до старости. Человек призван пронести дар или радость ребенка через всю свою жизнь и только так он попадает во Царствие Небесное.

Отсюда нам понятен путь эволюции всей Вселенной. Пусть жизнь – это огненная плазма. Плазма имеет структуру развития. Чем ближе мы к источнику возгорания, тем сильнее нам открываются какие-то возможности управления энергией огня. В конце концов берем то, что оказалось причиной или источником энергии огня в руки и теперь его воздействие можем концентрировать на чем-то конкретно, целенаправленно. Мы обретаем способность управлять им. Так вот эволюция организма человека именно такой имеет образ – мы лучше распознаем некоторые сокрытые глубинные свойства грани, приближаемся к точке воспламенения все ближе и ближе. Благодаря эволюции в этом направлении мы можем все лучше и лучше управлять своим телом. Движение к точке воспламенения предполагает несколько вариантов решения задачи и все они выразились на природе людей^(см.666-1-01). Даже сопротивление естеству жизни оказалось на пользу, оказалось живительным условием. Сопротивлением процесс горения невозможно затушить, но можно только замедлить его до бесконечности, коя также есть свойство Божественное – быть везде и всегда³⁷⁰. Сопротивлением растянули до предела, благодаря чему на каждом ее фрагменте развития плазменного потока появилась возможность пошагово, акцентировано более подробно и более развернуто распознавать, и констатировать свойства плазмы³⁷⁰. Растяжение процесса воспламенения привело к тому, что человек научился отчетливо видеть мир во множественных деталях красках, а дальнейшее движение к самому эпицентру, к краю, уже позволяет различать послы-предтечи будущего совсем иначе. В конце концов, как это замечательно нам говорит Мирча Элиадэ, так возникла религия. В организме человека множество всяких процессов и все они заточены под одно единственное – способствуют видеть мир ясностью ума. Культовые религиозные действия несут в себе тоже самое – это продолжение внутреннего процесса человека. Подобное могло породить только свое же подобие. Из внутреннего мира вышла и вся вселенная, а потому мы будем постоянно давать новое имя Богу на том понятийном языке, на котором приходится богословствовать.

Почему в эволюции становления организма человека было уделено столько внимания работе ума (более того плодотворная работа ума стала основой всего)? Вся природа и каждая микрона нашего тела и вселенной, в конечном счете, призвана только этому – вспомогательствовать плодотворной работе мозга. Она следует через мозг во Царствие Небесное, держит связь с ним. Потому, что всякая микрона бытия природно сама дает свое специфическое имя Богу. Она свидетельствует о Творце на своем уникально сложенном в процессе своей эволюции понятийном языке природы (хотя такие высказывания не корректны, ибо речь идет не о свидетельстве о Боге, а о том, что мы призваны быть проводником мира во Царствие Небесное^(смотри000-01-07)). С этим можно согласиться, если взять за точку отсчета и начало всех начал Творца, как отсутствие заблуждений и ошибок. Мы берем в руки причину или источник энергии огня в руки и теперь его воздействие можем концентрировать на чем-то конкретно, целенаправленно. Хотя о богообщении так говорить не корректно, но *(07.01.00) именно в этом прообразе молитвы пребывает человек во Вселенной. Перед нами новое имя человеку – это молитва Богу, это образ Богообщения с Ним*¹¹¹⁻¹⁻¹¹. Любая наука в этой позиции освящения реальности

адаптируется под теоцентризм, получает составляющую наиболее близкую к Божественному. И даже математика, как крайняя форма грубого богословия, в меру своих функциональных возможностей, исповедует нам Божественное в чистом виде. Отец Андроник Лосев в своем труде «Хаос и структура» замечательно показывает нам то, как математическое число, хотя и является крайним пределом бытия Вселенной, но по-прежнему относится к категории живого или остается в области бытия живого, то есть его границы, за гранью цельности и целостности которой абсолютное ничто. Не смотря на то, что число есть дно естества Вселенной, оно остается частью живительной полноты, а потому востребованной. Что уж тогда говорить о материи и науках, её изучающих. То есть материя – это тоже форма богословия и жизни, в противном случае она была бы, как неподobie, вне области созерцания живыми существами, ведь подобное распознается подобным. И тем более невозможно быть ей строительным материалом для тела. Именно по этой причине, заключает великий Лосев, материя, как и само число – категории духовные или разные формы и степени духовного бытия. Ибо, ещё раз повторю, орудия числом, как инструментом, мы неизбежно попали в сферу постижения духовной жизни. *Каждая микрона бытия имеет структурность, а так как, в пределах своей реалии, всякой структуре присущи крайности минимума и максимума, то выражены понятийным языком, свойственным уникальности своей природы. Всякий минимум или максимум распознается в соотношении заложенного в природе человека критерия, который духовный по естеству.*

Закон Сохранения в самых различных его вариациях выражения в природе вещей – это духовная составляющая, выражающая свойство Божественного быть абсолютно вечным и непреходящим на каждой микроине бытия. Всё подчинено Закону Сохранения и человек сослужит этому промыслу Божьему, пытается вечно хранить жизнеутверждающий порядок вещей, знание о коем человеку заложено еще до его грехопадения на естественной Родине своего бытия – во Царствии Небесном. Человек в постоянном стремлении сохранить естественное Бога (порядок) в противоестественных для жизни сферах из-за поражения грехом (хаосе). Жизнь по природе своей не терпит односторонности, ей нужна абсолютная многогранность. Мы не видим зайца, затаившегося в траве, но только при движении его. Мы не понимаем изображения на фото, ибо Солнце непростительно становится равнозначной частью всего остального, ибо в реалии совсем не так. Также как человек не может быть в одном положении, ему надо постоянно менять и позу, и положение. Из-за этого все ломки во Вселенной, но только и еще раз только в пределах Закона Сохранения – так живительно для всего вокруг подчеркиваются различные грани этого закона. Любое положение будет лишь новым свидетельством об Одном и Том же, сохраняя Его образ в разных состояниях мира. Энергия постоянно переходит из одного состояния в другое и остается постоянной величиной.

Источник влияния всегда вне постижения, но влияние Его неизменно присутствует, этим обеспечивая бытие Закона Сохранения в различных реалиях изменяющегося бытия. Недостижимость Источника – условие бытия Закона Сохранения. Одно и то же Влияние Источника оказывается на все и в любом меняющемся виде, а потому всякое сочетание явлений и событий всегда будет исповедовать одно и то же, но разными состояниями природы. Всякое бытие природы попадает под это влияние и под этим воздействием меняет поведение, начинает исповедовать об Источнике этого влияния, являя нам Закон Сохранения образа Того, о Коем идет это свидетельство в самом поведении. Образ один и тот же, но разные формы исповеди о Нем и они постоянно бесконечно меняются⁴⁵². Вне этого изменения нет стремления ко всеобъемлющей полноте (смотри 777-01-2.1), вне коей нет жизни, ибо нет свидетельства о Боге в Его завершенной всеобъемлющей полноте. Живое постоянно как бы переходит из одного состояния в иное. Это важно упомянуть, ибо выразилось в древней славянской вере и потом в Православии⁴⁵². Именно этот момент православные называют обоженем Вселенной. Но тут нельзя путать обожене формальное, как благоустройство быта по образу Царствия Божьего, с обоженем сущностным. Как показал святой Андрей Рублёв, эти понятия не равнозначны и не взаимоза-

няемые, а только лишь дополняющее следствие одно из другого (если первое обуславливает второе, то второе – никогда) – путаница в этом привело ко всем трагедиям в истории человечества. Только Благодать Духа Святого должна быть обожествляющим Материалом для окружающего мироздания, а форма вещей – это, хотя и часть живительной полноты исповеди о Боге, но остается только лишь как вспомогательное и может быть более полное, несколько усиливающее конечное проявление внутренней духоносной сущности, если формальность имеет Богом откровенную структуру (смотри 777-01-2.1).

Замечательный ответ на этот вопрос дан в священном Писании. Когда молился о своем воинстве пророк Моисей. Сказано, что когда он поднимал руки к Небу, то воинство Израиля держало верх над Амаликом. Когда опускал руки, воинство терпело поругание. Тогда двое сопровождавшие его подняли ему руки и Израиль одержал победу и вошел в свою землю обетованную³⁶⁹. Что есть руки поднятые к Небу в молении? Только лишь внешнее проявление внутреннего сосредоточенного делания, рабочего процесса богообщения и, как оказалась, оный есть живительная востребованная грань полноты. И вообще святой пророк ставит научный прогресс в особое место в деле служения Богу³⁶⁹. Ведь по науке, преподанной ему свыше он устраивает скинию и Жертвенник. И напротив, перед тем, он разрушает иной шедевр научного прогресса – золотого тельца. Ведь золотой телец – это пик научного прогресса в те времена. Примечательно и то, что и золотой телец, и скиния были созданы из всего того, что жертвовали люди его народа: украшения и сбережения. Украшения даются не так просто, ибо это целая технология начиная с тяжелого труда шахтера и заканчивая плавкой и ковкой металла. Только по неведению направлено сие было в иную сторону – предпочтение не сущностному единству с Богом, а чисто эстетично формальному, в прообразе золотого тельца, что и определило появление оного. Так как совершенство имеет только одну полярность – подобие Богу, то два направления движения ведут к одному и тому же совершенству, только одно из них чисто формальное, а другое сущностное. И то и другое никак нельзя подменить одно другим, но как-то совместить, не утрачивая естественную для Творца приоритетность. Так рождается Скиния. Человеку нужно служение Богу, как и во все времена с прежней кондицией активности непосредственных межличностных отношений с Творцом, при той же степени напряжения физических и душевных сил и в той же интенсивности трудов в поте лица только теперь уже с востребованной удобоприемлемой помощью от науки и её прогресса. В любом случае, Бог пребывает там, где нет смерти, а потому бытие в Боге становится основой всякого религиозного учения, хотя надо сказать, что отдельным народам это бытие в Нем становится наиболее всего значимым и более глубоким, при котором нет места даже для секунды вне богообщения. Эти народы формировались на протяжении многих тысяч лет, а потому наука не должна вторгаться в естество жизни, в ее процесс, но только пребывать на внешних перифериях в коих становление природы до этого к образу Творца не шло – только в этом случае научный прогресс остается значимым для вечной жизни человечества. Совершеннее жизни нет ничего, а потому научная революция не покусается на живое подменой, не унижает присутствие Божественного, но дополняет её гармонично. Это и есть определение совершенству.

Жизнью в её живительном абсолюте наделён только Бог, а так как Творец абсолютно велик, то совершенством живого, сотворённого Богом, становится самый этот процесс возрастания до Его абсолютного величия. То есть, хотя и до совершенства живому еще абсолютно далеко, но сам факт, что оное будет, то совершенство уже заключено в нем и оное совершенно. Просто совершенство, как сжатая пружина, распрямляясь приводит в движение все процессы становления и формирования живого. Распрямляясь она представляет нам образ своего внутреннего мира³⁷⁰ непосредственно только в самом в деле («эн ерго»). Как развивающееся растение мы называем цветком, хотя оный еще только возникнет через какое-то определённое время (без непрерывности возрастания цветка не будет). Ибо начало и конец возрастания едины³

непрерывностью процесса становления и имеют образ единства Божьего в данном специфическом виде³⁷⁰, выраженном в неразрывной цепочке последовательности биологических процессов. Мы видим тот же образ Божий, Его совершенство, Его единство в прообразе той же самой точки, раскрывающийся в неразрывном единстве между началом и концом. Точка не имеет разрыва в себе собой, то есть в ней и начало, и конец едины. То, что оказалось разорвано, то утратило образ Божий, а вне образа Его нет жизни, ибо не сможет достичь совершенства Его образа в конце становления. А так как нет совершенства Божьего во всей полноте, то и нет жизни. То есть в этом случае Его единосущие, единство и живое в земных условиях уходит в небытие. Так вот, жизнь – это становление, при котором начала становления и конец тождественны в предмете, о коем идет свидетельство ими, то есть конец всегда несет в себе все реалии причины начала, но только в более раскрытом виде. Именно по этой причине вся Вселенная имеет прообраз точки и пока этот процесс совершенства не дошел до своего завершения, он требует нежного к себе отношения, чтобы не порвать тонкую связующую нить – все должно быть удобоприемлемым для постоянства становления по самому максимуму, даже если становление будет идти бесконечно долго. Поэтому Вселенная – иное имя жизни и потому сама жаждет быть обоженной, а поэтому она так ухаживает за всем тем в человеке, через что это радостное обоженье Вселенной приходит. Из человека вышла Вселенная из Царствия Небесного и через него она вернется обратно. Человек и Вселенная тождественны в прообразах. Согласно самому призванию человеку надлежит обожить самого себя и через себя быть проводником преобразующей энергии Творца и этим преобразить Вселенную и не оставить её себе, но опять же отдать её Богу в прообразе Святой Евхаристии. Человек призван быть проводником Бога к Вселенной и Вселенной к Богу.

1.0.-17. При сотворении первого Адама Бог вдунул в него частицу Себя и вместе с Ней в человечество вошло всё сопутствующее Ему, вошёл весь сонм определений о Боге и Божественных имен, кои множественно раскрылись и раскрываются всегда на природе человека. Теперь через призму этой Божественной Крохи в природе человека он может безошибочно распознавать подобие Её во множественных проводниках Божественного, даже в каждой микроне бытия. То есть с этого момента появилась возможность видеть Бога в бесконечно множественных проявлениях Его. Теперь есть шаблон-возможность созерцать мир через призму Божественного, чтобы видеть Бога и устраивать счастьем мир. Тем самым вести Вселенную к Богу. Только изначально заложенное в человека счастье, позволяет ему созерцать счастье и видеть счастье, спланировать мир счастьем, и идти Туда, где пребывает это счастье и тем своим качеством жизни жить вечно в счастье. Бог там, где нет смерти. Радость бытия там, где Бог. То есть для ума естественно быть только в экстазе духа, что возможно только в непосредственном богообщении. Отсюда вывод, что без этой высшей экзальтации духа жизнь невозможна ни в каком её проявлении. Зародившись в реалии райского бытия, тело человека призвано очень бережно хранить этот огонек радости жизни, нести его мимо всего того, то инородно его бытию. В сотворении Богом женщины Евы из внутреннего мира Адама мы видим самый первый в истории человечества выход человека из себя в прообразе Пасхи Христовой, который в мире ученых называют экстазом. *А потому человеку естественно быть счастливым теперь только счастьем своей жены. Спаситель утверждал счастье счастьем ближнего своего.* Экстаз и вечность – это разные имена одного и того же. Прообраз экстаза богообщения имеет все вокруг и даже Вселенная несет в себе и Божественное присутствие, и дно небытия. Да и сам человек, как соединивший в себе две крайности Вселенной – это есть тот самый экстаз, коим дышит и счастлива вся Вселенная и весь космос. Свойственная экстазу биполярность или контраст – это такой способ видеть Бога и пребывать в Нем, обусловленный грехопадением человека. Нужно сказать, что жизнь в экстазе – это радость бытия опосредовано того, что дух пребывает не во временном собственной греховной плоти, а в вечности – в том, что несет человеку вечность. Во временном естестве плоти человек пребывает в мучении. Это не про-

стое высказывание, а это есть ключ к пониманию о том, как надо настраивать психику во время тяжелого, нудного, монотонного физического труда. Этот момент выражен множественно в природе Вселенной и на самом человеке, прародителе ее, ибо подобное рождается только его же подобием. К примеру, в природе человека голова несколько отделена от туловища, имеет в некоторой степени самостоятельную независимость – как бы пребывает вне природы человека, торжествует над ней. Налицо контраст, в коем торжество радости имеет тот же самый образ. Беременная жена носит в себе семя мужа, то есть она живет радостью и здоровьем собственного дитя. В то же время, как один из образов экстаза, когда муж пребывает уже вне себя и живет радостью жены. Её здоровьем. Молодой муж, у которого любимая носит его дитя в утробе, сразу замечает перемену в себе, он потерял для себя самого значимость перед жизнью, чувствует свою второстепенность и потому более готов к самопожертвованию. Этого с ним не бывало ранее и он до беременности сильно хотел жить. Такова природа экстаза – жить вне себя и только собственным духом, соединенным с Божественной вечностью опосредовано всего того, что к Ней приводит. Все выходит только из внутреннего мира человека – каждое его деяние, каждое его устремление. А так как это исходит из внутреннего мира человека, то это подпадает под определение экстаза, выхода из себя. Экстаз в радости о Боге – самое священное состояние радости человека и всей Вселенной, вне которого нет жизни ни в каком проявлении. Это самое священное действо и самая важная реальность постоянно пребывает под усиленной бомбардировкой окружающей среды, понуждая его к возрастанию. Вселенная хочет, чтобы человек занял свое место там, где не будет ему этих покушений на его радостное спокойствие духа – в самый центр ее у Бога. Вселенная хочет возрастания человека только в Боге и движения по направлению только к Нему. С другой стороны, после святой Евхаристии, человек наполненный священной радостью полноты жизни должен беречь себя, свою радость, чтобы случайно не расплескать ее во время следования по трудному пути к месту Праздника праздников (Опресноков из св. Евангелия). Это самое тяжёлое, ибо он должен быть там, где либо ему это безопасно, либо надеть на себя какую-то защиту. И то и другое приемлемо и принято самой природой в процессе эволюционного становления, при котором с одной стороны человек уже пребывает в радостном Центре Вселенной, а с другой стороны избегает покушений на такое состояние порядка вещей. Тем самым в человеке мир оказывается единым. И только в человеке. Опытный монах, обычно прячется куда-нибудь в лесах и болотах, скрывается в пещерах или за высокими каменными стенами монастыря. Этот момент также не обошел эволюционное становление организма человека. Это тоже жизненно значимо и природа в этом же прообразе устраивает свой порядок. Так, к примеру, организм «прячет» ум под костным панцирем черепной коробки, то есть эволюционно подстраивается под эту кондизию состояния человеческой души в экстазе, благодаря которой человек становится более выносливым в терпении, рассудительным в самые тяжелые экстремальные моменты жизни, что важно для общей способности выживания, а главное не озлобляется в трудности и счастьем прощает своих обидчиков. Прощает своих обидчиков, ибо иное есть покушение на счастье быть в экстазе. Потом в процессе эволюции костный панцирь черепной коробки принимает иные множественные образы в общественных отношениях. Мозг прячут за высокие каменные стены монастырей, бесконечные нити государственных границ под охраной армии и флота.

Если тело не сослужит уму согласно возможностям своим, то оно теряет значение и гибнет, причем в муках. Монах если нарушил пост, то испытывает боль. Кровь начинает нести в себе то, что склоняет его к сонливости и к плохой работе мозга, и утрачивается ясность ума и собранность духа, приводит к рассеянности внимания в молитве, отчего приходит это гнетущее душу чувство бесполезности напряжения сил и неудовлетворение. Монах – это и есть человек как в семейной, так и иноческой жизни. Он опытный аскет, высота его духовного подъема открывает ему некоторые возможности помогать тем, кого он любит. Он утонченный в стяжании побед воитель. Он в торжестве духовной брани сердца, сразу замечает в себе

утрату господствующей высоты духа, ему становится гнетуще плохо – он терпит боль, которая гораздо сильнее физической и даже бесконечно более невыносима³⁷¹. Ведь, если плоть мучается, то это еще не так страшно, ибо человек привыкает и живет с ней даже всю жизнь. Если душа мучается от боли, то человек не только не может созидать и творить, но даже способен на откровенные поступки против себя. Только ради душевного комфорта и радости, человек пашет, трудится в самых суровых условиях и переносит невероятные перегрузки и остается весел. Трудность, как ветер, который вроде бы должен погасить пламя костра, но все наоборот – ещё более усиливает и раздувает огонь. Это качество стало основой, благодаря коей древний насельник Севера смог жить в данных суровых условиях. Высшая экзальтация счастья, экстаза бытия – естество нашего духа и души, свойство ума, через которые преображается и становится счастливым само тело³⁷². Под эту кондицию экстаза, в коей пребывает ум подстраивается вся природа организма, которая создает льготные условия работе мозга, чем обеспечивается ясность ума. Ясность ума – цель бытия тела. В каждой мышечной системе имеются вспомогательные работе сердца конструктивные элементы, проталкивающие кровь по сосудам. Иначе бы наше сердце не справилось бы с такой перегрузкой, а артерии, исходящие от него разорвались бы от высокого давления крови. Фактически сам по себе наш организм – это такое сердце только иного масштаба, которое качает в себе самом кровь и обеспечивает всем необходимым самое главное – работу ума³⁷². Эта кондиция бытия живого человеческого тела смогла в процессе эволюции адаптироваться к любым внешним условиям вот таким вот уникальным образом. Душа без тела в земных условиях жить не может, по слову святейшего Патриарха Кирилла. А для нормального бытия дыши в теле в наших реалиях нужна физическая активность, чтобы не было застоя, но был бы прилив в головной мозг свежей насыщенной кислородом и богатой питательными веществами крови. Только для этого и ни для чего более. То есть получается, что изначально, организм призван только сослужить работе мозга, он только улучшал его работу, создавал душе молитвенный комфорт в экстазе богообщения³⁷². Вот этой кондиции жизни остается адаптироваться в земной повседневности, к её требованиям выживать. Далее физическая активность, стимулирующая приток крови в мозг, не ради ее самой, но теперь еще обретает осмысленность. Адаптируясь в земных условиях становится физическим трудом в добывании хлеба насущного – это такая норма жизни, а не трагедия. Ум человека постоянно занят поиском Истины, пребывает в поиске Божественного, а именно всего того, что несет в себе Его энергии. Таким образом, получается, что труд человека – это извлечение энергии из всего того, что ее несет в себе, извлечение энергии из энергоносителей. То есть труд человека – это выражение тех внутренних процессов, которые происходят в человеческом мозге, без которых жизнь невозможна. Именно поэтому в определённых дозволенных нагрузках тяжбы не гасится счастье, а наоборот ещё более усиливается экстаз его переживания, приходит неизреченная любовь к своим соратникам и ясность ума экстаза. Плоть по силе своих возможностей пребывает в напряжении физических нагрузок, но не в ущерб работе мозга, а как раз наоборот, чтобы напитать мозг всем необходимым, служит уму через подпитывание и стимуляцию мозга. Плоть – это продолжение работы мозга по поиску Истины, но уже в иных сферах.

Можно сказать также и по-другому. Человек идет по дорогам счастья в прообразе того евангельского водоноса, несущего полный кувшин воды теми тропами, следуя которыми он не расплескал содержимое сосудов из источника. То есть организм – это процесс следования души земными тропами во Царствие Небесное. Человек ищет Истину – высказывание не корректное, ибо он уже есть Истина, которая только лишь нуждается в сопровождении к своему подобию, то есть на Свою изначальную Родину – в Райские Обители Творца. Продукт питания – это своеобразно выраженная дорога туда. Итак, *Вселенная носит во чреве своем человека в прообразе Богородицы Девы Марии. Точнее душу его во плоти.* В такой формулировке истин-

ности больше^{111-01-1.4-1}. Но так как для нашего мышления так воспринимать мир не удобно, то продолжим говорить на том же понятийном языке.

Из-за мирового похолодания, поиск Истины обрел высочайшую интенсивность и потому жизнь в последствии обрела иной образ, вышла на иной уровень. Появилось контрастное, чередование сытного и голодного времени (зима-лето), а потому образ жизни неизбежно адаптируется и под эти обстоятельства – включаются иные механизмы в борьбе за выживание (смотри^{111-01-1.4-1}) – человек научился распределять продукт таким образом, что когда наступит голодное время, он также сможет питать мозг и именно поэтому физическая активность обрела теперь еще одну грань осмысленности – экономия и распределение материальных средств. Нужно было запастись энергией, востребованной для мозга в голодные годы. И так далее – и так весь образ бытия в таком напряжении и перестройке, благодаря чему человек постепенно все больше возрастает в полноте приобщения абсолютному счастью и радость им порождающая сначала адаптируется то к одной деятельности, то к другой. Этим возрастом он побеждает смерть в земных условиях, отвоевывает у неё все большие и большие пространства теперь уже в космосе.

Вся Вселенная через тело радуется в первую очередь о мозге, носит его в себе и на себе, питает его самыми изысканными соками от плодов земных и этим помогает человеку, сослужит уму в силу своих возможностей в его духовном делании³⁷² – в поддержании духовного огня радости, как самого священного и значимого условия жизни. Отсюда мы заключили, что вообще всякая деятельность человека – это часть более общего процесса происходящего в мозге опосредовано всего того, что происходит в организме человека и несёт в себе именно утверждение высшей радости от приобщения ума к торжеству Божьего Духа (этот момент адаптировался в формировании научно-технического прогресса, где компьютеры разного вида помогают уму в работе). Без присутствия Духа Божьего, то есть без его счастья во всей его полноте человек угасает и подвиг совершить не может, ибо подвиг – это естественное желание поделиться радостью и счастьем, а тело – это далеко не первостепенная, хотя и тоже значимая часть всеобъемлющей полноты общения с Богом. При этом следует помнить, что плоть наша немощна, а потому не поспевает за чаяниями духа, а потому сильно его стесняет в свободах, из-за чего возникает мнение, что тело и душа – противоборствующие между собой противоположности. На самом деле, в этой Вселенной нет противоречий, просто в ограниченных наших возможностях воспринимать реальность мы видим, что одно плохо поспевает за другим. Но все же оно поспевает то есть движение одного за другим имеет место быть. Более того, одно толкает другое вперед к совершенству (смотри 111-02-01). Перед нами тот самый образ змия, в прообразе коего мы все ползем вперед и только туда, где нам хорошо, то есть к Богу. Одно дополняет другое и соучаствует в общем процессе эволюционного становления до Божественного совершенства. Сие есть жизнеутверждающая часть полноты всего человека, то есть востребовано в богообщении. Тело является инструментом для спасения, сопричастницей уму в приобщении к Божественному. По замечательному слову отцов Церкви, Вселенная через плоть сослужит душе всегда и опосредовано очень узкого пути (смотри^{111-01-1.4-1}). Вселенная и плоть – это видимая часть души, если она в единении с Творцом.

1.0.-18. Ведь, если в одном случае, тело наше – это печь, в которой горят дрова, поддерживающие в земных реалиях телесный огонь в костре, столь важном для радости от общения с Богом в экстазе. То в другом случае, костер можно даже затушить от переизбытка дров или наоборот их недостатка, из-за чего тело начинает мешать душе единству с Богом, уничтожая радость жизни, что приводит к гибели. (Раньше, когда не было спичек, в избах огонь горел постоянно и днем, и ночью, и летом, и тем более зимой). От этого тоже создается впечатление, что якобы тело враждует с духом. Также, из-за не правильного отношения к радости жизни, создается ложное впечатление о том, что научная революция состоит в противоречии счастью,

а ведь изначально уже в глубокой древности она возникла и была призвана не мешать, а только сослужить единству души с Богом. Ведь только единство с абсолютно счастливым наделяет нас счастьем во множественных его вариациях. Как это пришло издревле, так и останется ключевым моментом навсегда в будущем. Дело все в том, что организм – это сердце человека, которому нужно соразмерное пульсирующее движение и если что-то покушается на эту соразмерность монотонности движения (в пределах коего поддерживается ясность ума), то покушается на саму жизнь. Отсюда следует, что было бы правильным дать определения о том, что именно является естественным для человека. Надо ответить на вопрос, какой именно образ жизни он должен вести, исходя из того, что благодаря именно этой кондиции образа жизни мозг человека должен пребывать в максимальной работоспособности и в интенсивной ясности ума, пленником чего человеку естественно быть?

Итак, изначально нам ясно, что живая связь с Богом является священной и именно она является сущностью всего бытия человека и Вселенной через него. Ведь только Бог в абсолютном максимуме изливает из себя все живительные и жизнеутверждающие реалии. Поэтому, если человек хоть раз побывал в настоящем состоянии молитвы, то он становится пленником её навсегда. Ибо только в этом случае он осознает, что все грани чувственной природы заточены одновременно на одно и то же – созерцание Начала начал-центра, а поэтому вне этой привязки к единому Центру абсолютно все красоты и радости мира утрачивают свою притягательность. Ведь опосредовано наших проводников к Центру мы в образе созерцаемого общего плана их красоты видим только этот Центр-Начало начал, ибо только Бог наделен абсолютной красотой. Вне этого единства с Богом через проводник (смотри 111-01-1.4), все вокруг красоты даже начинают угнетать и приносят настоящую боль. Боль душевная гораздо сильнее физической, ведь от этого человек способен на отчаянные поступки. Исходя из этого положения нам становится ясен образ главного стимулятора эволюционного становления человека.

1.0.-19. В состоянии радости переключаются сразу абсолютно все составляющие наше естество, а не какая-то отдельная его часть. Тело радуется не органом чувств, а только тем, что естественно ему – душой и только в этом случае возможна полнота, в которой только Бог есть источник счастья для молящихся. Любящее сердце уже счастливо присутствием своей любви и когда счастливы все. Экстаз переживаемый в молитве, в богообщении многогранно полон. Все остальное вне его теряет свой цвет, не трогает сердце и даже сильно тяготит, скрадывает обретенное счастье духа, приходит тревога о грядущем своих любимых. Только в богообщении крайности (прошлое, будущее и настоящее) становятся одним целым или становятся одним цельным организмом. С одной стороны, имея глаза, человек смотрит на будущее через свою цельность и выбирает путь адаптировано к природе оной и идет там, где нет покушения на эту цельность. А с другой стороны, Бог целен по природе, то есть Его нет там, нет Его цельности. Это означает, что быть с Ним – быть цельным и в образе Пасхи Христовой избегать прикосновения ко всему тому, что этой цельности нашей вредит. Так будущее заложено в самом человеке. Так приходит мир и уверенность в завтрашнем дне, как в настоящем и честным прошлым. При этом счастье становится несколько тревожным в пределах дозволенного, чувственным, но лучше быть в тревоге о возможном, чем горевать о случившемся. Бесчувственное счастье – это уже свободный полет в пропасть. Что это такое?

Чтобы поддерживать свой огонёк-экстаз радости о настоящем и будущем, человек сосредоточен, собран духом, внимателен, легок на подъем и разборчив, мало спит и мало ест, и много работает, ему постоянно мало прежнего духовного совершенства и душевной чистоты, наводит порядок, строит – то есть, как бы постоянно собирает дрова в этом лесу, чистит печь от золы и поддерживает огонь – этим теплом бережёт свою радость. Живя тем, что в нем горит огонек, человек не замечает всего того, что происходит с ним и в нем, ибо для него такой накал жизненного ритма во имя постоянного бытия в радости – на самом деле такой же физиологический процесс, как пищеварение, дыхание и биение сердца.

1.0.-20. Представьте себе солдата в армии. Вот он задумал написать письмо родителям. Берёт листок бумаги и ручку, усаживается за стол. Для того, чтобы изготовить лист бумаги, срубили хвойные деревья лучших пород. Лес вытащили, складировали и потом везли за много километров. Далее на целлюлозно-бумажной фабрике рабочие изготовили бумажное полотно. Далее его разрезали до тетрадного листа и отвезли в воинскую часть. Примерно также с шариковой ручкой. Далее написанное письмо шло через тысячи километров в почтово-багажном вагоне. Тысячи путейцев прокладывали пути и поддерживали их в хорошем состоянии. Органы ФСБ и полиции, погранвойска и Вооружённые Силы охраняли этот повседневный рабочий процесс. И вот счастливая мама читает важное: "Мама, я тебя люблю". Она представляет о том, что сынок держал в руках этот листок и пыхтел над текстом. Сколько возни и энергозатрат, чтобы два сердца почувствовали естественное единство. И как бы всякая деятельность держится именно этими вздохами о друг друге любящих сердец и все в этом мире находится в простом служении этому торжеству любви³⁷². В конечном счете всё вокруг нас придумано умом человека для того, чтобы сослужить единению любящих душ, ибо в данной кондиции жизни мы более подобны Богу, а потому подобны Ему во всех остальных сопутствующих Творцу реалиях – более вечном в продолжительном проживании, в красоте и радости. А самое важное, что Бог лучше слышит такую молитву. Все те институты государства, которые были задействованы в этом акте единства двух любящих сердец, держатся на плаву именно этим и бесперебойное обеспечение этого единства остается смыслом их общего дела служения, обеспечивающим крепость и устойчивость державы. Также Законом Сохранения радости, а именно в одном из её граней проявления – в энергии, держится весь мир.

1.0.-21. Бог – есть самая значимая и высшая инстанция жизни во Вселенной, а значит более значимого, чем простое единство с Ним, в природе вещей существовать не может и быть не могло никогда. Все вращается вокруг этого священного единства и возрастает в пределах оно не только в обществе, как показано предыдущем абзаце, но и в мире материй вообще. Так как Бог абсолютно велик, то материя и даже вся Вселенная Его вместить в себя не может, но, в то же время, вне всей полноты восприятия и отражения, и исповеди о Его Природе невозможно бытие ни мира, ни Вселенной, ни каждой микроны. Это противоречие становится той самой пружиной, которая активизирует абсолютно все процессы становления до образа и подобия Ему, все формы движений к образу и подобию Ему. Не может исповедовать одновременно, но только постепенно Материя, благодаря присутствию в ней такого активатора эволюции, постоянно перестраивается (смотри 111-01-1.4-1) в более совершенные формы в пределах возможности природы нести в себе и выражать Божественное. А тут тоже безграничная множественность. Так как возможности природы всегда ограничены, то и присутствие Божественного на ней всегда временно, то есть природе «надо повернуться другим боком», чтобы совместить вечность в пределах временного бытия. Таким образом живительно совмещаются две крайности и вечность и в то же время временность. Как только возможности природы данной микроны бытия нести в себе присутствие Его целостной полноты утрачиваются, так сразу же происходит распад, а Божественное, согласно Закону Сохранения, переходит в иное состояние и в иную сферу бытия Вселенной, в пределах коей природа какое-то время имеет способность нести присутствие Божественного благодаря свойствам своим. Мы видим, что природа вокруг несет Божественное Богу в прообразе Святой Евхаристии. Благодаря этому мир имеет способность быть переходя из одного состояния в другое, то есть он как бы идет там, где путь наиболее адаптирован к присутствию Божественного в себе. До Рождества Христова мир материй, неся Божественное Богу в прообразе евангельского эпизода приготовления к празднику Опресноков, пророчествовал о Предстоящем явлении Сына Божьего и благодаря этому пророчеству имел бытие. А после Рождества Его мир Вселенной живет уже свидетельством о Нем. Как только Вселенная выпадает из этого свидетельства о Первом Пришествии Сына Божьего, так сразу же обречено на небытие. Чем-то иным, кроме Первого и Второго Пришествия Сына Божьего

мир жить не может. А потому в нем все заточено под Это, не смотря на свою обозреваемую бесконечность. Вселенная жила ожиданием Сына Божьего, а потом исповедью о Нем и ожиданием Его Пришествия Второго. Так как мир материй, сама Вселенная и плоть человека обязаны своим бытием именно этому, то в самую первую очередь призваны вспомоществовать в этом священном единении души с Богом, двигаясь в своем становлении к совершенству через него, через человека. Тело человека, как грань всей полноты богообщения, принимает непосредственное участие в молитвенном общении с Богом, а потому его соучастие в этом имеет равноценную значимость. Телу человека уготовано свое важное место в процессе богообщения. Вне полноты природы единства с Богом нет спасения и молитвы тоже нет. Всему есть значение и свое место. Также как любая заноза в теле, может стать причиной смерти всего организма (если оставить без лечения), так и молитва может перестать связью с Творцом без тела. Хотя какое-то время сознание больного человека еще работает. Или корабль, не смотря на всю свою оснащенность всем необходимым, утратив какую-то малую деталь теряет свою управляемость и может пойти ко дну. В этом же прообразе соучастия тела в общении души с Богом имеет значимость даже вся Вселенная, просто бытие ее в этом процессе не так очевидно, как хотелось бы, а потому сие ускользает от разумного восприятия. Но оно есть. Таким образом, все формы государственности и все формы деятельности в нем, как частный случай, неизбежно призваны только одному – улучшить единение человека с Богом в молитве³⁷², ведь Он – есть самая значимая и высшая инстанция во Вселенной¹¹¹⁻¹²⁻⁰⁰. Таким образом государство – это полнота, имеющая способность нести в себе Божественное в самой наибольшей многогранности. Чем больше всеобъемлющей многогранности выражения полноты Божественного, тем сильнее всемогущество человека в его молитвах. Возрастание в данном аспекте становится эволюцией. Тут есть причины согласиться с некоторыми замечаниями средневекового итальянского мыслителя Петро Помпонацци, утверждавшего, что «человек имеет образ государства». Хотя относительно всего того, что мною сказано в содержании этих томов книги, это высказывание выглядит несколько примитивно и краеугольно, ибо действительно само по себе государственное образование – это уникально сложившееся естественное продолжение природы счастья человека. Так активизируется природа своей радостью, но ведь счастьем в Боге активирована вообще вся Вселенная. Государство, как и мир вокруг, родился из внутреннего мира счастливого человека. Также как расщепление ядра кометы создает видимость хвоста её, но никак не хвост порождает процессы в ядре или как-то обуславливает бытие ядра. То есть только не закон природы оказывается главным активатором всех побуждений устройства государственности, а процесс богообщения в единении с Творцом, свидетельством чего Закон является. Но ограниченность природы богообщения является ли недостатком? Или же разделенность – это опять какой-то иной штрих счастья Божественного Промысла? Так ли это плохо, на самом деле? Или у этого свойства есть тоже Божественное предопределение?

Процесс пояснения этого вопроса следует вести через обоснование некоторого несогласия с одним замечанием В.Н.Лосского. Мне думается, что он не до конца понял суть вопроса, освященного Григорием Нисским. Святой Григорий утверждает, что Бог сотворил жену Адаму, чтобы сделать человека более совершенным и именно это большее совершенство в свидетельстве о Боге далее сыграло роль спасительного круга утопающему в грехопадении. Спасательный круг есть на каждом морском судне, даже если он не всегда востребован возникшими ситуациями – говорит Владимир Николаевич. Но на природе человека необходимо было выразить не достоинства совершенного тела, а то, что удерживает этот мир, не смотря на его очевидную разделенность. Нужно исповедовать любовь разделённостью, делать любовь видимой посредством разделённости – только во имя этого священного свидетельства имеет место быть разделенность в реалии. Сама Троица несет в Себе именно Это. А так получается, что человек живет не любовью, а вот этими спасительными кругами на судне, которых должно быть множество. Повторюсь, что разделенностью лучшее и полнее исповедь о том, что сокрыто

– о любви, а потому и в данной сфере бытия моление Творцу происходит более качественное. Богообщение в данных условиях окружающей среды, в коих оказался человек после грехопадения, лучше выражено именно этой разделенностью (смотри 777-01-2.1 и 111-01-1.4). В противном случае получается, что по каждой конкретной ситуации – свой специфически сложенный спасательный круг и человек возрастает в спасительных кругах, а не в любви. Что это будет такое, вместо того, чтобы совершать плавание, идти к цели? Это будет стяжание спасительных кругов для каждого конкретного случая в ущерб главному – достижению цели спасения души, в ущерб ее движения к Богу. Вне свободы от всякого ограничения невозможно подчеркнуть то, что вечно, неизменно и сковано в бытии абсолютной святости. Свобода призвана исповедовать о Природе Божественного, а потому только свобода Адама и Евы друг от друга, и свобода Каждого из Пресвятой Троицы Друг от Друга более совершенным более всеобъемлющим образом выражает Божественную реальность – Он становится видимым, единой плотью в Боге Отце. Это Закон Сохранения единства. Точно также свобода человека от Бога призвана подчеркнуть еще одну грань Предвечного Совета. Многогранность важна своей разделенностью и бытие живого позиционируется то на одном, то на другом, то на ином бесконечном. Единым остается конечная Цель и всеобщее направление движение к Одному Центру.

1.0.-22. Точно также, народившееся население – это тоже человек, своим бытием исповедующий не о количественном факторе, а о том, что держит этот множественный и разносторонний в людях мир. То есть не форма и не принцип, и не закон и тому подобное связывает, а то что выразиться может только в свободном определении всего. Важно видеть не материю, не плоть, а то, что это все организует в гармоничную структуру. Мир должен быть пленен счастьем, радостью от близости бытия с Богом. Вот этим повелением Адаму и Еве «плодитесь и размножайтесь» Бог замыслил возрастание человека к лучшему совершенству, к большему подобию Богу, к более сильной молитве Ему через многое население, ибо Бог лучше замечен и именно вот этой кондицией множественности лиц в одном человек более всего ближе ко Творцу, более всего очевиден только тот принцип, который наиболее эффективно утверждает трудно сплавиваемый из-за своей многолюдности союз – мы лучше видим Его и более полно и плодотворно входим с Ним в общение, а потому более грандиозны плоды этого общения (Стунхендж – один из них). Человек осознает, что телесная связь, связь благодаря взаимной выгоде или утверждённая страхом перед законом, бесконечно слабее связи, возникшей в Божественной радости каждого человека пребывающего в Нем, в Боге, в единстве с Ним, наиболее полно явленного в образе структуры сообщества одного направления к Цели, ибо сам человек – это нечто гораздо большее, чем просто телесно и умом воспринимаемое нами. Во-первых, человек – это видимая в земных реалиях конечное звено проявления солнечных процессов. Это уже больше, чем привычно зримое. С другой стороны, он есть связующее звено мира духовного и материального, то есть Бога со Вселенной и все то, что мы видим в нём стало видимым из-за грехопадения. Человек попал в эту темницу, но жизнь осталась той же, то есть без счастья и радости Царствия Небесного она не возможна. Только теперь эта радость дается человеку дозами, по чуть-чуть, несущий только один образ Богородицы Девы Марии.

Это тоже образ пребывания человека вне мира сего, образ экстаза причем только в единстве с Творцом, то есть человек – это многогранный процесс межличностного общения личности человека с Личностью Бога. Самый первый акт выхода из себя, происходящий ещё в Раю (речь идет о сотворении Евы Богом из внутреннего мира Адама) обрел самые различные многогранности выражения, но так и остался центральным и определяющим моментом в окружающем нас космосе. Бог показал направление возрастания для большего подобия Ему. До этого первый человек в экстазе отдавался сам Творцу без остатка в ущерб себе самому. А теперь, Бог ему указывает путь иной – не вверх, а вниз. Сохраняя прежнее единство с Богом, оставаясь на Предвечном Совете Троицы в пределах Замысла Его, включать в богообщение ближнего своего, а затем и всю Богом данную ему Вселенную. Мы видим образ экстаза иной и именно

сие ляжет в основу бытия Закона Сохранения человека во Царствии Небесном, который явлен перед нами во множественностях проявления. Только эта связь между людьми сообщества в данной реалии делает структуру общественных отношений самой устойчивой.

Данное качество природы неизбежно выделяло людей из вселенной в том же принципе прообраза выхода из себя для общения на Предвечном Совете, что не давало слиться с флорой и фауной. Человек также не слился и с миром материи и, постепенно в процессе эволюции, все более и более сильно выходит из него в прообразе экстаза и идет впереди Вселенной к Богу, увлекая ее за собой. Это не результат эволюционного становления материи, а как раз бытие вне эволюционных процессов, вне борьбы противоположностей, то есть сие есть изначальный естественный порядок вещей. Человек пребывая в том же Замысле о себе, то есть пребывая в радости Царствия Небесного, зовет за собой к счастью всю окружающую Вселенную, влечет ее за собой, делится своим счастьем из-за любви своей к миру. Человек тянет туда всю тварь, предварительно приняв ее образ по грехопадению и преобразив ее в образ Божий привычно созерцаемого ныне человека.

До первородного греха человека образ непосредственного межличностного общения был тот же, но только не имел формы разделенности (она в богообщении просто не востребована и даже мешает), которая привычна для сферы нашего пораженного грехом восприятия. Точнее формы вообще не могло быть, ибо единение происходит не благодаря форме и не формой, а внутренними мирами этих форм. Если единство сущностное имеет место быть, то различие форм не играет роли. Если нет сущностного единства, то и формальное единство невозможно. Форма сама по себе следует за тем, что творится во внутреннем мире и неизбежно выражает его бытие в данной сфере формальных взаимодействий. Поэтому вне этой сферы, в кою мы попали после грехопадения, не востребованы были «кожаные ризы», как защита радости, как внешнее оформление внутреннего мира людей. Человек тогда был внутренним для нас современных миром и видел не внешнее формальное обличие, а чисто внутренний мир и этим своим внутренним миром пребывал в общении с Творцом. Таким образом, следует сказать очень важное. Вне сущности нет форм, то есть в реалии форма вне сущности не возникнет. Сама по себе форма имеет только одно сущностное наполнение и только одной полярности. И в сущности мы все едины, но так как присутствие сущности предполагает эволюционное становление, то различаемся мы направлением этого эволюционного усложнения формы. Хотя подобие Ему в форме тоже имеет значение для богообщения, ибо дискомфорт в единстве с Богом – это тоже уничтожение богообщения.

В сфере множественности форм, мы тоже можем быть едины с Богом именно благодаря этой самой изначальной простоте, которая имела место быть в самые первые моменты зарождения Вселенной. Она не имела и никогда не будет иметь эволюционного усложнения и потому так и осталась общим для абсолютно всех микрон мироздания (всякое взаимодействие происходит именно в пределах этого среза природы, в пределах этой области бытия, в границах этого общего для всех микрон мироздания^{777-01-1.8}), и останется абсолютным подобием Бога, Его Частицей, проникшей в природу человека со струей Благодати дуновением в лицо Адама (согласно описанию в книге «Бытие»). Вне ее человек не может идти в богообщение, не может присутствовать на Предвечном Совете Троицы (более наглядно представлено в 3 томе 3-2.7.-1). В пребывающей в поле нашего зрения специфической области бытия Вселенной, в коей мир представлен множеством форм и границ, простота в абсолюте имеет только одно выражение – шар. Это подобие Богу имеет только одно выражение, а потому контрастирует с любым отклонением от него. Этот момент ляжет в основу формирования чувственной природы человека. Мир множественно различен этому, а потому покушается на этот образ, оказывая ему «ранение», которая оказывается в поле нашего зрения. С тех самых первых времен зарождения жизни этот шар дошел до наших дней и не изменился, и никогда не изменится, ибо имеет подобие Богу вечному и неизменному. Множественность временных различий – свидетель-

ство об этом. Каждая реалья с отличием, так как имеет бытие, то уже является единым с нами в Первоначале, но инородным благодаря различным направлениям эволюционного становления и развития. Поэтому это такой путь к одному и тому же образу, благодаря коему мы видим свое подобие себе. Мы видим только тоже самое Первоначало в ином контрастном нам выражении. Каждое визуальное распознавание – это такой след на природе абсолютной простоты. Вообще следует сказать о том, что шар, как абсолютное выражение присутствия Божественной Сущности в сфере природы границ и форм, имеет иные грани, которые заявляют о себе в процессе развития. Одна из них – это вечность. Как она заложена в самом естестве шара? Это важно сказать, ибо нам надо видеть Божественное в Его проявлениях. 1 шар¹

Что такое шар? Во-первых, перед нами граница. Вопрос, между чем и чем? Для ответа на этот вопрос, надо познать самого же себя и раскрыть суть природы познания, которая пребывает в сфере множественных границ и форм. Если мы увидим свой прообраз в ответе на этот вопрос, то нам сие изложение станет понятным. В противном случае, вести речь вести о чем-то ином не имеет смысла. Это следует из определения двоичности природы человека (об этом смотри в примечании 1133-43). Перед нами граница разделяющая постоянство берега и переменчивость всеобщей относительности Вселенной. В нашем случае, эта граница выражена сферой. Хотя так говорить нельзя, ибо сфера имеет прообраз точки и только точка является абсолютным постоянством этого бытия. Сфера же своим бытием в нашей реальности чувственного мира, уже несет в себе величину. А величина – это свойство отличия от того, что вообще не имеет хоть какой-то величины. Сфера – это та граница, которая очерчивает относительно более постоянное от менее постоянного. Этот контраст бросается нам в глаза и мы имеем дело с этим. Точка тоже несет в себе величину, но эта величина равна нулю. Точка – это величина в потенции в возможности быть величиной, но по природе точка остается частью органического Тела. Точка остается нормальным бытием. Величина же – это то, что стало крайностью проявления какой-то грани этой точки. Этому посвящено множество научных исследований, которые пытаются раскрыть внутреннюю природу точки, а точнее того самого мира, о котором она символизирует.

Постоянству берега нужно дать иное имя – вечность. Что тогда видит человек? Человек видит свое подобие – тоже постоянство вечности, только явленное в контрасте временному. Во имя самоутверждения из временного человек вычленяет вечное, также как белое распознаваемо на черном фоне. Или вспомним палец Льва Толстого (смотри 666-21-07). Сущность постоянства Царствия Небесного нам не видна никоим образом, также как охотник не видит зайца, затаившегося в траве (он замечен только в движении). Но именно это и есть норма для нас во всех аспектах бытия. Мы по природе являемся пустотой для чувственного мира и всякое наше чувство «видит» величину отклонения от этой нормы. Но речь идет о том, что величина призвана информировать о том, чем она является и в то же время не является, но выражает. Иными словами, мы видим Бога в Его проявлениях, в различных свидетельствах о Нем. Поэтому мы видим не зайца, прыгающего на лужайке, а то, о чем он свидетельствует своим бытием. Вспомните слова Творца пророку Моисею на горе Синай: «Задняя Моя узриши». Итак, нам надо было сразу определиться о том, что мы общаемся с Богом, видим только Бога и идем только к Богу. То, как это происходит, мы тут пытаемся понять.

Созерцаемая пустота, имеет множество граней выражения. И каждая грань – это тоже бытие, а потому это целый бесконечный мир в пределах этой грани. Это в прообразе того, что точка, не смотря на то, что она бесконечно мала, имеет бесконечно много всякого такого, о коем мы пытаемся свидетельствовать всем тем, что имеем в бесконечном научном анализе. Этого не следует пугаться и принять как есть. Но в данном случае, нас интересует ограниченная область множества форм и линий, в коей пустота имеет свой один и только один прообраз в её мире бесконечных границ – сферу. Ведь сфера – это граница контрастов, а всякий контраст имеет самое различное наполнение природой. То есть мы, сами являясь сонмищем форм, в

этой грани бытия видим множественные прообразы пустоты, отдаленно напоминающие сферу и имеющие с ней какое-то отделенное и не очень отдаленное тождество. Созерцаем мир относительно его естественного для данной области бытия – относительно сферы, мы ищем все то, что хоть и родственно этой сфере в окружающем бытии⁴⁵³, но в о же время имеет величину контрастного отличия от неё. Саму сферу, как абсолютно пустое, мы созерцать не можем. А вот контрасты ей – да. Например, окружности для нашего восприятия нет, а вот эллипс уже есть. В области освидетельствования появляется только то, что отлично от сферы, ибо воздействием освидетельствуемая реальность вторгается и нарушает образ постоянства, покушается на него. Так как жизнь – это есть пустота (в прообразе пальца Льва Толстого), то нарушение образа постоянства, чем является $0 \rightarrow 1$ сфера⁴⁷², становится актом чувственного восприятия. В нашем мозге есть сфера, которая подвергается постоянной бомбардировке от окружающего мира и мы воспринимаем эти воздействия, если они изменяют сферу – только в этом прообразе⁴⁵⁴. Так мы созерцаем световые волны и все остальное. То есть в данной области бытия видим то, что хотя и подобно сфере в одном, но отлично во всем остальном только уже адаптивном к окружающей реальности. Точнее будем говорить, что мы видим сферу опосредовано всего того, что сферой не является. Мы видим сферу, когда она уже сферой перестала быть. Теперь есть смысл обозначить некоторые срезы сферы, чтобы увидеть их прообразу в нашем бытии.

Итак, мы имеем область бытия, множественно раскрывающаяся в этой исследуемой нами грани пустоты, пребывающей в пределах самой сферы – это $1 \rightarrow 0$ замкнутость. В этой области бытия Вселенной реальность представлена также в двух полярностях: либо замкнутая, либо разрушенная. Замкнутость нами также не распознается, но распознается через отсутствие оной, то есть через то, что когда-то этой замкнутостью было. То есть относительно этого свойства пустоты¹⁷² мы видим замкнутость¹⁷² опосредовано всего того, что эту замкнутость в себе утратило¹⁷². Перед нами еще одна реальность сферы. Цветок имеет бытие благодаря тому, что имеет замкнутую непрерывность всех циклов в своей природе и во времени начиная от семени и заканчивая цветением. В этом прообразе имеет место быть любое бытие. И так, природа человека несет в себе образ пустоты – то есть сферу. Человек смотрит на мир через этот образ пустоты и видит его множественные проявления в свойстве сферы замкнутости. Он исповедует этот образ пустоты и творит вокруг себя в том же прообразе.

У сферы также других свойств много и каждое свойство или каждая грань ее становится отдельной областью исповеди об одном и том же и также двухполюсной областью бытия, в коей, хотя и одностороннее, но разворачивается тот прообраз во всем сюжете истории Вселенной. Подчеркивая какую-то грань сферы, мы этим раскрываем целый бесконечный мир ограниченной природой реальности, заложенной в пределах данной грани сферы. Эту мысль хорошо подчеркивает А.Ф.Лосев. он раскрывает ее на примере числа.

К примеру, $3 \rightarrow 0$ корпускулярность – это свойство имеет определение в области иного образа подобия пустоте. Пустота неизменна, а потому в этом прообразе подобия стремится сохранять неизменность и форма. Сфера должна иметь упругость, как прообраз постоянства пустоты⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹⁷.

Человек пребывает в движении. Что такое процесс движения, перемещения с одного места на другое? Граница бытия и не бытия, в пределах коей представленная созерцаемой реальностью частица становится подобием пустоты в данном образе – движением. Образ пустоты в частице движется в своем прообразе и в пределах своего прообраза – в пустоте и к подобию и прообразу своему – к пустоте. Движение свойственно только узкой грани бытия, в пределах коей мир также представлен бесконечностью человеку тоже свойственно жить, а потому

И, если мы присмотримся к этой грани бытия, то поймем, что движение это также в том же направлении, человек идет туда, где наибольшая пустота в абсолюте, что есть молитва или процесс богообщения. Это имеет прообраз во всем поведении человека в земных реалиях бытия, то есть в земном исполнении человек идет к ее специфическому образу в пределах данного бытия. Это и есть прообраз богообщения, который имеет множество проявлений в каждой микроне этого бытия. Человек везде в прообразе Голгофы и при этом идет на Голгофу, то есть туда, где нет чувственно различаемого контраста, где все, что не пустота уходит на второй план. Именно по этой самой причине, в узком срезе бытия пустота-материя, являясь прообразом пустоты, человек идет к ее же образу – к пустоте (смотри 111-1-11). Причем идет к прообразу пустоты через все то, что само имеет прообраз пустого. Он различает все контрасты ей. Иными словами, Сын Божий ничего не нарушил, но жил в пределах естества самой физиологии людей. Именно по этому Он вписывается в свод представлений о мире человека, хотя является Богом и при этом познанным не был, то есть был инородным абсолютностью Своей во всем. Это важно сказать, ибо перед нами встает во всем своем величии образ конечного пункта становления всех эволюций. Голгофа – это жизнь, а не смерть. Если на лобном месте человек умирает, то для него это место казни, а не Голгофа. Голгофа – это не место преткновения, а дальнейший путь в жизнь вечную. К примеру, вы решили выйти из дома. Вы встали с дивана и направляетесь к выходу, открываете дверь и выходите. Не через стену пытаетесь пройти, а там, где есть путь, где нет преткновения для вашего движения вперед. Пустота стремится к своему подобию – к пустоте и через свое же подобие – через пустоту. Точнее образ пустоты – стремится к образу пустоты через свое подобие – через образ пустоты и этот момент множественно выделен в природе Вселенной. Тут все очень просто. Мы представляем собой границу между пустотой и материальной реальностью, а потому в пределах этого может происходить всякое явление. В противном случае, оное выпадает из нашего поля зрения. То есть пустота, как составная часть природы, должна оставаться ее составляющей. Именно по этой причине, пустоту стремится к пустоте через свое подобие – пустоту. Точнее образ пустоты к образу пустоты, через образ пустоты, чтобы остаться тем, чем она является. Сама по себе пустота имеет наполнение реальностью, то именно в пределах этой составляющей человек живет.

Казалось бы простой фрагмент Истины, но именно он обращает на себя внимание при исследовании природы становления. Почему камень, брошенный ударится о что-то там и займет свое положение где-то там, а вот воробей всегда будет летать и ни разу не столкнется ни с одним предметом. В камне и в воробье по-разному заложен образ пустоты. Соответственно, по-разному они будут себя вести. Человек живет в прообразе Голгофы Христовой и мир следует за ним. Этот момент выражен еще и по-другому. Тяжелее всего стоять на узеньких стопах, но человек так живет. Он стоит на них, чтобы жить. Это не смерть. И так можно продолжать бесконечно.

Единство не создают, его надо обнаружить, то есть теперь, чтобы увидеть внутренний мир, подобает проникнуть в него, разрушив форму, внешнее. Что и выразилось на природе познания человеком, ведь прежде чем освоить внутреннее содержание, подобает для начала в поте лица разрушать формы ткани, добраться до того самого, что является вечным и абсолютно не рушимым – до прежнего единосущия Богу и тем самым приобщиться к радостной вечности хотя бы ещё на некоторое время, благодаря чему привычная форма поддерживается в той неизменности, которая свойственна только Творцу. Хотя форма остается самым последним звеном богообщения, она также остается значимой частью реальности и потому должна соучаствовать в богообщении. То есть полнота восприятия Бога – так и остается условием, вне коего общение с Творцом утрачивается.

Божественное разрушенным быть не может, а потому, если что-то разрушается, то разрушается только форма, но о разрушении, как о реальности говорить нельзя, это не будет Истиной. Форма утрачивается только ради одного – для того, чтобы обрести более совершенное

свидетельство о Творце в данной специфике природы озвученной области бытия – в сфере формальностей. Это естественный процесс, ведь богообщение – это возрастание, движение к большей полноте, а потому прежние одежды, в коих пребывает Божественное, постоянно становятся малы, сильно стесняют новую реальность. Опять же, вне богообщения никакое бытие невозможно, а так как прежние формы не позволяют иметь прежнюю полноту богообщения, то претерпевают перестроение. Этому служит желудочно-кишечный пищеварительный тракт, начинающийся полостью рта с двумя рядами зубов. Да и вся деятельность человека – это также именно то же самое делание, посредством коего человек, утруждая себя в поте лица, проникает во внутренний радостный мир Вселенной и извлекает когда-то единящую радость. То есть возвращается в то самое состояние, которое естественно для человечества, коим оно было до грехопадения, когда человек созерцал не обманчивую внешность и форму, а внутреннюю Божественную сущность опосредовано формы. Благодаря этому возвращению во внутренний мир, формы оказываются в некоторой степени совечными и подобными Творцу. К сожалению, мы слабы и беречь полученную порцию радости долго не можем. И если мы не подпитываемся вновь, то есть не входим в единосущье с Творцом, то можем утратить форму, образ Его, вне Коего нет жизни. Хотя, надо сказать, эволюция мира усиленно движется именно в этом направлении, по тому же пути становления эволюции, благодаря которой теперь человек будет довольствоваться одним приемом пищи гораздо дольше, а твердая черепная коробка призвана беречь в безопасности радость богообщения как можно дольше.

Примерно так же, вникая в сущность и не ведая о том, как устроен мир, мы приблизительно смогли наметить общий план устройства мира и человека в нём. Ведь в нас также заложена предрасположенность к тому же образу движения в мысли: от внешнего к внутреннему миру. (Об этом говорит о. Андроник (Лосев), который смог распознать контуры свидетельства о жизни даже в во внутренней природе причинно-следственного механизма, как бы увидел свое отражение в этом зеркале, утверждая о том, что сие есть хоть и конечная, но неотъемлемая и значимая часть полноты живого и выразил в трудах своих специализированным понятийным языком, который сам же и разработал). Подобное познается только своим подобием, поэтому в бытии нет более ничего вообще, кроме живого – то есть всего того, что мы чувственно способны распознать. Какой смысл тогда вообще вести разговор, кроме как о том, с чем мы имеем дело – с живым. (Хотя смысл есть, ибо живое в земных условиях этот вопрос ставит в особенной остроте, ибо благодаря Божественному порядку временное в процессе эволюции становится все более и более вечным. Просто живое в бесконечно малых промежутках времени выглядит мертвым, безжизненным, без развития). Вопрос лишь в том, как выразить то, что кажется безжизненным посредством живого? Продолжая эту мысль плавно переходим к пониманию, что с помощью телесности подчеркнуть то, на что способна только множественность – это тоже некоторая грань величия и большая степень подобия Богу и исповеди о Нём, а потому вместо «разделяй и властвуй» (что имеет силу только над злом греха, который не может говорить о Боге, но разделение его нужно именно для этой исповеди), звучит «плодись и приумножайся» (оставаясь одним телом в Боге), и будь единым в Боге и с Богом, и этим более совершенным, что выражено словами «где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18-20). Далее, Христос говорит апостолам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века.» Просто живое, а потому доброе, имеет силу возрастать и преумножаться, и своей множественностью и многогранностью подчеркивает незримое, делает видимым Самого Бога в пределах возможного. Так как счастье становится ещё более всеобъемлющим, то мы видим, что эволюция набирает силу в новых реалиях.

Физический труд тела – также важная составляющая в богообщении, вне которой единства с Богом нет. Если какой-то орган не задействован в жизненных процессах, то он посте-

пенно начинает деградировать и отмирает, увлекая за собой в небытие весь организм. Даже через воспалившийся палец может погибнуть все тело. Также в процессе богообщения важна каждая деталь. То есть каждая фибра тела сопряжена в общем деле утверждения торжества радости, торжества жизни над смертью, а потому имеет важное значение. Также как любая деталь на судне несет в себе одну цель – безопасное плавание всего судна. Для этого утверждения торжества радости со временем появлялись инструменты, которые призваны усиливать переживание присутствия Бога. Иными словами, в процессе молитвы участвует или задействовано все тело человека. Оно должно быть нагружено движением и физической тяжестью в полном соответствии с Замыслом Творца ради движения души к Богу. Человечество по грехопадению общалось со змием и образ ограниченного мировосприятия змия он получил в этот момент. Если до этого Царствие Небесное было вокруг него, то после этого Оное оказалось только впереди, то есть конечной целью, светом в конце тоннеля, Звездой по имени Солнце в прообразе этого тоннеля и конечной цели. Где-то впереди и нужно движение вперед к Богу к Цели. Вот что такое тело и так оно сопряжено с разумом. Тело не враг душе, а важное вспомогательное звено в деле спасения. Мы ползем к Богу. Если научный прогресс мешает этому, то онный есть инородное тело в живом организме. Этот момент был естественным отбором в истории человечества. (Тот, кто хочет познать силу молитвы, не должен ездить в авто).

Многогранность в процессе богообщения – ключевой момент древней веры славян до Великого Переселения народов на полуостров Индостан. Но как это было выражено. Вождь данного поселения-племени не просто восседал на троне – это представление абсолютно далекое от реального. Он вершил культовое действо и стоял во главе этого ритуала. Он пребывал в постоянном богообщении и все двадцать четыре часа совершал культ, единящий его самого и его народ с Богом. Как совместить физический труд в Замысле Божьем, благодаря коему общение с Богом становится плодотворным с ритуалом?

Множественность путей к Богу важна и имеет значение и в ином плане. Бог многогранен абсолютно и каждая грань Его раскрывается также природно ограниченным множеством и глубиной в пределах этой грани. Важно позиционировать себя сначала в какой-то одной грани, чтобы произнести слово Ему в плодотворном богообщении. После этого следует сменить позицию, перейти к иной грани и уже ее набором инструментов сделать тоже самое – войти в Сообщество Святого Семейства. И так до бесконечности стремясь к полноте. Человеку нельзя быть в одном положении, ибо начинаются процессы омертвления. Также как постоянного лежащего человека следует постоянно переворачивать с одного бока на другой, чтобы не было пролежней, из-за коих организм начинает умирать. (Именно по этой же причине всякая диктатура, не смотря на всю ее привлекательность – смерть для общества. Так было в СССР. Вроде бы такую цену заплатили за Победу в войне, но куда все делось через пятнадцать лет?)

Именно ритуал призван менять позицию созерцания Творца, чтобы общение всегда оставалось радостью. Односторонность быстро приедается и человек теряет счастье быть в экстазе (также как хорошая мелодия быстро становится причиной раздражения). Каждый фрагмент богослужения несет в себе целую палитру духовных переживаний и в каждом моменте богослужения Бог представлен с какой-то особенной стороны и силе. В этот момент человек опытный в духовной брани видит путь решения своих задач в борении. Некоторое время спустя мир поворачивается к человеку иной стороной, раскрывая себя уже по-другому и Бог предстает перед ним в иных ракурсах, являя ему иные силы Свои. Теперь человек видит уже иные грани своих проблем и соответствующие пути решения их. И так повторялось вновь и вновь до бесконечности в дневном, недельном, годовом цикле. Остаться на чем-то одном нельзя, ибо нужна полнота. Остаться можно только на одном – в радости о Боге. Вне Его нет никаких радостей вообще. И только радость становится диктатом всего, что было в человеке и будет. Радость бытия – это и есть диктатура, которая не нуждается в какой-то поддержке человека. Она независима от нас и сама за себя хорошо стоит причем абсолютно.

Ритуал несет в себе образ тела, позволяющего объединить народы в одно единое целое, а не идти вразнобой. Так как только Бог имеет жизнь, то только в Его прообразе все имеет живучесть – в прообразе единого Тела Бога. Так в истории человечества появился Стоунхендж, с помощью которого летоисчисление фиксировалось одинаково для всех племен. Появился прообраз Божий в единстве всех народов благодаря системе оповещения окружающей вселенной о том, что творит в данный момент культового действие вождь племени. В Православие это пришло как колокольный звон, возвещающий соединившемуся с Богом крестьянину о каждом фрагменте богослужения. Это позволяет труженику не просто быть в экстазе от процесса физического труда, но еще и быть в сопряжении с общим делом всего сообщества племени, быть в согласии с миром и единым. Крестьянин постоянно разворачивает свой духовный мир и в сокрушении сердца благодарит Бога за каждое мгновение жизни своих близких. Он глава семейства, а там, где голова, там будет и хвост. При таком построении дела человек не нуждается в отдыхе, ибо отдых им совмещается с процессом труда. Также как организм не отдыхает от внутренних биологических процессов, ибо в нем все непрерывно. Трудовая деятельность становится частью физиологии.

Так возникло славянское государственное образование, в коем деньги, исполнительная власть, законодательная власть и все иные институты были составными частями утверждения и торжества счастья Царствия Небесного в земных условиях. Никогда банковская система не могла себе позволить быть независимой от главного поступательного живого всеобщего движения в будущее к Богу. Такова специфика становления жизни северных народов. Все было заточено под одно и сопряжено между собой и являясь частью друг друга. Люди Севера претерпевали эволюционное становление только в контексте Этого единого живого Организма, вне коего он уже жить не мог, также как орган живет только в единство со всем телом. А если отделен от всего тела, то уже отмирает, хотя какое-то время он остается в прежнем виде – но это дело времени. Научная мысль пошла в иную сторону – человек теперь не описывал красоту Вселенной, как древний индус, а начал изучать свойства окружающего мира и делая открытия в этих направлениях, он лучше и лучше адаптировался к сложным климатическим условиям. Именно по этой же причине научно-техническая революция получила развитие в этой части Земли. В обоих случаях (Веданта и уклад дохристианской общины народов Севера) мы имеем дело с одним и тем же – многогранностью приобщения к одному и тому же – к счастью Царствия Небесного уже при земной жизни. И то, и другое обозначилось на Голгофе Христовой во всех ракурсах. Если до Рождества Христова сие было пророчеством о Спасителе мира, то после Его Воскресения, сие стало свидетельством о Нем. Голгофа Христова – это не смерть, а жизнь. В противном случае, мы о ней ничего бы не знали, ведь мест казни было множество. На Голгофе надо жить, а не умирать – это первый и самый ключевой элемент, пришедший к нам из далекого дохристианского прошлого, наследниками которого мы должны оставаться всегда. Жизнь – это некончаемый процесс перехода от одной грани богообщения к другой. Всякая перемена несет в себе очертание смерти, но только потому, что мы не видим общий план жизни и ее свойств. Односторонность в разных формах проявления – это то, против чего протестует жизнь. Поэтому само наше земное бытие становится мучительной односторонностью, отчего она, жизнь, стремится избавиться. В этом и есть прообраз эволюции жизни, которая стремится при жизни земной победить односторонность, распознать уже здесь при жизни какую-то грань Божественного, чтобы опосредовано теперь уже оной войти в богообщение. Мы видим Бога еще и другими гранями своей природы.

Что нам досталось от тех времен дохристианских? Общинный образ жизни, который хорошо вписался в монастыри. Русские монастыри – это то самое родное нам, вне коего русский жить не сможет. Европейец – тоже. Мне не хочется противопоставлять что-то греческому пониманию Христианства. Но в прообразе древней ведической традиции мы объединим все течения мысли в отдельный русла по единому общему для них признаку и обрисуем свой

новый, как хорошо забытый старый, путь к одному и тому же и через одно и то же – через Голгофу Христову.

После Великого Переселения в жизни переселившихся произошли перемены и многогранность богообщения обрела иное естество. Ничему не обязывающий образ жизни индуса в безделье породил односторонность богообщения. Теперь вместо переключения с одного фрагмента на другой в общем циклическом ритме богообщения нужен отдых. Так возникает простор для переосмысления. Человек взошел на вершину радости, получил наслаждение и теперь вновь спустился. Он видел красоту мира и на своем понятийном языке излагает то, что ему открылось. Так появилось первое учение. У каждого человека понятийный язык свой и все они не похожи между собой, но красота мира для всех одинакова и потому спустившись в вершины они все говорят об одном и том же, но с помощью разных наборов языковых инструментов. Появляется целая лавина научных концепций и все они ведут к одному и тому же. Это важно для мирного сосуществования общества. Все как один следуют согласно какому-то учению к одному и тому же Источнику счастья. И каждый, пришедший к торжеству радости, становится пленником этого пути к ней. Все это время он никого не терроризировал и общество мирно уживалось. Каждый понимал только одно, что ближний идет к радости бытия своей дорогой и ему нельзя мешать спорами об Истине. Каждое такое учение получило название упанишада со своим каким-то именем, а вся система в целом – Веданта. Так появилось ведическое мировосприятие.

Те, кто остались жить в районах Севера, с вершины не спускались. На Вершине вершин северный родился и на ней продолжал свое житие в радости. Он продолжали жить многогранностью непосредственного богообщения в постоянном торжестве счастья, поддерживая себя на вершине бытия то посредством одного, то другого, то третьего, то бесконечного другого в циклическом ритме дневного, квартального, годового цикла повторений. То есть, он, чтобы удержать горячее, обжигающее руки Тело, как бы, быстро менял, перехватывал, давая возможность остыть нагретой коже, чтобы не получить ожог. Если северный постоянно перехватывается, то южный получив порцию тепла, достаточную для жизни спускается вниз. Северный, чтобы жить в таких суровых условиях, нужно значительно намного больше этого тепла счастья. А потому, ему приходится больше терпеть, совмещая с отдыхом. Северный борется за жизнь иначе, ему нельзя отдыхать от односторонности, а быстро менять положение в пределах той же высоты Вершины вершин. Два образа выживания формируют разные направления эволюционного становления. Просто физическая нагрузка несет в себе покушение на травму психики, то есть в северных широтах психику человека шло много воздействий. Поэтому быть в состоянии вне себя, в экстазе, было естеством народа и его бытия во Вселенной. Это определило специфику религиозной мысли.

Индуизм и древнюю славянскую традицию можно сравнить со столбами Семь Братьев у нас на Урале. Природа их появления очевидна. Когда-то верхний край этих столбов был частью огромного ландшафта каменных гор. Вершина этих столбов была частью какой-то равнины, но ветра и воды сделали свое дело. Они смогли разрушить то, что поддавалось разрушению, оставив не тронутыми эти изваяния. Весь этот ландшафт превратился в песок, а перед нами появились эти чудеса. Это заложено в природе человека и верхний край столбов, и то, что стало песком – две крайности бытия в одном. Человек так и остался жителем Царствия Небесного, хотя уже ходит по самому дну Вселенной. Человек вынужден в одном случае позиционировать себя только в высшей своей природе, а в другом имеет возможность расслабиться и расслабляется. Если индусу этого прикосновения достаточно, то для жителя Севера в тяжелых условиях нет. Ему в его динамике жизни необходимо постоянное присутствие этого счастья.

1.0.-23. В бытии, в коем мы были до грехопадения, люди пребывали в свободном определении друг от друга. Сие есть более совершенное свидетельство человека о Боге и более совершенное подобие Ему. То есть плодотворная, творческая связь между людьми еще в те времена

была возможна только опосредовано Бога и потому и ныне, и вовеки ничто вне её быть не может. После осквернения грехом та же самая кондиция бытия и свободное самоопределение, стала спасательным кругом утопающему человеку. Бог не дал человеку без любви даже размножаться, ибо без этой радости любить в Боге невозможно идти на самый важный и наполненный риском подвиг деторождения и воспитания. То есть человек несет в себе ещё и воплотившийся образ любви двух и более сердец. И этот внутренний и в абсолютно высшей степени совершенный мир любви может зримо исповедовать себя, видимо заявлять о себе только в свободе самоопределения и становления в более совершенные земные образы подобия Богу. Бог велик абсолютно и Его совершенство невозможно выразить в творении Его – природа человека немощна, тем более оскверненная грехом. Поэтому уже в Раю оказалась востребованной множественность людей – это не зло, а зримое более совершенное выражение бытия Божественного (смотри 111-01-1.4, 111-01-1.4-1). Далее в Ветхом Завете – это проповедь о Нем, а в Новом Завете – сонм мучеников и исповедников. А это уже распознавание иное – свидетельство бытия Духа Святого, свидетельство более полного и всеобъемлющего присутствия Царствия Небесного уже в наших земных реалиях. Мученичество за веру – симптомы присутствия Духа Святого, так заявляет о себе Святой Дух.

Итак, всякое творение Божье наделено Божественным во внутреннем мире. Абсолютно совершенное Божественное может само себя исповедовать только в свободе самоопределения, то есть в независимости от всего остального кроме Творца. Сие есть основа всякого бытия, имеет множество наглядных прообразов в природе Вселенной. К примеру, как рождается кристалл алмаз? Пары углерода конденсируются на холодных стенках лакуны-пустоты в остывающей вулканической лаве. Подобно тому, как на оконном стекле зимой, появляются ледяные узоры. Каждая молекула, пребывая в свободе самоопределения в момент конденсации пара на холодную поверхность, исповедует свою внутреннюю природу, свою молекулярную атомную структуру, свою Божественную причастность, как частицу Его. Свобода дает возможность проявиться более тонким, более глубинным и даже бесконечно глубинным свойствам внутреннего мира материи, то есть сама себя ориентирует прообразе своего Родителя, выстраиваясь в единую однообразную структуру кристалла, крепче коего нет в природе вселенной. В самоопределении есть время, которое дает Богу возможность все более и более полно сказать слово Свое, от Которого все вокруг делается прекрасным. И наоборот, недосказанность Им и о Нем создает иное. Тот же углерод при иных условиях образования твердой материи, вне свободы самоопределения принимает образ и подобия несвободы – превращается в черный аморфный графит. Так как для жизни важно первое устойчивое состояние Вселенной, как бы в абсолютной твердости алмаза, то только о нём есть смысл говорить, ибо только оно, как самое твердое, обозначает себя в бытии и «замечает» только свое же подобие – тоже твердое. «Замечает» и входит в зримо распознаваемое взаимодействие. То есть углерод пребывающий в состоянии графита является некоторой пустотой для того же углерода, но уже в структуре алмаза – нет той твердости, благодаря чему выпадает из поля зрения как абсолютная твердость. То есть нет более полного подобия Богу, выраженного благодаря свободе. Иными словами, живое, как наибольшее и более глубинное выражение причастности внутреннего мира к Божественному, и только живое осуществляет взаимодействие. Ведь все то, что не устойчиво и слабое для твердого и сильного, все то есть просто чувственно воспринимаемая пустота.

1.0.-24. Именно поэтому Предвечный Совет важен для нас, как маяк и как образ для формирования устойчивой государственности. Предвечный Совет важен для нас именно как несущий образ требуемого согласия при абсолютном свободном самоопределении. Всё то, что противоестественно Предвечному Совету Троицы, все то наделено временностью. Все то, что подобно Предвечному Совету – все то наделено вечностью в той же степени подобия. То, как относятся между собой Участники Предвечного Совета Троицы, то для нас есть наука и образец для подражания. Каждый из Них в первую очередь, пребывая в свободе самоопределения,

полностью отдаваясь сослужит Общему Делу, а Адам не внял решению Предвечного Совета, как бы разрушил завет любви и теперь мы зрим сам этот механизм его изгнания. В поле чувственной природы попадает поддающееся научному анализу. А точнее, так как замысел Бога на человеке не изменился, то это означает, что человек так и остался свободным насельником Царствия Небесного, но только в пределах природных возможностей воспаленного грехом Адама. Господь изгоняет не Адама, а сам грех. Поэтому Адам по-прежнему насельник Царствия Небесного. Изменился лишь образ этого пребывания в чертогах Царствия Небесного (и для каждого народа он свой уникально сложенный). Все осталось как прежде, но человеку заповедано теперь в поте лица добывать себе этот хлеб жизни вечной и всей полноты радости её свободы самоопределения. Человеку теперь суждено убивать в себе всякое проявление смерти, сковывающую свободу самоопределения и самовыражения своей Божественной сути, полученной от Бога через дуновение в лицо Адама, описанное в Книге «Бытие». Мы читаем тут новое Имя того, что подпадает под определение экстаза. Теперь активировать экстаз для соучастия в Предвечном Совете (в переводе с греческого экстаз – выход из себя) подобает очищением своей природы. Да естественность так и осталась той, чем она была во Царствии Небесном до грехопадения, но приняла иное Свое выражение, ибо то, что сотворено Богом ничем изменить невозможно и оно остается навсегда непреходящим, но только теперь нужен порядок, чтобы содержать эту самую естественность в земных реалиях. Порядок вещей должен быть естественен для Царствия Небесного³⁷². Естество естеству рознь. Для некоторых жителей Содомы и Гоморры – одна, а для праведника – другая. Соответственно и судьбы различны: у грешника есть судьба, у праведника её нет и потому (по слову Святейшего Патриарха Кирилла) нет смысла ему знать будущее, ибо он будет жить всегда и даже Страшный Суд Божий для праведника – обыденное.

1.0.-25. Если до осквернения грехом человек жил в образе Божьем (то есть вечно), то после осквернения грехом нужна бесконечная многогранность полноты выражения образа Божьего в пределах Закона Сохранения этого образа. Адаму, чтобы хранить образ Божий и этим жить вечно, то есть победить судьбу (неизбежность смерти), необходимо самому трудом в поте лица сохранять этот образ Божий, поддерживать образ вечного сохранения. Чтобы жить вечно, необходимо пребывать в покаянии и самокритике, в совершенствовании себя в образе Божьем. Для понимания сказанного востребована некоторая высота, чтобы можно было смотреть на сложный понятийный философский текст. Созерцая общий план изучаемого вопроса, следовать ему по специфическим дорогам научной мысли. То есть о самом главном есть смысл сказать, что каким бы фантастичным любой научный анализ не был, он остается в пределах данного мировосприятия и должен в меру своих уникальных возможностей и свойств свидетельствовать об этом порядке вещей из общего плана. То есть в общем мировосприятии этого бытия все есть живое и вне живого ничего нет. Осознавая сие мы можем ходить в этом лесу, не блуждая в нём. Как неживое, эта реальность воспринимается нами в виду того, что самые глубины внутренней природы вещества участвуют в формировании структуры материи. Так как природа сверхмалых реальных обнаруживается только в течение соответствующих несоизмеримых промежутков времени, то эта глубинная связь во взаимодействии выпадает из поля зрения, а потому воспринимается нами как бессмысленное свободное самоопределение. Такова главная мысль А.Ф.Лосева о бесконечно малых реалиях мира.

1.0.-26. В этом месте изложения мысли несколько отвлечемся. **Из всего нами озвученного совсем иначе воспринимаются некоторые вопросы устройства государства.** Бог есть свет абсолютной совершенной любви в Предвечном Совете Троицы. Нашему чувственному обозрению сие раскрывается Большим Вселенским взрывом, по слову ученых. Это нормально, ибо Божественное наделено абсолютным Величием, Коему в этом мире тесно в любой реальности, а так как вне Божественного ничто в этом мире быть не может, то мы будем видеть это стремление в абсолютно ничтожное вместить абсолютно Великое. Это и есть взрыв.

Этот образ явления нам, осквернённым грехом, имеет государственно важное значение. Вся власть Советам – хороший лозунг. Вопрос лишь в том, кто в этом совете должен был быть. Молодые красивые трудолюбивые парни и их красавицы жёны? Передовики производства и спортсмены? Музыканты и композиторы? Ответ на этот вопрос заложен в самой природе людей. Человек несет в себе образ Божий, а потому в по подобие Ему призван вместить в себя всю Вселенную, соединить в себе Царствие Небесное и дно бытия. Все в Одном. Если человек никогда не падал, то он несет в себе образ Ангела. Если же он упал, но не смог подняться, то он несет в себе образ дьявола. Но перечисленное не есть образ Божий. Образ Божий, когда человек соединил мир падший с миром Ангелов, то есть упал и поднялся. То есть бесконечно подниматься до образа Божьего – заложено в природе людей. Аскетизм – это суть не часть физиологии человек, а его сущность. Исходя из этого человек должен многообразно нести в себе этот образ становления из падшего состояния до абсолютного подобия Богу. Все люди на Земле падают, но подняться им самостоятельно вновь не всегда по силам, ибо нужен путеводитель-наставник и источник силы. Наверное все же, это не высокие специалисты-технари рабочего процесса, а люди-победители, победившие в духовной брани и имеют огромный опыт побед над самим собой в аскетических подвигах. Просто они поведут народ туда, куда сами шли всю свою жизнь и обладателями чего стали – к победе, к бытию в торжестве жизни. То есть торжество жизни надо одеть в одежды трудовой специализации. Все остальное само по себе приложится – победа адаптируется во все сферы хозяйственной и научной деятельности. Ради этого торжества радости жизни и только для торжества радости было создано государство. Поэтому, неизбежно государство возникло только лишь для того, чтобы накапливать опыт бытия в радости, то есть дать возможность видеть и слышать людей высоко умудрённых жизненным опытом – победителей себя счастьем и радостью без вреда для здоровья. Здоровьем мы называем богообщение, в коем человек полностью и без остатка поглощен бытием в Творце. Он проходит мимо даже малого чувственного восприятия и мимо всякого стороннего влечения, уводящего от единства с Творцом. Здоровый человек ничего не видит и ничего не слышит, кроме Творца. Представьте себе такое состояние и вы будете иметь верное представление о человеке и о том, что такое государство. Именно по этой же причине торжество радости жить через побеждающего себя уверенно дает свободу врагу своему по отношению к себе, даже наделяет его властью, тем самым давая выразиться абсолютному совершенству на данной реальности, то есть промыслу Божьему, никоим образом не противясь всепобеждающей силе Господней. Каким бы он деспотом не был, что он может сделать...? Кроме как творить в пределах дозволенного Богом. Может либо приблизить, либо отодвинуть час более явной встречи с Господом, с которым он уже итак пребывает в самых тесных и реальных отношениях. В этом весь вопрос. Если государство гарантирует полноту общения личностей, то в нем нет потрясений и оно вечно. Просто диктатура радости вписывается в общественную жизнь гармонично во всей полноте. А если государство эту полноту межличностных отношений исключает, то происходит ущемление этого присутствия, от чего порядок в сообществе становится временным. То есть, если Церковь отделена от государства – проблемы не Церкви, а самого государства, ибо человек вне этой полноты свободы самоопределения перестает существовать как личность, вне этого самоопределения уходит возможность задействоваться более высшим граням личности и потому союз в таком сообществе обречён. Повторюсь, чтобы жить, человек должен быть личностью во всей полноте этого слова и без даже малого ущемления. То есть ему естественно пребывать в общении с Личностью Бога, как с подобием своим (условие живого участия на Предвечном Совете, что есть молитва). Ведь человек – это душа, одетая в плоть, а потому не плоти, а душе должно быть комфортно. На выгоде строить государство – дело обреченное на провал.

Это важно разглядеть в самом Священном Писании.

Первородный грех Адама имеет много граней, но в данной конкретике речь должна идти не о яблоке (это только лишь понятийный язык изложения Истины), а о том, что Адам вышел из Совета и нарушил Его повеление. Он нарушил единосогласность. Изменил Общему Делу служения, благодаря Коему он, как человек радости, сам возник во Вселенной и тем самым утратил радость жизни – начал прикрывать свою наготу. Поэтому в таком состоянии вне радости духа, при коем невозможно делиться радостью с миром, ему нельзя было находиться вечно, то есть нельзя было узаконивать сам этот грех, что привело бы к разрушению всего того, что держалось на радости в Боге. А так как, не смотря на грехопадение, человеку по-прежнему естественно жить только Божественной радостью, но переизбыток оной приносит боль (от чего он начал скрывать наготу), то теперь надо отодвинуть бытие первых людей на безопасное расстояние, «создать временный карантин». (Это могло выразиться на природе людей после Великого Переселения). Для нашей конкретики устроительства государственности именно это и есть то самое страшное (узаконенное зло распушенности), которое узаконивается в самом понимании и в представлении о жизни. Рушится советская власть в обществе, ибо нет самого понятийного механизма устранения возникшего крена, имеющего прообраз грехопадения, в коем ради самого человека и полноты его счастья Бог привносит в мир ограничение злу – так только и только в греховной природе людей появляется смерть. Смерть – это ограничение злу.

«...22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

Человек узрел в себе грани греховной плоти, но не обуздал её, а потому отныне житие во Царствии Небесном требует ограничения необузданности посредством трудов в поте лица, ибо теперь чтобы видеть белое, нужно иметь трудное и скорбное представление о черном. Вне этого контраста нам понять невозможно происходящее, то есть не увидеть самих себя. То есть наша земная жизнь во Царствии Небесном возможна лишь в одном случае, когда мы несем тяжести жизни.

1.0.-27. Что такое единение с Богом видно из следующего случая из жизни. К одному старому монаху приходит молодой инок и жалуется на одного азербайджанца, сетуя на то, что он заставляет его работать на его огороде. На что великий старец отвечает: «Я тоже на этом огороде работал всю жизнь, только у отца его»². Причастие к Богу определяет человека на все. Человек борется не за место под Солнцем, он борется за полноту самовыражения, за полноту подобия Ему. Это утверждение абсолютно многогранное. Чтобы Бог слышал и был в рабстве у человека, каждому из нас надо самому пребывать в рабстве. Или можно так сказать, что человек может смириться с любым унижением себя ради прежней священной связи с Богом. Творец превыше всего и значимее всего, а потому священная связь с Ним остаётся самым важным, самым главным для всего абсолютно, самым главным стимулом всех самых жестких несвобод, исканий и побуждений. Связь с Творцом есть самое вожаемое счастье. (Мы иногда боремся за права народа, как декабристы и не ведаем о том, что Крепостное право в определённой Богом кондиции – на самом деле счастье для него. Несчастье в ином – нет радости бытия в крепостном праве для самих дворян. Вот тогда-то пребывать в подчинении у людей деградировавших становится настоящим адом произвола. Победа над крепостным правом каким-то иным способом, на самом деле становится эстафетной палочкой, передаваемым от одного времени другому в виде всякого рода кровавых сцен насилия и террора. Такова же реальность древних вер, ибо дело не в том, как мы живем, а дело в том, где мы ходим. Пути радости и счастья есть даже в самом страшном аду. И наоборот, в послевоенные годы бытия СССР на ровном месте без всякой войны и репрессий в достатке и равноправии погиб целый народ).

1.0.-28. Нельзя сказать, что для бытия в таком вот качестве нам не нужны волчья пасть, быстрые ноги, теплая шерсть и все остальное. Они нужны, как инструменты, ибо всегда есть

необходимость адаптировать энергию Солнца под естественные запросы относительно слабого человеческого организма, коему нужно время для возрастания до большего совершенства в Боге. Человеку не нужны достоинства, необходимые для торжества над жертвой, а нужны ему достоинства для торжества над самим собой и при этом ни в коем случае не усилием воли, но только в экстазе богообщения. А это разные вещи. Человеку нужны не достоинства для победы над кем-то, а инструменты для более сильного приобщения к радости бытия. Потому, как не востребованные, они эволюционно отделены от природы человека, дабы не мешать ему быть в его счастье и не отвлекать его от духовного делания. Человек торжествует над собой не усилием воли, а радостью, а потому эволюция жизни как бы убирает все то, что покушается на счастье человека бытия в Боге. именно по этой причине, голова все дальше и дальше отодвигается от тела (смотри 111-11-1,1 и 111-11-1 и 111-01-1.2 и 11-01-1.1 и 777-01-2.3). Хотя тело так и остается частью головы, но голова в прообразе выхода из тела вычленяется все сильнее и сильнее от органов жизнедеятельности шеей. Таким образом, у человека есть только эволюционно сложившиеся достоинства торжества над собой, а живые носители этих достоинств торжества над жертвой, сослужат духовному деланию человека своеобразно в контексте своих уникальных возможностей, чтобы опосредовано его приобщаться к Богу. А человек опосредовано носителей этих достоинств выживания имеет возможность увеличить время возрастания в Боге. Это тоже подтверждает гипотезу о том, что когда-то все живое было человеком, в последствии разделившимся на составляющие. Точнее, в таком образе через человека всякая тварь сошла в этот срез бытия Вселенной. Здесь рядом совсем дно бытия.

Процесс вычленения головы из тела в процессе эволюции заметно не только на природе человека. Цветы и растения своеобразно постоянно напоминают человеку о его месте во Царствии Небесном, ибо человек – единственный проводник счастья и радости в пределы земные для всего живого от Источника всех блаженств и потому, также как тело человека радуется душой, флора и фауна радуются человеком, как своей природной составляющей. Это видно не только в добродушном характере прирученных животных, но и в том, что цветок поворачивает свой бутон к Солнцу и сопровождает его от горизонта до горизонта. В процессе эволюции этот момент, когда головка поворачивается за солнечным диском, вычленился в отдельный организм, который следует туда, где больше солнечных световых потоков. Этот организм был новым образом Бога и отдаленным прообразом современного человека, то есть человеком в состоянии эволюционного эмбриона. Вне этого движения от одного прообраза человека к другому более совершенному 666-06-06 живое существовать не может (смотри 777-01-2.0 и 777-02-7 и 111-11-3).

Человек носитель в себе Царствия Небесного⁴³ и от Оного в нем самом исходит этот свет и своим влиянием изменяет природу флоры и фауны, наделяет ее способностью вновь быть в согласии и мире, как всему этому было естественно до грехопадения. То, что не естественно миру в первообразе, то человек нести не может и потому не несет, то есть человек здесь, как бы приносит акт покаяния – собирает то, что было разрушено грехом. Нет в природе нечего такого, которое бы согревало душу Божественной добротой, но только Бог Сам. Вот как было всё устроено для устремления в естественное для вселенной вечное бытие. И оно возможно только через человека, через всякое его деяние и естество природы (смотри 666-06-06). Эта формула – точка отсчёта также для всех остальных научных поисков и исследований, которые должны нести счастье вместо правды, оформленной специфически в понятиях ученого. Счастье – это и есть правда.

1.0.-29. Бог есть абсолютное счастье. Он пребывает во Царствии Небесном. Из-за грехопадения человек обрёл смертельную порчу. Но это только лишь порча на том же самом естестве природы. Но тело остается той же самой сущностью живого только радостного бытия. Единственное, пока не будет восстановлена даже эта бесконечно малая и даже ничтожная реалья в

естественном порядке счастья, говорить о полноте жизни и счастья не приходится. Если даже бесконечно малая частица оказалась инородной радости, то все тело страдает. С этого момента для того, чтобы как и прежде пребывать во Царствии Небесном необходимо очищение от нее, нужен труд в поте лица³⁰⁴. Это новое бытие жизни имеет многообразные виды проявления и это не какой-то там разовый акт. Нужна жизнь в постоянном процессе очищения в прообразе Голгофы Христовой.

Тогда, на самом деле, что такое спорт и где ему место в нашей жизни? Так как власть советов в любом государстве имеет прообраз Предвечного Совета Бога-Троицы, то, как уже сказано ранее, чтобы содержать порядок вечно, необходимо формировать власть по образу и подобию отношений Лиц Пресвятой Троицы. Все люди делятся эгоистов и альтруистов. И те, и другие несут благо в чем-то одном и в то же время злое в чем-нибудь ином в зависимости от ситуации. Но как их соделать одним целым? Нужно одно на всех общее дело. Эгоизм перестает быть злом, когда человек стоит на естественном для себя месте во Царствии Небесном, то есть в общении с Творцом, то есть там, где все связующие с Богом нити Вселенной пересекаются в одном Центре. Тогда слова «я есть» («эго ист») и «мир» становятся разными именами Одного.

Для спокойного формирования государственности важно, чтобы каждый его член жил общей радостью, то есть должен служить общему делу, чтобы оказаться в структуре его. Все, и эгоисты, и даже альтруисты, пребывая вне своего места всеобщего государственного служения Богу, это дело губят. Общее дело – это всегда какое-то иное имя торжества над смертью. Если мы находимся в зимнем лесу, то никому не надо доказывать о том, что нужен костер для обогрева. Каждый сам занимает свое место и эгоист и альтруист, то есть собирает дрова для поддержания костра. Борьба со стихией всегда спланивала людей. Демократия или диктатура, социалистическая или капиталистическая форма собственности, эгоизм или альтруизм, а также все иные известные крайности обязаны своим бытием Божественной составляющей в своей природе уникальной специфики. То есть в каждой крайности есть какое-то свое уникальное благо, имеет свои достоинства утверждения живого. Но как их совместить? Бог силен только в брани со смертью только тем, что пребывает там, где нет смерти. В этом же прообразе торжествуем над смертью и мы, люди. В прообразе Пасхи Христовой ходим мимо смерти. А так как во все времена смерть шла от стихии и в борьбе с ней, то понятно, что все озвученные крайности становятся взаимным дополнением только в одном случае – в борьбе с общим врагом. Хотя так нельзя говорить, ибо стихия врагом быть не может, ибо даже она в процессе эволюционного становления постепенно станет составной частью физиологии или еще одним звеном хвоста постепенного движения к Богу. Речь идет о трудном сложном многожертвенном процессе обуздания стихии, а не о ее уничтожении как врага. Хвост толкает голову вперед и без него нет движения туда, где голове хорошо, ибо там, где голове хорошо, там и хвосту хорошо. Хвост радуется головой (смотри 777-07-7.3). Без хвоста нет спасения⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Так вот культ и даже каждое деяние человека стимулируют в его природе духа либо ту, либо другую грань. Если деятельность возвышает человека на благо общего, то государство будет крепнуть. А если нет – то разрушится. Альтруист и эгоист должны иметь место в реальности, чтобы было хорошо для государства, то есть на своем жизнеутверждающем месте. В противном случае, и тот и другой разрушают общий дом сообщества. К примеру, один из моментов, разрушающих советскую власть, был и есть спортивные состязания, которые возникли как необходимость на почве древнегреческой дохристианской культуры с её ценностями эгоиста и плоти.

Дело в том, что сам факт бытия народа в огромных временных промежутках говорит о том, что люди тех лет исповедовали только то, что естественно для природы вечности – монотеизм (об этом будет сказано в книге). Но без связывающего Начала, без Благодати Духа Святого, монотеизм, обоснованный только на чистоте совести и чистоте духовной, и страхе перед наказанием (о Благодати Духа Святого тем народам ещё ничего не было известно), неизбежно вырождается. Причем здесь спорт? Спорт – самая безобидная форма стимуляции эгоизма, но

когда такая кондиция внутреннего мира попадает в иную сферу общественных отношений, то те же самые активированные безобидные, казалось бы, принципы продолжают исповедовать естественное им. Сила культивации эгоистических настроений в духовной природе людей во время спортивных состязаний формирует образ мышления – противоборство. К сожалению, святой царь-мученик Николай не до конца понимал сие и сам пошёл на поводу у своего времени. Подготовил и взрастил не христианскую почву, которая в определённый момент просто переориентировалась против него самого. С другой стороны, так тоже нельзя говорить. Ибо спорт нужен, особенно в наше время, но не в той реальности. К примеру, сажусь на гоночный велосипед и пожираю сотни километров не для каких-то там наград или достижений. Просто сужаю свое жизненное пространство до таких вот пределов, в коих я по прежнему остаюсь счастлив и живу в нем несколько часов. В этом высшее совершенство человека – пребывать в радости даже в самых стесненных реалиях и лишениях возможностей. Сие помогает потом вести иные дела, ибо настрой на аскетизм нужно постоянно поддерживать в высокой форме. Это не надо путать с усилением силы воли. Радостью преодолеваю расстояние и когда прихожу домой или на службу и это состояние духа, не требующее многого ради торжества над собой, адаптируется во всех моих образах ведения дел. Подвиг преподобного Серафима, адаптирую под конкретное выполнение поставленной задачи – доехать до Ганиной Ямы, в Царский Монастырь, чтобы исповедаться и причаститься Святых Таинств. Это спортивное занятие обретает осмысленность иную. Велосипед помогает мне хранить Божественную радость, а потому мое суженное пространство счастья не позволяет брать чужое из государственной казны – ведь мне нужна нагрузка на организм, чтобы поддерживать ясность ума, а земные блага этот момент не гарантируют и даже исключают. Также в свое время выходил на ринг и адаптировал ту радость в иной специфике упражнений и потому не проигрывал бои и остался без единого нокаута, нокдауна в голову (в живот попадали несколько раз крепко на тренировках). Ведь радостью пребывает и главное – трезвость ума, что и есть победа. Этот образ труда не озлобляет, ибо я просто безболезненно сужаю пространство для своего счастья, а счастливый человек не может быть злым.

1.0.-30. В.Н.Лосский в «Очерке мистического богословия Восточной Церкви» речь ведёт о невозможности познания Бога инструментами разума, что «... Апофатизм учит видеть в догматах Церкви прежде всего их негативное значение, как запрет нашей мысли следовать своими естественными путями и образовывать понятия, которые заменяли бы духовные реальности. Ибо христианство – не философская школа, спекулирующая абстрактными понятиями, но прежде всего общение с живым Богом»¹, как личность с Личностью. Бог един и одинок, поэтому неизбежно это свойство находит свое своеобразное отражение в реалиях нашей природы, как специфически уникальные множественные выражения единства и одиночества. То есть Божественное свидетельствует о Себе даже в «естественных путях разумного». Нам остается только лишь по максимуму различать свидетельства о Нём в этих сферах, то есть видеть Божественные следы в том, что нам достижимо в этих «естественных путях мысли». В первую очередь, необходимо сказать, что естество во всех различных сферах бытия имеет разные пути эволюционного усложнения в пределах свидетельства о первопричине, в пределах единства, а потому единство, как единое, проявляется в них соответственно этой уникально сложившейся специфике выражения первообраза в данном усложнении – то есть разнообразно. Из-за этого создается ошибочное мнение, что природа естества различна, противоречива и разрознена. То есть, я бы сказал, что в каждом естестве освидетельствуется Одно и То же, то есть возникает новое имя Единого и Его единства. Именно в пределах этого общего для всех областей бытия работает тот самый Закон Сохранения. Так появляются неразрывные последовательности непрерывно-скачкообразного становления эволюции жизни. Только в нашем конкретном случае он носит соответствующее специфике анализа имя – Закона Сохранения Единства. Если говорить на языке математического анализа, то можно привести слова о.Анд-

роника (Лосева) о том, что «Прямая есть, таким образом, точка, данная как самотождественное различие^{777-01-1.5}» («Хаос и структура», §46 «Аксиома самотождественного различия в геометрии», п.3). Точка в новой реалии иного бытия обрела новое имя – она стала прямой, а потому некоторые признаки её так и остались в этом новом для неё проявлении, перешли в него. То есть некоторые свойства прямой по-прежнему являются принадлежностью точки. Хотя, точка и прямая соотносятся между собой, как бесконечно великое к бесконечно малому, но все равно опосредовано их обоих мы видим только одно и то же – Божественное постоянство в разном виде. То же самое можно сказать о плоскости по отношению к точке и даже о пространстве. Если точка есть, то неизбежно существует и пространство, как прообраз точки. Сказанное – разные способы свидетельства о Начале всех начал, о пустоте, как носителе постоянства в чистом виде. Вне этого мы не сможем видеть и понимать что такое точка и остальные ее множественные производные (прямая, плоскость и пространство), и даже саму Вселенную. Таким образом, сие получило отражение в реальном мире вещей. Но точка – это тоже слово о Боге, но не Он Сам. Это слово о Боге на специфическом языке понятий, свойственных данному срезу бытия и востребованном обсуждением о Нем в данной специфике мировой реалии.

1.0.-31. Вообще Творец воспринимается с разных позиций по-разному, в том же числе в виде точки, как величина мерками греха, равная нолю. Если позиционировать себя на самом дне Вселенной с грехом, то Бога в этой реалии нет. Как уже сказано ранее, что всякое телесное чувство – это некоторая степень ранения, из-за покусения на абсолютное здоровье человека. То есть как бы проблема, которая отвлекает внимание от единства с Богом в Богообщении. Для материи человек имеет образ Божий, а именно он свободой и своим прообразом пустоты^(смотри 777-07-01), который мы носим в себе, мягкостью тела не меняет форму материи воздействием. Иными словами, если он идет по местности, то как-то прикасается к материи, но так как его тело мягкое, то в прообразе пустоты воздействующей на материю взаимодействие сведено до минимума^(смотри 777-07-01). Человек как-то более всего подобен воздуху, воде или сообразен пустому. Подобно тому, как пушинка несет в себе образ воздуха, а потому увлекаемая его потоками обходит стороной препятствия, так и человек в процессе своего эволюционного становления все сильнее и сильнее похож на Бога в этих свойствах Его невесомости и борется за жизнь в прообразе Пасхи Христовой^(смотри 777-07-01). Это важное замечание. Человек несет в себе счастье, оберегая его. Человек плотью видит этот мир. Соприкосновением он получает травму, но она не имеет для него бедственного значения и он обходит ее стороной, ради сохранения радости. Человек максимально соединяет в себе две крайности – материю и пустоту^(смотри 777-07-01). Мы видим тут эволюционное движение к еще одному прообразу пустоты греха, свойственного Богу.

(07.01.00) Когда есть непосредственное единение с Господом, то мир предстает пустотой, ибо все остальное не есть Он. Как только внимание переключается, то все с точностью до наоборот Бог предстает пустотой греха, а мир виден, как пораженный порчей греховой. Такова природа познания человека, соединяющая две крайности в одном. Когда мы молимся Богу, то можно заметить, что окружающий мир тут же для нас как бы исчезает, становится прозрачным, то есть мы видим Бога даже через стены. Все преграды становятся пустотой. Как только начинаем мыслить, так сразу же появляются образы мысли. Пораженный грехом видеть может только свое же подобие – сопричастность греху, болезнь. Два в одном в природе человека, при котором природа человека стремится отделить как можно лучше одно от другого, чтобы одно лучше дополняло другое и не мешало бы единству с Ним. Именно по этой причине, голова человека несколько отдаляется от той части тела, в коей идут бурные физиологические процессы, ибо от них всегда много такого побочного, затмевающего ясность ума в прообразе Бога, Который не воспринимается⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻⁰¹. Поэтому Бог не воспринимается, так как абсолютный благ и здоровье, ибо несущий не ранение, а только здо-

ровье. Отсюда следует важное заключение о том, что точка выглядит максимально возможным совершенством, как самое малое покушение на природу людей, как максимально самая малая и абсолютно оптимальная рана или отсутствие проблем^{777-01-1.6}. Но рана остается покушением на здоровое тело, даже если она максимально мала и оптимальна, ибо совершенство предполагает вообще отсутствие каких-либо признаков ранения. Точка же становится в данном случае составляющей Тела Бога. Грех – это всегда степень крайности какого-то признака, а в точке величина этой крайности равна нулю, но она есть, даже равная нулю. То есть данное свойство присутствует в точке, а вот крайности проявления оной нет. Травмой является то, что человек почувствовал, ибо в этот момент он отвлекается от общения с Богом^{777-01-1.9} (смотри ⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻⁰¹). В то же время, отсутствием величины греха обладает только ноль. Такова природа точки – она двоичная. В пределах именно этого разыгрывается весь сюжет Вселенной после грехопадения. Точка есть первообразная всего, ибо с неё все началось. С одной стороны, с неё началось развитие падения и разрушения той девственной природы, но уже пораженной грехом. С другой стороны, всё то, что не разрушено грехом – все это так и осталось греховной пустотой, так и осталось отсутствием раны, то есть, добром, абсолютным совершенством. А об этом совершенстве что-либо говорить бессмысленно, ибо включаем инструменты измерения степени ранения там, где ранения нет из-за абсолютного совершенства. Можно только одно сделать заключение, что эта природа абсолютного совершенства там, где есть абсолютная чувственно принимаемая пустота.

С одной стороны, совершенством мы называем усложнение эволюционного развития в пределах единства и в прообразе точки, которая самое элементарное и самое несовершенное усложнение. А с другой стороны, совершеннее Бога нет ничего, а точка – самый близкий элемент к этому совершенству в «инобытии» А.Ф.Лосева². Точка, прямая, плоскость и пространство – это разные Лица Бога (разные свидетельства о постоянстве пустоты) в разных сферах, наделенных разными природными свойствами. В растении-семени совершенством свидетельства о Боге выступает то цветок растения, то семя его. Хотя сие есть противоречие, но на самом деле противоречием не является, а суть проявления одного и того же – жизни, в которой одно гармонично дополняет другое, к примеру конечное с бесконечным. В противном случае, мир бы был абсолютным хаосом – он стремился бы к постоянному разрешению противоречий. Но этого не происходит, мир – это живое Тело, некоторые грани которого наиболее сильно сопряжены материи. Точка – это то самое, то есть то общее с Телом Творца, в коем величина крена от естества Природы Его равна нулю, но в то же время Его присутствие есть. Поэтому опосредовано свойств чувственно принимаемого бытия мы распознаем Его бытие – мы видим единство разрозненных предметов. Наверное можно сказать иначе, что Тело Его в земных условиях может существовать только в виде порядка, в схеме, в гармонии всевозможных цикличностей, то есть различных прообразов пустоты. Одно стало дополнением другого и жизненно важное приобщение к Богу неизбежно стало определяющим стимулом эволюции в естественно слаживающиеся все более совершенные порядки и усложнённые гармонии форм устройства обществ. То есть это тоже некоторое проявление Божественного, адаптированного в уже в совсем ином срезе мира, в ином бытии, а именно на самом дне мироздания – на его границе. Хотя эта реальность остается в том же Царствии Небесном, но только уже иной степени близости к Нему. А потому с иными природными свойствами естества, обозначившимся грехопадением. Таким образом, государственные образования преследуют те же самые цели – быть частью Творца в еще большей полноте. Достижение этих целей теперь улучшено, теперь облегчено структурным государственным единством ради, повторюсь, более плодотворного единения с Творцом. Сюда входят коллективный разум, при котором более полное знание ситуации через активное взаимодействие (где, чем больше умов, тем более точное и верное решение), узкая специализация в деятельности помогает и создает монотонность труда, позволяющая удерживать внимание к Богу. То есть пребывая в прежнем молитвенном единстве с Ним теперь оказалось воз-

можно много трудиться (при монотонности работ человек меньше отвлекается на суету). Более того, коллективным разумом легче накапливать опыт выживания, обработки материалов и так далее. Таким образом, человек в Боге в процессе эволюции все сильнее и сильнее стяжает свое счастье. То, как человек в государственной структуре более полно приобщён к Божественному, видно из жизни. Экстаз – нормальное состояние человека, а порядок государственного образования помогает совместить две крайности – жизнь в обществе и уединенность. Благодаря чему народ становится частью Тела Его и имеет способность живучести даже в районах крайнего Севера. Статистика показывает, что люди, ушедшие на пенсию, живут мало.

1.0.-32. В далёкие времена прошлого люди жили семьями-общинами. Вот это единение – это только лишь некоторое внешнее конечное производное, конечный результат проявления, который мы обозреваем как единство. Это лишь то, что стало видимым внешним проявлением присутствия Его и всеобщего стремления к Единому Творцу, также как и все то, что мы можем созерцать вокруг видимой природой – разноликие формы единства: галактики с их звездами, планеты и их природу. Это не самоцель, а лишь видимое следствие некоторой единой для всего вокруг причины, ибо единство не создают, его обнаруживают. (Всякие иные способы единить общество инородны естеству Вселенной – формы насилия и, как следствие, покушение на убийство). Всё то, что когда либо создавал человек, все это лишь стало удобной дорогой для движущихся личностей к Богу, благодаря чему возникает и крепнет единство людей (и вообще дальнейшая эволюция этого пути будет набирать поступательную силу во все времена). Хочу повторить ещё раз, что это только следствие. То есть нужно творить не сам этот модус единства, нужно стремиться не к результату, а к тому, что нас делает единым самопроизвольно, то есть следует достигать то самое, производным следствием чего видимость единства является. Это неизбежно есть Тело Бога, то есть тот основополагающий принцип жизни, позволяющий человеку решать самые тяжёлые задачи и, подобно Богу жить везде, жить там (под словом «жизнь» имею в виду абсолютное счастье), где бытие с данными абсолютно ограниченными возможностями организма невозможно, где жизненно востребована многогранность и коллективный разум. По большому счету, Сам Господь выглядит вообще беспомощным, ибо в Его Естестве мы визуально не наблюдаем никаких достоинств – Он для нас пустота, как максимум бессилия. Но сила Его в недостижимости для воздействия пораженной грехом природы, а потому автоматически отпадает необходимость иметь какие-то достоинства самозащиты или творчества ради утверждения Себя в земных условиях, кои не мешают быть. Человек в процессе эволюционных процессов формировал именно этот зримый образ абсолютного бессилия, беззащитности из-за отсутствия достоинств организма, но не в ущерб радости бытия³⁷³. Парадоксально, но слабость и немощность не мешают нести в душе радость – это единство противоположных крайностей становится фундаментом всемогущества и силы Божьей, выраженной в том же числе в единении общества простым присутствием Бога среди людей. Если Богу это естественно, то человек из-за греховности своей, вынужден в поте лица поддерживать такой образ жизни, хотя в Боге это многолюдное единство несет радость всех и каждого в отдельности, что делает единство всех самопроизвольным.

1.0.-33. Возникает вопрос, как достичь этого качества единения в общественной жизни? И что это нечто такое, благодаря чему возникает единство людей? Представьте себе, что вы находитесь в зимнем лесу. Мороз. Понятно, что вы начнёте разжигать костёр и понятно также, что никому не надо доказывать о целесообразности этого мероприятия, обсуждать о каких-то преимуществах нахождения возле огня или богословствовать. Каждый из вас и без всего этого знает и даже иной раз самостоятельно ищет своё место, жаждет внести свою лепту в общее дело, прощает естественно возникающие трения или даже не видит их, ибо жизнь каждого в данном случае – это жизнь всех в равной степени. Также в одиночку куда сложнее поддерживать сей очаг, чем всем сразу, а потому живучесть коллектива выше. Скажите, нужны ли здесь репрессивные меры? Нет. Всё само по себе держится и устраивается, ибо каждый

смотрит на происходящее через призму результата – тепло и свет, исходящие от хорошего костра. А теперь предположим, что костра нет. Если единство облегчает победу над смертью всех и каждого, то чтобы держать всех в единении, нужно прибегнуть к насилию, насаждать страх (причем безуспешно). Это только наглядный пример, помогающий представить некоторые связующие механизмы, ибо на самом деле единство – это нормальное состояние жизни, которое на деле было всегда, а не возникло как необходимость или как некоторое следствие взаимной выгоды членов сообщества. Единство возникло не благодаря эволюции от простого к сложному, а вошло в это бытие, как свойство жизни, а потому стало сопутствующим ей во всех процессах эволюционного усложнения. Только в одном случае, единство устраивается радостью, то есть не насилием, а как сопутствующее следствие радости.

Для счастья нужно не насилие, а мир и спокойствие. То есть его не создают, а обнаруживают. Только в условиях абсолютного счастья возможно всякое творчество и деторождение, работают созидательные силы, есть желание и возможность кому-то помочь. Так был создан мир и Вселенная, так появился человек. Этот же закон остается главным для нас всех.

Без вожденной абсолютно всей полноты счастья человек перестает иметь образ Божий и становится эгоистом-узурпатором, то есть не может жить в коллективе, а потому невозможно никакое созидательное делание всего коллектива, а всякое побуждение человека в первую очередь становится формой достижения своих эгоистических целей за счет ближних и, если нет таковых, то дальнейшим самоубийством, как самая последняя ступень эгоистического самодовольствия вместо самоутверждения в победоносном торжестве жизни. Это естественно, ибо прежде чем кому-то дарить счастье, надо сначала им обладать. Именно этим восстановлением естественного состояния в радости болен эгоист и ему нужна помощь. Важен не тот мир, который нас окружает, а тот мир, который внутри нас. Бог есть счастливая жизнь в любых условиях среды и Его счастье не зависит от страшных обстоятельств, то есть нечто такое вне мира сего, то нам остается описывать эти множественные формы выражения данной кондиции качества торжества жизни. Над этим мы поработаем на страницах книг.

Если говорить о реальности существования Бога, то при любом ответе на этот вопрос, нам всем очевидно одно, что есть вселенское многообразное движение во всеобщей относительности. А все движения могут иметь только одно из двух направлений³⁷³: либо деградация (разрушение), либо совершенствование (восстановление). Третьего не дано. Вселенная либо совершенствуется (в стремлении к радости), либо деградирует (насилием)³⁷⁴. Соответственно, если Бога нет, то всё деградирует и не имеет вечности, а если есть Он, то наоборот всё в постоянном движении к уподоблению Ему – возрастает в подобии Ему. А если даже что-то разрушается, то в более общем плане созерцания Божественного Замысла, на самом деле, остается лишь перестроением в более совершенные формы исповеди Бога. А воспринимается как разрушение только в ограниченных пределах возможности созерцать окружающий мир³⁷⁵. В любом случае, мы ищем какие-то характерные для личности черты в данной сфере бытия. Ибо познание всегда идет в пределах общения личностей Бога и человека. человек во всем пытается услышать слова Творца к себе и если он вдруг понимает Его речь, то кричит от радости «Эврика, я нашел». Когда совершаем какой-то анализ происходящего или пытаемся распознать богословие математических дисциплин, то мы должны так мыслить, ибо есть Творец. «Всё дело в том и заключается, что тут не просто формальная связь абстрактных понятий, но интуитивная очевидность и тут даже вовсе не понятия, а математические факты»². Этот момент также хорошо выразил св. Максим Исповедник.

1.0.-34.Вообще, изначально, при исследовании мы должны руководствоваться иными критериями поиска истины. По определению, жизнь имеет свойство развития к более совершенному подобию Бога. Вне этого движения к Богу нет жизни. Совершенства своего она достигнет где-то в бесконечности, но уже этого достаточно, чтобы заявлять о себе, как о совер-

шенстве, ибо она наделена вечностью. То есть, если есть движение, то это является только и только процессом возрастания, совершенствования – самое значимое и необходимое. Это даже не условие, а само естество живого. Это характерные для личности черты, опосредовано коих мы входим в общение с Богом. Так как оказалось в поле нашего созерцания, то это также свойство всего Того, данного человеку в ощущениях в процессе богообщения. Мы через это оказавшееся в поле нашего зрения видим только Его. Ведь ничего кроме Него в бытии нет и мы ничего кроме Него видеть в этой реальности не можем, а подобное познается подобным. Может быть нам не понятны явления вокруг, но различить слова Бога, сказанные Им в этих явлениях – это долг ученого.

Нам имеющим поражение грехом трудно говорить о том, каким должно было быть возрастание человечества, когда оно в лице Адама и Евы пребывало в Раю, зато после Святого Воскресения Сына Божьего стало ясным то, каким оно должно быть³⁷⁷. Творение Бога уже есть абсолютное совершенство³⁷⁸ потому неизбежно после грехопадения возникнет стремление на свою Родину к своему прежнему естественному подобию Рая, стремление в прежнее естественное состояние через восстановление естественного Богом откровенного устройства Вселенной³⁷⁶. Это движение идет чисто внутри самой личности, чтобы быть подобием Богу, ибо только это обуславливает бытие живого в прямой связи всеобъемлющего богообщения – в богообщении без всяких посредников³⁷⁶. В этом случае Бог есть ориентир и маяк для движения к совершенству, ибо кроме Него нет ничего и нет ничего совершеннее Его и вне непосредственного общения с Ним иные формы собеседования становятся невозможными. Человек слышит не то, что надо слышать, видит не то, что надо видеть и понимает не так, как задумал Творец. Мир становится хаосом всеобщей относительности. Хотя всё вокруг есть многоплановая связь с Ним, понуждающая или стимулирующая всякие течения до Его подобия. Это также как пламя костра теплом понуждает нагреваться все близлежащее вокруг. Тогда появляется справедливый вопрос о том, что изменилось для человека после его изгнания из Его Обителей Царствия Небесного? Жизнь, как дар Божий, не утратила свойственную себе природу и перспективу вечности счастья. Мы живем теми же самыми законами Царствия Небесного, а потому наше положение отличается только тем, что теперь мы призваны видеть Бога иначе – через все, во всем или через посредники. Точнее посредников нет, а есть Его беседа с нами, выраженная тем, что мы называем обозреваемым окружающим миром материи. Мы в новом образе продолжаем с ним беседовать и призваны видеть себя, как Образ Божий, во всем, ибо в этом бытии ничего кроме личностей нет. Межличностное общение происходит этими мирами и их материальными предметами, воздухом, светом и так далее. То есть условием бытия во Царствии Небесном остается в прежнем непреходящем замысле Его – бесконечная полнота абсолютно великого Божественного, райская чистота духовная и величие духа.

Так как становление до образа и подобия Божьего, как естество живого, есть ещё одно имя о Нём, то с грехопадением сие утраченным быть не может и по-прежнему имеет значение и остается основой жизни как на земле, так и в Райских Обителях – такова природа радости, которая никакими эволюционными процессами тронутой быть не может. И потому там, и здесь сие должно быть в той же прежней степени полноты бытия, ибо это условие жизни – движение к Богу, к образу Его. Единственное отличие в том, что в Раю это движение к Богу, обоженье ничем не искушалось, не было стеснения бесконечной радости³⁸⁰.

Все дело в том, что Божественное в земных условиях представлено контрастом между бытием и небытием в пределах природной возможности этот контраст воспринимать. Как уже сказано, перед нами шар(смотри 777-01-17) с корпускулярными свойствами пустоты, а в нашем понятийном языке появляется новый инструмент – стеснение, как одно из проявлений корпускулярных свойств элементарной структуры. И тут вопрос обретает также множественность вариаций. Так как в земных условиях ей быть тесно, то благодаря противоречию сему имеет

место возрастание. Но возрастание возрастанию рознь. Возрастание должно быть удобоприемлемым, в пределах природных возможностей структуры тела оставаться частью полноты, то есть без покусения на нежную природу, ослабленную грехом. Потому будет иметь место поиска того места, где стеснение наиболее безболезненное, наиболее адаптированное, не замечаемое ущемление без покусения на ту же самую радость бытия от пребывания духа в Раю, благодаря коей происходит возрастание до подобия Ему (все фибры человеческого естества – это суть живительное созерцание Бога через Его множественные посредники, различные формы передачи Божественных Энергий, то есть личность общается с Личностью через каждую фибру бытия). Человек ищет то место в данной реальности, стеснение Божественного остается в пределах способности природы человека это стеснение выдержать, где нет покусения на ту же самую радость Бытия Царствия Небесного в нем – это и есть определение поиска Истины. Это также как вода ищет своего подобия в прообразе – свободу выхода. Если мы присмотримся, то тут тоже увидим стремление хранить подобие Ему. И вот тут следует быть очень осторожным, ибо стеснение оказывается в поле зрения только в одном случае – если стеснение становится сверх возможности природы, ибо утрачена прежняя чистота духовная, естественная для Царствия Небесного. Мир духовный и материй имеет соприкосновение и какое-то смешение, но нельзя смешивать до противоестественного мир материи и мир духовный. Мир, как бы, не дает человеку быть иным, вне чистоты духовной. Как только он теряет это свойственное Царствию Небесному, так сразу же возникает искушение и он замечает противоестественное стеснение себя.

Вообще, грехопадение предстает перед нами в двух ракурсах. С одной стороны – это наказание. Человек живет в том же Царствии Небесном, то есть пребывает в прежних лучах Бога, но представленных нашему разуму несколько иначе, в ином виде. Вокруг нас прежнее Царствие Небесное, но радость бытия в Нем зиждется по иному – в процессах. Мир перед нами в множествах – это носители Его, кои он в поте лица перерабатывает. Ибо он теперь в поте лица и со скорбями из носителей Его вычленяет то, что во Царствии Небесном было естественной привычной обыденностью. С другой стороны, грехопадение явлено болезнью человека, который теперь должен быть на карантине до полного выздоровления. Теперь ему предписан постельный малоподвижный режим, ибо прямые лучи Бога ему болезненны, ибо в прежнем виде они губительны и в прежней интенсивности переизбыточны, ибо рвут природу. Из-за этого утрачивается самое важное – подобие Богу в цельности¹⁷². Природа человека не изменилась, но изменилась форма выражения его бытия во Царствии Небесном, то есть осталась живительная потребность Царствия Небесного и теперь вся абсолютно та же полнота радости Бога удобоприемлемо растянута во времени. Теперь полнота Божественного принимается человеком малыми порциями, чтобы не повредить ослабленному грехом человеку. Так как вне пределов подобия Ему нет подобия Богу, то общение на Предвечном Совете становится невозможным. Иными словами, общение на Предвечном Совете Троицы остается самым высшим приоритетом всего. Отношения на Предвечном Совете должны быть прежними – это есть Знаменатель знаменателей всего и вся во Вселенной. Образ поддержания себя в подобии Ему для этих отношений различен.

Всеобъемлющность радостной беседы богообщения выходит далеко за пределы видимого окружающего бытия. Это естественно, ибо Бог абсолютно велик и оттого Он Сам и общение с Ним не вмещается в пределы даже этого бесконечного мира, в котором мы родились. Хотя на нашей природе можно увидеть всю палитру Божественного присутствия (в противном случае жизнь невозможна), но в ней неудобопостижимы все Его грани. Они выражены, но распознать в нужной кондиции каждую из них не представляется возможным. Разуму открыто только то, что наиболее всего бросается в глаза, а вся остальная составляющая бесконечности Творца явлена в таких образах, в которых на данный момент трудно ориентироваться, хотя наука пытается идти в этом направлении, пытается донести речь Бога людям. А вне полноты

общения с Ним бытие жизни невозможно (нам нужно постоянно менять свое место позиционирования и вообще все менять). Как уже оговаривалось ранее эволюция жизни направлена именно в эту сторону, благодаря чему в будущем человеку раскроется и станет доступна еще одна грань Его Естества уже при земной жизни. Нам нельзя стоять на месте – такова природа. Также как лежащего больного надо постоянно переворачивать с одного бока на другой, ибо в противном случае, появятся пролежни, из-за коих организм отмирает. Нам нельзя оставаться в этом мире для возможности более полного общения, а так как это бытие также отличается односторонностью по отношению ко Творцу, то для плодотворной беседы с Ним востребованным становится уйти в иное бытие, измениться. Это очевидно из определений о Боге. Иное бытие востребовано полнотой богообщения и не является смертью, как нам это явлено в реальности. Беседа с Творцом – это есть жизнь. Мы подобно младенцу в утробе матери беседуем с Богом посредством того, в чем мы едины с Ним, но приходит момент, когда этой полноты нам явно недостаточно и мы покидаем материнское чрево, чтобы появиться на этот свет, в коем беседа с Богом более всеобъемлющая, ибо единство с Ним явлено иначе. Хотя эволюция, повторюсь вновь, идет как раз в эту же сторону, чтобы распознавать Божественные грани для беседы с Ним не после смерти, а уже при жизни земной. ???(3)? (тут надо более лучше дать определение о полноте)

Тогда становится очевидным, что именно породило научный прогресс. Научный прогресс возник в бытии только лишь для того, чтобы минимизировать до абсолюта влияния всех искушений на богообщение, в том числе удалиться от процессов жизнедеятельности. Живое возрастает и пока ещё слабое возрастание до Его Образа следует беречь. Человек в общении на Предвечном Совете – это не только его душа и не только его тело, но и теперь уже вся окружающая его Вселенная становится на Предвечном Совете опосредовано человека. То есть в спасении нуждается не какая-то часть человека, но весь он вкупе со всем тем, что единит его с Ним.

Человек стремится усилить богообщение еще большей полнотой всеобъемлющего подобия Ему, через ?????(4)? упорядочение служения Богу всей Вселенной. С одной стороны, теперь влияние Бога оказывается лучами иного естества, но это те же самые энергии, заключенные не в лучи, а в другой носитель. Изменилась непосредственность³⁷⁹. Теперь надо иначе извлекать Божественное из носителя Его в поте лица. А с другой стороны, налицо карантин, ибо Вселенная нуждается в выздоровлении, через упорядочение служения Ему в прообраз начала начал, который имеет множество выражений. Просто грехом в человеке все дезориентировано и чтобы не порвать природу человека переизбытком Божественного влияния Бог его помещает на безопасное расстояние, в коем приобщение к Богу производится теперь также в прообразе Творца, то есть также бесконечно, но в сфере временных характеристик – долго. Так возник карантин. Выздоровление – это соби́рание в единый акт богообщения в удобоприемлемый порядок.

Научный прогресс – это ведь не покушение на природу Вселенной какой-то инородностью, а именно соби́рание ее в одно единое целое Образа Божьего. В природе Вселенной человек ничего не меняет, а устраивает порядок сообразный самому себе⁴³, в коем одни свойства дополняются гармонично свойствами другими. Научный поиск, начавшийся уже во Царствии Небесном (смоквами Адам прикрывал наготу свою), был призван максимально высвободить душу для непосредственного бытия в Боге, то есть ослабить остроту сопротивления естественному велению жизни быть в Творце и возрастать в подобии Ему, усилить экстаз бытия до тех пределов, кои естественны жизни вообще без покушения на единство с Ним, как это было прежде во Царствии Небесном. Этот момент хорошо просматривается на опыте.

Выведем в состояние вертикального равновесия палку. Если мы её отпустим, то она упадёт. Опять поставим в состояние равновесия – она опять упадёт. Почему? Потому, что она мертвая. На равновесие в живом организме наоборот абсолютно всё вокруг постоянно поку-

шается, но он, не смотря ни на что, это равновесие вновь и вновь выводит исходное состояние самостоятельно. Почему? Потому что он, организм, живой. Вот чем живое отличается от мёртвого: живое восстанавливает равновесие, а мёртвое наоборот его разрушает. То есть, живое возрастает в стремлении уподобиться Богу ради соединения с Ним. Если Бог есть, то после отпадения человека от Бога (и вместе с ним всей Вселенной через этот его грех), то неизбежно для всеобъемлющей полноты Божественного на природе человека все противоречивые крайности обязаны стать дополнением или одним единым целым. То есть, с одной стороны, душа должна присутствовать на Предвечном Совете в пределах Замысла Его, а всё соприродное душе в молитвенном торжестве должно идти по сценарию не только в становлении к вершине самосовершенствования в Боге, но и восстановления прежнего состояния бывшего до грехопадения ради единения с Ним во всей полноте вновь – равновесие должно восстановиться, как свойство живого: «... Ибо тварь, изменчивая по своей природе, должна по благодати достигнуть состояния вечной успокоенности, приобщившись вечной жизни в свете Пресвятой Троицы»³. Просто это условие бытия живого, ибо оно должно восстанавливаться после покушения на его естество, в том же числе от грехопадения.

Что такое природа человека с точки зрения эволюции? Представьте себе что вы из винтовки стреляете по мишени. Целитесь в десятку. У эволюции только одна цель – попасть в будущее, чтобы жить там опять, каким бы оно тяжелым не было. Душа вечна, а потому тело все сильнее и сильнее должно стать сообразным душе. И это как раз мы и видим. Пушинка, оторвавшись от крыла птицы увлекается потоками воздуха и летит туда, где нет препятствий для нее. Ибо она сообразна воздуху. Это один из шагов эволюционного становления к большему совершенству. Тут, в данном примере, в одной из свойств души цель эволюции наиболее хорошо различима. Вернемся к стрелку из винтовки. Во время прицеливания очень важно держать цель на мушке и не следить за движением пальца. Работа пальца становится независимой от сознания человека, ибо не важно когда произойдет выстрел, а важно иное, чтобы в этот момент цель и мушка совпадали. В противном случае, стрельба бессмысленна. Так работает эволюция. Не важно как идет человек путями эволюции к цели, а важно, чтобы цель постоянно была на прицеле внимания, тогда не важно как идет процесс и когда. Все это в прообразе Воскресения Христова. Эволюция, как бы, идет путями наиболее адаптированными к естеству природы единства личностей Творца и человека в земных условиях. Опять возвращаясь к Семи Братьям на Урале, мы видим тот образ течения развития жизни на Земле. Верхний край столбов так и остался частью того самого первого изначального ландшафта этих территорий. Постепенно ветры, вода и Солнце разрушили то, что поддавалось разрушению и мы теперь видим то, что было в самом начале времен и то, чем стал мир теперь, являя еще одно чудо природы. Верхняя грань столбов, как бы идет в будущее, оставаясь неизменным. Таков еще один образ становления человечества из самого первого прикосновения солнечного луча с поверхностью Земли до сегодняшнего момента. (Тут есть смысл сказать о важном. Пушинка имеет множество форсинок, чтобы не уменьшая массу свою усилить контакт с воздушным потоком. В этом же прообразе становления совершенства должна идти научно-техническая революция. Она должна способствовать тому, чтобы человек был лучше подобен Творцу. К сожалению, очень часто духовники Церкви имеют образ Божий чисто формально. Также как если мы перышки сделаем из металла и будем пробовать летать. Если полет не состоится, то и нет смысла эту птицу держать).

И тут мы видим два пути восстановления. Один из них возвращение во Царствие Небесное после смерти. Второй путь – путь жизни даже на Голгофе, то есть следование за Христом, который воскрес из мертвых и потом с плотью вознесся на Небеса, то есть мы видим здесь прообраз монашества. Просто на Голгофе надо жить, в прообразе чего все на свете имеет место быть⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁰⁷. Плоть человека теперь в данном ее качестве стремится воспринять в себя всю полноту Творца. То есть пораженная грехом плоть человека теперь тоже должна сказать свое

слово о Боге и Богу преображением в Нем до подобия. Движение к лучшему несет в себе некоторый модус, который в свою очередь, является производным от движения к большему совершенству. Это такая река, которая все ближе и ближе к своему океану, все сильнее и сильнее принимая его подобие. Производное от этого движения вод в океан представлено нам голубой полосой посреди суши. Если движение вод остановится, то вода испарится или уйдёт в песок и голубая полоса исчезнет, как созерцаемая стабильность постоянства. Река существует только благодаря своему движению к океану³⁸⁰. Также примерно и жизнь возможна только при движении к Богу²⁵⁸. С каждым километром эта река жизни становится все полноводнее и полноводнее, все более подобна величию океана. В данном прообразе все эволюции во Вселенной действительно идут по пути становления все более и более совершенных форм живого. *С этого момента мы будем рассматривать исследуемую реальность только лишь в данном срезе – все что хоть как-то чувственно воспринимается – это лишь модус движения к совершенству, созерцаемый внешний результат всех внутренних процессов. Это голубая полоса²⁵⁸, созданная движущимися водами ко все большей и большей полноводности, ко все большему подобию океану в данном свойстве, к которому воды текут. В том же числе, счастье человека по природе является производным этого движения к лучшему в образе Божьем.*

С этого места наших суждений будет полезно акцентировать наше внимание ещё и на том, что вся реальность двоичная. Мир несет в себе две его составляющие не только по ранее указанным признакам⁴³ (берег-река). Важно назвать все эти признаки, ибо для ясности разумения востребовано иметь более четкое представление о том, с чем имеем дело, что мы исследуем. Хотя, надо думать, что это относительно. Ибо мир един, только наше в нём положение предполагает двоичность несколько по иной причине – два центра Бог и человек. Эгоцентричное мировосприятие человечества, из-за коего оно было изгнанным из Рая, разделило мир для нас на две части: одна из них единит нас с Ним (ближе к Богу) и другая по ту сторону, где Его нет (если мы стоим лицом ко Творцу, то мир делится на две части: мир перед нами – это одно; мир позади нас – другое. И то и другое в некоторой мере абсолютного максимума пребывает вне чувственного восприятия, то есть и то и другое в абсолюте являются чувственной пустотой. Одна реальность пустоты действенная, источающая энергии, а другая пассивная или забирающая их. Человек становится посредником-границей между двумя реальностями⁴³ 666-01-91. Вселенная человека так и остается творением Божиим, а потому как прежде до грехопадения также нуждается в Божественных энергиях. ?????(5)??? Если мы перестаем смотреть на Вселенную через призму Божественного (если утрачиваем молитву), если перестанем быть проводниками Его энергий, тогда то и другое хотя и попадают в поле зрения, но представлены в нашем образе пустоты, то есть все вокруг становится чувственной пустотой. Все вокруг тогда для нас есть наш образ, а именно равнозначные вещи, из-за чего мы путаемся в наших понятиях, тогда мы путаем все остальное – мы думаем, что в мире все относительно, то есть мир рушится. Это то, с чего началось поражение грехом, когда Адам принял запретный плод и это то, против чего так настойчиво противостояли святые отцы всех Вселенских Соборов и, в конце концов, это то, против чего шли воины Армии русской в годы всех отечественных войн.

Для большей ясности следует сказать важное, что вера по природе свое совсем не то, что мы себе представляем. Это никак не самовнушение и никак не акт воли. Нам при рождении дана радость бытия Царствия Небесного и вот эту чистоту надо сберечь, пронести как можно дальше и дальше. Церковь – это тот самый опыт жизни, тот самый путеводитель, который помогает сохранить счастье. Сам организм человека – это такой вот опыт, то есть несет в себе образ аскетического подвига. Иными словами, человек – это такой вот образ Бога, который пребывает во второй составляющей этого мира, которая пребывает за пределами богообщения. Вера – это Божественная сущность человека, которая нуждается в сбережении. Опыт показывает,

что нужно соблюдать десять заповедей, нужны посты и исповедь. А не совсем наоборот. Если мы видим огни, то скорее всего они висят на елке, а не фиксированы в воздухе (смотри 666-01-07).

1.0.-35. Сделаем ещё одно важное утверждение. Дело в том, что Бог велик абсолютно, тогда всякое движение к Нему неизбежно связано с развитием, в коем все уподобляется Ему, то есть возрастание в Боге, которое можно ещё назвать иным именем – восстановлением. При общении с Абсолютно Великим неизбежно наступает духовный дискомфорт, ибо дух абсолютно велик и удобно ему быть только в Боге, а потому возникает это живительное напряжение между величием и ничтожеством⁴⁵⁶ – это такое состояние (движитель эволюции), при коем дух пребывает в сокрушении, сердце рыдает по грехам своим. Это естественное условие жизни человека пребывать в постоянной самокритике ради общения с Творцом, ибо в сам процесс перестроения неизбежно приносит боль – но это рост к большему подобию Творцу. Нет развития в лучшую сторону – нет живого, соответственно вообще ничего нет. Примечательно и другое утверждение, столь нужное для нашего понимания, что всякое восстановление может быть направленным только туда, где бытию естественно по природе, где есть для него дорога или путь, а ещё точнее – туда, где оно уже шло хотя бы как отпадение. Иными словами, если человек болен, то он когда-то был здоров и выздоравливает только в одном направлении – в направлении улучшения или прежнего своего здоровья. То есть только до того самого состояния, коим он когда-то обладал. Если по этой дороге человек не ходил, то она не может быть естественным путём возвращения. К примеру, если сын ушёл от отца, то естественным будет только возвращение к своему же отцу – что-то иное называется погибелью. То есть всякому развитию явления своё пространственное естественное предопределение, за пределы коего оно вырваться не может по природе вещей – из семени кедра вырастет только кедр, который даст потом такие же семена. Просто что-то иное окажется инородным, а потому невозможным¹⁶⁰. Сам факт того, что мы испытываем дискомфорт духа, терпящего сокрушение по своим грехам, свидетельствует о том, что мы возвращаемся к прежнему великому трудно и болезненно вмещаемому, но идем по естественной дороге, по которой когда-то уже шли, но никак не в противоположную сторону¹⁶⁰. В противном случае, эта дорога для нас так и осталась бы не ведомой, мы её бы даже не распознали. Точнее не смогли бы распознать, как родное¹⁶⁰.

Итак, делаем важное для нас обобщение. Все терпит развитие до более полного подобия Богу. Таким образом, развитие каждой микронки бытия всегда идет от частного к общему,

1.0.-36. Исходя из сказанного, что есть зло? Кружка, беспорядочно валяющаяся на полу – есть зло, но сама по себе кружка и сам по себе пол злом не являются. То есть, рассуждая в категориях живого (движения и возрастания от злого к доброму) движением для кружки в данном аспекте может быть только в сторону доброго – она должна оказаться на столе. Третьего не дано или третье тоже будет злом. Просто таково естество жизни, которое нами было изучено в эксперименте с палкой – возвращение должно идти только в прежнее, исходное состояние равновесия. Иного положения состояния равновесия нет 666-01-08. После грехопадения мир нарушением порядка обрёл зло, но сам мир не является злом, ибо он, как и прежде, абсолютно совершенное творение Божье, но только несколько дезориентировался. Также как дьявол – это тоже ангел Божий, потерявший Божественную ориентацию, но он по-прежнему остается святым творением Его, только утратившим путь возвращения. С момента грехопадения, наша чувственная повреждённая природа может адекватно воспринимать только Божественное, но через своё же подобие. То есть добро-соответствие Ему распознается через зло-несоответствие. Разум через злое ищет и усматривает свидетельство о добром, то есть законы, свойственные проявлению своего естественного жизненного подобия – жизни в радости, но, опять же повторяюсь, через скорби, неизбежно вязанные с возрастанием плоти. Возрастание через отсутствие оною. Если нет должного покаяния, то обрётённым естеством греха мы замечаем только свое иное уже подобие – злое вокруг, но не видим доброе, быстро забываем доб-

рое и даже проходим мимо. Изменяется даже радость – мы радуемся трагедиям окружающих, называем это естественным отбором, причисляя себя к сильнейшим в нём.

Таким образом, развитие каждой микроны бытия всегда идет от частного к общему, самоорганизуясь в сообразное Началу начал, в определенный порядок вещей в прообразе точки. Подобное может родить только свое же подобие. Распознается как распад только потому, что общее в частном всегда терпит стеснение, разрушая его для нового перестроения в более совершенную форму в пределах подобия причине. Иными словами, первоначало тождественно его следствию, но различно из-за разных точек обозрения. И то, и это одно и то же только разные точки восприятия.

1.0.-37. Скажем иначе об искажённой грехом природе человека. Она содержит в себе две составляющие: естественно ориентированное Божественному постоянному вечному и противоестественно ориентированное Божественному, а потому временное и относительное. Первое устраивает в свой прообраз, а во второй прообраз наоборот разрушается. Такова двоичность мира, в коей разрушение стимулировано внешней средой^{1133-43(a)}.

Так как это грани одного и того же организма, то неизбежно их единством в борьбе противоположностей активизируется напряжённость между этими гранями – между Божественным предопределением человека и падшим состоянием – судьбой, которая несет в себе только смерть, как временность противоестественно ориентированного. Тогда чувство (порожденное противоестественной ориентацией Творцу, то есть сопротивлением Ему и жизни вообще) может созерцать только своё подобие – также единство и борьбу противоположностей, то есть, скажем более точно, степень отчуждения (как говорит Гегель) или степень противоестественности Богу. В каждом из нас теперь есть не только То, что привнесено Богом в момент сотворения (речь идет о составляющей привнесенной с Дыханием Бога, вошедшего в лицо Адама), но теперь уже и мера греху, привнесенная через змия из небытия бездны и этой мерой отчуждения от первообраза мы мерим все то, что попало в поле зрения для этой мерки, как своего подобия. Всякая величина неподобия Богу – свидетельство о Нем в первую очередь на данной специфике языка. Видеть мы можем только Творца и беседовать мы можем только со своим же подобием – с Личностью Творца

1.0.-38. Именно по этой причине, всё священное Писание нам отражает только горькие ошибки, свойственные степени отчуждения от Бога, и продолжительные пути их решения, ведущие по тому же пути, но в обратном направлении. А если нет отчуждения от Бога, то нет и ошибок – не о чем говорить и обсуждать, не востребован опыт решения проблем по исправлению ошибок. Так как опыт восстановления был бы не востребован, то и не появился бы в бытии в виде учения. Поэтому категориями ошибки, горя или греха мы живого Бога, как абсолютное безошибочное, радостное доброе, не видим. Точнее Он для нас греховная пустота. Плоть – это видимая часть души, в нашем случае уже воспаленной грехопадением, которая после грехопадения стала ещё одной центром-точкой отсчета, как изначально уже ошибочным положением дел. Сам факт того, что мы включаем этот инструмент для Богопознания, является ошибкой, ибо ему свойственно видеть только то, что оказалось в идентичной ей по природе области познания. Относительно этой антропоцентричной точки созерцания мира, Вселенная разрушается, а относительно теоцентризма Вселенная не разрушается, перестраивается в новую совершенную полноту благодаря своему движению к все большему совершенству до образа Божьего. То есть перестроение – это есть естественное всеобщее стремление к совершенству в Боге, ибо вне этого течения к лучшему в мире ничего перестает быть единым и потому не существует. Так как окружающая нас видимая Вселенная оказалась в области нашего обозрения, то следует говорить о том, что через призму своего зла первородного греха мы видим только наше греховное (злое) подобие нам. Мы видим неполноту в виде всеобщей бесцельной относительности, в котором нарушен Божественный порядок и уклад Царствия Небесного – реальность, в коей не вмещается и стесняется Божественное. Понятно, что

если Бог вечен, то всякое противоестественное Богу наделено диаметрально – свойством временности. То есть вечность так и остается но в Законе Сохранения постоянно переходит из одного состояния в другое, обуславливая эту реальность вечность в ином модусе – всеобщей относительности и временности. И, ради приобщения хоть к какой-то степени вечности, требует трудов в поте лица ради причастия к вечности абсолютной, которая всегда имеет только Божественное происхождение. То есть речь идёт о том, что та же самая жизнь, естественная для Царствия Небесного, из-за повреждения грехом, в земных условиях для естественной для своего формального бытия в вечности, требует энергозатраты для постоянного восполнения потерь. Понятно, что так во Царствии Небесном не могло быть. Вспомните пример с письмом солдата своей маме. Сколько напряжения сил многих тысяч коллективов и энергозатрат необходимо для того, чтобы любящие могли совершать естественное для жизни меж собой общение. Если бы они были рядом, то ничего этого не понадобилось бы. Именно этим отличается жизнь во Царствии Небесном от той, что получили мы из-за поражения первородным грехом – глобальной энергоёмкой суетливостью ради того же результата. Этот момент виден на той же нашей специфической модели жизни в том же эксперименте с палкой, которую мы пытались выводить в состояние вертикального равновесия – чем сильнее нарушение равновесия, чем сильнее степень отпадения или чем сильнее крен от состояния равновесия, тем больше затрат на восстановление живительного равновесия⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁸⁹, без коего нет жизни. Если мы выразим сие системой координат на ней, то самая высшая точка равновесия становится нулем. В ней энергозатрат на восстановление нет или их абсолютно мало, ибо в абсолютно вертикальном положении палки колебаний нет. Хотя степень отчуждения от равновесия (амплитуда) абсолютно мала в состоянии абсолютного и очень шаткого равновесия, но естество Вселенной (в нашем случае в образе палки) остается одним и тем же (она одна и та же, как при возбуждении и колебаниях, как и в абсолютном покое)⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁹⁰. Два крайних состояния, состояние покоя и колебания в стремлении к нему в позиции привязанных к ним точкам отсчета, формируют разные системы единиц измерения для познания мира, включенные в «первопринцип самоидентификации различия» А.Ф.Лосева или начальный «основополагающий принцип» святого Василия Великого. Человек, сам есть переходное соединяющее их звено между покоем и всеобщей относительностью. И то и другое – разные состояния человека, его мировосприятия со свойственными этим состояниям различными сравнительными мерами для восприятия окружающего (Ибо для человека утратившего покой, мир воспринимается вне покоя, то есть эволюционно разрушающимся, для него все относительно; человек, пребывающий в покое мир воспринимает иначе – он для него совершенствуется и в нём эволюционно восстанавливается в прежний Божий порядок. ????(6)??? Это видно из того, что если мы обращаем внимание на Творца, то тут же мир утрачивает для нас все виды формальностей и исчезает как реальность в данном виде. Пропадают все стены и преграды⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁹².) Отсюда перед нами открывается то связующее звено между миром привычно зримой нами материи и миром духовным человека(смотри ⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁹¹). Мир стал материальным в данном привычном восприятии только лишь потому, что он благодаря противоестественному положению человека во Вселенной противоестественно вычленился из общей структуры служения Вселенной Богу, подобно той кружке оказавшейся на полу. Это для нашего мировосприятия есть тот самый мост через бездну между миром духовным и миром материальным, несущий в себе образ богообщения^{1133-43(a)} и несущий в себе устроение порядка по образу Его. Мы в процессе богообщения как бы постоянно достаём кружку из под стола, моем её и ставим на место. Материальный мир – это кружка на полу, он болит и заметен как воспаленный палец на руке, а если становится в своем естественном месте – в соответствии с первоначальным замыслом Творца – то и не заметен, как здоровый палец и отсутствие отчуждения от состояния равновесия-покоя. То есть мир духовный подобно

той же кружке только на столе стоит в общем естественном порядке. Мир духовный, когда кружка на столе, выпадает из поля зрения оскверненной чувственной природы – он не бросается в глаза как непорядок, есть Божественная пустота для греха, коим воспалена чувственная природа познания. А мир материальный попадает в поле зрения воспаленной чувственной природы только когда имеет себе подобие – эта же кружка оказывается на полу, то есть когда возникает состояние той же реальности, как и напряжение в самом человеке из-за порчи грехом (между естественным и противоестественным), неизбежно активирующее эволюционные токи развития-восстановления из состояния противоестественного Богу в состояние Божественной нормы – в состояние абсолютной пустоты для греха, где исчезает из поля зрения исследований движущая эволюционные токи напряженность и появляется полное отсутствие энергозатрат.

Разрушенный порядок вызывает возмущение в духовной жизни человека, что есть боль из-за дискомфорта, приводящая в активность процесс восстановления до тех самых пор, пока боль не исчезнет совсем. Так как боль уходит, ибо мир оказывается комфортным богообщению, то постепенно возникает та самая первая степень чувственной пустоты, явленной в абсолют своей комфортности – космическим вакуумом. Таким образом, мир движется в будущее, а именно туда, где оно уже вершилось, ибо в любом случае, это уже есть возвращение или восстановление естественного состояния Божьего порядка и оно не может быть иным. В данном случае, речь идет о том, что мир рожденный грехом, как возмущение, должен вернуться обратно только в прежнее состояние Царствия Небесного тем же путем через совершившего грех – исчезнуть вновь для греха по тому же самому пути, по которому нагнеталось напряжение – иного-то пути и нет, кроме как в естественное себе. Так как только человек повинен в проклятии Вселенной, то этот путь восстановления проходит через человека, то есть опосредовано того, кто повинен в этом, то есть через самого человека – его же руками и духом. Точнее будет, если мы скажем о том, что человечеству предложено восстановление через преображение помраченной грехом природы. Иными словами, теперь Царствие Небесное устраивается на Земле как на Небе, чтобы пребывать во всеобъемлющей полноте беседы человека с Богом в том положении, у каком он оказался. Иного пути, проходящего вне человека, мир просто не знает. Ведь естественная абсолютная свобода Царствия Небесного, как основное свойство всякого бытия живого, в земных условиях ограничена естеством грехопадения и становится свободой даже в рамках возможного, в пределах ограниченных свойств. То есть дело ведь не в том, каков мир вокруг нас, а в том, каков мир в нас самих. Мы из-за греха ограничены в свободах и о иных свободах, кроме как в привычных пределах обыденного, даже представить себе не можем, хотя предполагаем о том, что они должны быть и примерно вырисовываем их свойства. Наше тело – сонмище абсолютных ограничений, из-за чего мы ни летать, ни чего-то еще многого не можем. Но мы даже и не думаем об этом и счастливы тем, что имеем, ибо счастье не в наших возможностях, а в присутствии в нашей душе радости. Радость превыше всего, а потому она процессом эволюционного становления выделяет орган-носитель счастья от тела в отдельную часть. Поэтому голова отделена от тела шеей. Это с одной стороны. А с другой, абсолютным множеством степеней свободы в земных реалиях обладает только (7)???точка. Это также как автомобиль обладает абсолютной свободой в рамках свойств его природы, обуславливающей возможности передвижения только по дороге (назад или вперед и в пределах правил дорожного движения). Хотя для нас очевидно, что абсолютная свобода имеет бесконечно больше сфер проявления, что открыто только человеку вне греха, как творению Божьему. То есть если он выйдет из автомобиля, то в его возможностях оказывается даже скалолазание. Также как абсолютность Бога в земных условиях выражена природой человека и быть таким, как Он, в наших реалиях возможно только Ему и только Ему естественно Святое Воскресение и торжество над смертью.

Таким образом, развитие каждой микроны бытия всегда идет от ограниченного частного к всеобъемлющему общему, самоорганизуясь в определенном порядке вещей от чувственно воспринимаемого к чувственной пустоте.

1.0.-39. Всё созданное Богом абсолютно совершенное есть и, так как сие есть творение Божие, то не может быть отторгнутым или разрушенным никакой силой и Он является в абсолютном согласии с Самим Собой – это аксиома, о которой теперь нам надо будет помнить всегда. А потому причина всякого явления присутствует в нем вечно⁴. В тоже время, когда речь заходит о земной природе, пораженной грехом, то мы смело в этой сфере включаем все известные законы физики и философии. В творениях Бога, каждое Его дыхание направлено на созидание, нет разрушительного греха, а потому нам следует разделять то, что открыто нам чувственно от того, что есть на самом деле, Его Божественное творчество. Представьте себе, что некоторые люди начали ходить на руках верх ногами. Меняется понятийный мир, образ мышления, их требования не адекватны и потому оные всегда будут искать себе единомышленников, а именно тех, кто им в силу своей хоть какой-то ущербности понятен и кому они понятны. Для таких людей все мы, как подобие, понятийно исчезаем, то есть они нас в каком-то смысле даже просто не видят в своем инородном противоестественном общем для каждого признаке единения, как себе не подобных – мы как бы становимся для них пустотой. Их мир ещё более ограничен в восприятии – они видят то, что подобно им. Мировосприятие сколачивается из всего того, что оказалось в поле их зрения, их вселенная бесконечно сужается восприятием только того, что имеет естественное для них подобие и соизмеримость⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁰². (Так как мы пребываем в том же самом состоянии, то наша Вселенная сколачивается полем нашего греховного обозрения, то есть, созерцая мир, мы видим не перестроение в более совершенные формы, а греховное подобие себе: множественные продукты распада источника и греховную пустоту). Но им также как нам необходима победа в духовной брани – хоть непродолжительное возвращение в то прежнее естество опосредовано более крепкого единства со Творцом, ведь замысел Бога о человеке на этих людях с грехопадением не унижается, остается тем же. Ибо это такие же личности как мы и им нужны те же самые верные решения, просто теперь им теперь уже нужен ещё более тяжёлый труд в поте лица над собой, чем нам ради восстановления. Там, где естественно быть (или ходить привычными дорогами) нам, для них – нет. Хотя все общее для тех и тех остается в той же силе значимости, то есть в пределах тех же межличностных отношений – нужно выделить все то, что Его по природе, и оставить все Его Им сотворённое, которое отторгнуть невозможно; нужно очистить от инородности, чтобы взять то, что отторгнутым и разрушенным быть не может и реально животворит своей той же природы радости и вечностью бытия. Только образ удобоприемлемого для нас и для них будет несколько иной. Организм человека, как бы призван этому деланию. Божественное, утверждающее вечность, никогда и ни чем не может быть разрушенным. Следовательно, если что-то есть в нас вечное и реальное – это уже есть Божественное, а все остальное – это такой вот хвост кометы, который адаптировался к окружающей реальности, то есть нечто специфически сложившееся производное Его. Божественное разрушить невозможно, а потому всякая обработка не покушается на нетварные энергии, ибо работает Закон Сохранения, в коем энергия неуничтожима и переходит из одного состояния в другое в пределах земного бытия. Таким образом, процесс потребления пищи – священное проявление беседы личностей, делание богообщения, которое призвано преобразить мир и отдать Богу Его богово, вычленив из продукта вечное. Организм человека, разрушая структуру продукта, предварительно вычленяет из формально инородного Божественное, а потому временного, оставляя только то, что вечное – нетварные энергии. Мы потребляем не материю в виде продукта питания, а именно её ношу, а именно то, носителем чего она является – нетварную непреходящую энергию. То же самое касается деяния человека по обустройству окружающей его вселенной – он собирает себя то, что несет в себе Божественные свойства и неся в своей душе память о Рае, с помощью Божественных

свойств в окружающих предметах устраивает тот же прообраз Царствия Небесного только уже в земных условиях. То есть создает естественный себе порядок посредством носителей Божественного многограния Вселенной. Сие может быть служением Богу лишь в одном случае (и как бы Вселенная только в этом случае сослужит человеку в его всяком творчестве) – когда он сам имеет непрестанное единство с Творцом. Так как всякий из нас сам по себе не чист по природе, то в своём естестве и в таком состоянии, поражённом грехом, вечность бытия в земных условиях обрести не может и богообщение требует должной полноты. А потому мы тут видим двоичность. С одной стороны непосредственное единство с Творцом требует удобоприемлемых условий. А с другой стороны, сама Вселенная требует от человека Божественной чистоты и создает ему эти условия. Для этого трудов в поте лица – постоянно необходимо очищать вечные непреходящие нетварные энергии от временности форм, чтобы приобщаться к ним, с Божественным свойствам всякого вещества. После грехопадения именно сие обуславливает служение мира человеку. В противном случае, всё переворачивается напроочь и человек становится изгоем в своём же доме и в собственной душе.

Исходя из этого, получается, что эти люди (вверх ногами) такие же, как любой из нас, только им приходится более тяжело возвращаться естественное Богом сотворенное состояние, то есть сначала быть такими, как мы и через этот первоестественный образ идти дальше к большему подобию Ему. Просто много такого, что нам нормальным достается просто и легко, а этим же искажённым по природе дается мучительно и с более огромными потугами, но также как мы довольствуемся теми же источниками сил и, также как мы, без этого жить не могут. Вот примерно в таких аллегориях пытаюсь донести главную мысль этих книг, точнее одну из многих сторон Истины.

1.0.-40. Повторюсь вновь. Так как Сие есть то, что не поражено грехом, то органами чувственной природы не воспринимается, ибо чувственная природа воспринимает лишь то, что стало процессом отчуждения. То есть стало тем, от чего следует очистить нетварные энергии, чтобы быть участниками их. Поэтому прежде чем взять энергию яблока, его следует разрушить структуру клетчатку – сделать откус. Но энергия, содержащаяся в его разрушенных тканях, остается той же, Закон Сохранения работает, но направление ее течения меняется и далее органы пищеварения вычлениют Божественное из проводника Божественного, а организм осваивает энергию, в нем она остается на какое-то время.^{66776677????} Плоть наша – видимая часть души, которая входит в богообщение данным образом и теперь уже пребывает в прежнем единстве с Ним в поте лица. То есть плоть – это такой образ богообщения души с Богом.

Изменим понятийный язык и распознаем те же самые реалии с помощью его иного набора специфических инструментов. Если мы включим закон диалектики, в коем всё движется от простого к сложному, то очевидно, что самым элементарным, простым и несложным первоначалом всего (которое мы умом распознаём своей воспаленной грехом чувственной природы) была какая-то точка с естеством греха⁴⁵⁶ (со свойствами гегелевского отчуждения), из которой тут же начался долгий процесс движения (от абсолютно простого) к усложнению, в реалии которой происходит процесс восстановления и совершенствования в пределах образа Божьего, в пределах всех его свойств, в пределах его единства, а если сказать языком математики – в пределах прежнего образа, с коего началось эволюционное развития – в пределах прообраза точки, возникшей в поле зрения как развитие в момент грехопадения³⁰⁴. Хотя точка и до этого была составляющей не распознаваемого Тела из-за отсутствия общности Его со грехом. Но так как появился крен, в котором какое-то свойство выделилось особенно сильно и даже противоестественно сильно в ущерб всему остальному, то перед нашим взором возникла реальность⁴⁵⁶. Это не означает, что все грани полноты куда-то исчезли. Нет, они присутствуют, ибо тогда эта реальность не существовала бы, как естество. Она противоестественно ушли на

второй план^{456(a)}. Теперь мы с одной стороны видим явление той же самой точки, в коей та же абсолютно вся палитра граней Божественного Тела, но в ней есть особенно сильное противоестественное вычленение в каком-то свойстве. Это и есть определение первородному греху^{456(a)}.

Вспомним тот пример, в коем некие люди начали патологично ходить не на ногах, а на руках. Как раз в нем мы видим аномально отданные приоритеты какому-то одному свойству в ущерб всей живительной полноте. Хотя, как мы видим, живительная полнота остается, то есть это такой же человек, но какая-то грань ее получила болезненное вычленение и человек, имея весь спектр тех же Божественных свойств, теперь уже вынужден преодолевать собственную аномальность, то есть в поте лица торжествовать над искаженной инородностью своего тела, чтобы быть в том же богообщении. Ведь подобное родить может только свое же подобие, то есть точка несет в себе свод законов самовыражения, в границах коих идет всякое становление развития, то есть порождает только свой же образ⁴⁵⁵. Хотя онный постоянно усложняется в процессе эволюции, но это все равно тот же образ точки, хотя и в бесконечных усложнениях. (Это то самое, над чем столько лет пыhtят самые выдающиеся физики, ибо точка несет в себе все формы усложнения, но только в потенции, то есть в возможности)⁵.

То есть через призму первородного греха, который носим в себе от самого рождения (речь идет о новой не привязанной к самой Личности Бога точке созерцания, как альтернативу Божественному, то есть новой точки позиционирования (смотри об этом ниже 1.0.1.-20.), коя есть не Он Сам, а только лишь какая-то самая отдаленная грань Его, привнесенной змием из бездны в мировосприятие человечества), мы зрим на этот мир и видим подобие ей, мы видим такое же ничтожество в ее прообразе, свойственное греху – то самое противоестественное Богу начало всех (теперь уже воспринимаемых через грех) начал. Змей – тоже творение Господа, но на мир мы должны смотреть не его глазами, а глазами Творца. В этом есть норма естества нашей природы, а падение в такое падшее состояние стало просто иной формой человеческой жизни, в коей полнота имеет несколько далекую от нормы форму. А так как даже при такой форме мы в любом случае имеем дело с жизнью, то вокруг оной постепенно и неизбежно началось восстановление естественного порядка вещей⁴⁵⁵, при которых мы постепенно совмещаем мировосприятие глазами змия с Божественным, с естественным для нас позиционированием до грехопадения – таково естество всего этого бытия – все имеет бытие только и только в становлении к одной всеобщей для Вселенной Вершине вершин, при котором должны стать одним единым гармоничным целым мир змия и Божий мир. Всякое явление происходит в пределах межличностных отношений, но только лишь получает новое имя Божье, хотя чувственно обозреваемое. И даже Вселенский взрыв. Бог попускает даже такой форме жизни, лишь бы она исповедовала о Нем и имела бы способность к преображению в процессе становления до абсолютного совершенства. Его исповедь о Первоначале в дальнейшей эволюции, в рамках понятийного языка диалектического материализма, хоть и имеет вид взрывного разрушения, но, как частное по отношению к общему, по-прежнему остается в пределах функционального влияния общего⁴⁵⁶. На самом деле это явление взрыва должно быть только лишь иллюзией разрушения, это лишь чувственно воспринимаемая ограниченная поражением греховной природой реальность. На самом деле, за пределами этого ограничения грехом (так как частное остается частью общего или, хотя и искаженным, но по-прежнему творением Бога, подчиняющегося Его законам), видимое умом разрушение должно также свидетельствовать о Боге, но только уже иначе, но в то же время удобоприемлемо для нас – своим образом поведения. То есть должно шествовать только по пути нового, но в пределах отражения прежних Божественных истин, видимое умом разрушение позволено или происходит только в пределах дальнейшего утверждения Его единства и в рамках всего Его естества по пути богословия в иной сфере реальности (в реальности восстановления Божественного образа), а именно животворящую исповедь только уже

теперь новым набором инструментов иного понятийного языка. Таково эволюционное движение в естественное для Вселенной состояние выражения всей абсолютной полноты Божественного, Его Царствия Небесного. А именно посредством структурности, то есть строгой последовательности субординации, в коей посредством внешнего выражается внутреннее глубинное и точное выражения Истины (в пределах всех свойств и возможностей природы). Свойства абсолютно малой точки выражаются посредством абсолютно великого и бесконечного внешнего выражения. Без этого никак нельзя, ведь просто живое и все чувственно воспринимаемое требует для себя Божественной полноты во всех смыслах этого слова. Жизнь – это свидетельство о Боге. Поэтому вселенский взрыв – только лишь начало нового свидетельства о Творце, в иной сфере, в ещё одном Имени Его – в противном случае все в мире бы сразу же прекратилось, как неспособное жить. Просто точка и пространство, как составляющие одного единого целого, тождественны. И тождественны в иных сферах, с различными модусами свидетельство об этом Едином. Не смотря на видимые изменения звездного неба, естество Царствия Небесного разрушенным быть не может. Оно – по-прежнему то самое общее Тело, удерживающее единство всего множественного частного, у Врат которому стоит Архистратиг со вращающимся Мечом.

1.0.-41. Естественное состояние этого бытия, а также всего и вся в нем – быть обожженным в абсолюте, то есть иметь абсолютное приобщение к Богу. Это активизирует все формы движения к Нему, к Его образу. После грехопадения возрастание до образа Божьего оказалось заложенным в природе Вселенной ещё и в ином – необходимо восстановление после воспаления, что свидетельствует лишь об одном – когда-то Вселенная была уже во Царствии Небесном, ибо движение невозможно туда, где нет Родины, где бытия никогда было. Можно сказать ещё иначе или нужно выразить эту мысль точнее, ибо грех по природе своей абсолютно ничтожен, а уму свойственно придавать греху большее значение, чем следовало. Более того, грех имеет разрушительную силу в пределах Замысла Божьего. Сознанию естественно быть привязанным только Богу, а потому, когда мы обращаем внимание не на Него, а на что-либо иное, то сразу же мир встает во всем величии греха. Когда же мы возвращаем внимание на Него, то мир тут же пропадает и мы становимся жителями Царствия Небесного вновь. То есть все дело не в том, какой мир нас окружает, а все дело в том, каков мир внутри нас. В этом противоречии заложен весь принцип устройства Вселенной и самого человека в ней **666-00-01**. Так как Бог бесконечно велик, а воспаленное грехом естество, представленное всей нашей вселенной, бесконечно ничтожное (несмотря на очевидную бесконечность космоса оный остается порождением абсолютного ничтожества точки), то процесс всеобщего становления также выглядит бесконечным стремлением к совершенству после разрушительного в прообразе той же точки бесконечно малого мгновенного грехопадения (**смотри 666-00-01**). Два в одном и бесконечно малое и бесконечно великое становятся одним. Вечность сопряжена с мгновенностью конечного, что и есть образ той самой пустоты, которая имеет образ цикличного. Жизнь в земных условиях вечна благодаря повторяемости конечных циклов. Так совмещаются две не совместимые реальности и вечность, и конечность. То есть подобное порождает только своё естественное подобие, а именно, так как время греха ничтожно мало, то и образ его явления абсолютно ничтожен и потому время нужное для выражения бесконечно великого на этом бесконечно ничтожно малом абсолютно и бесконечно велико. А без этого свидетельства-возрастания живое не мыслимо – его нет. Без этого стремления от абсолютно малого к абсолютному совершенству нет жизни и нет вообще ничего, ибо до абсолютной полноты жизни может возрастать хоть и абсолютно ничтожная, но все равно это жизнь, какой бы она не была. Два в одном и бесконечно малое и бесконечно великое становятся одним – это заложено в самой природе, в коей абсолютно малое семени, становится абсолютно великим растения. В этом образе единства двух противоположностей жизнь становится вечной. То есть, если мы никогда не видели то, как устроен мир, то можем смело предположить данный образ его бытия и при этом не ошибемся. Как явлен грех на природе вещей?

Если жизнь – это Бог, это всеобъемлющая полнота Божественного, то возрастание до такой кондиции бытия становится естеством жизни тварного. То есть сам факт, что когда-нибудь наступит такой момент (который никогда не наступит) уже заявляет даже о ничтожно малом и абсолютно примитивном, как о совершенстве в образе Творца. Тогда грехом будет разрушение, время проявления коего всегда мгновенно и абсолютно ничтожно, по образу и подобию ничтожности греха – это носит имя взрыв. А время становления в прежний образ абсолютно и бесконечно велико – это имеет имя эволюции (смотри 666-00-01). Хотя надо сказать разрушение само по себе грехом-то не является, ибо сие есть простой процесс вечного естественного перестроения до новой более совершенной формы исповеди о Творце. Грехом является, как уже сказано ранее по тексту, инородное природе человека позиционирование его точки мировосприятия, в коей это перестроение представляется разрушением. Из-за этого эти реалии несопоставимы по времени становления и пространственной масштабности до должного величия, носящего имя Божественной полноты тварной природы. По этой причине, так как по слабости своей мы берём за основу точку привязанную ко временности материи, то в этих пределах, свойственных нашей природе приобщённой ко греху, то есть относительно этой позиции созерцания окружающее нас течение становления в образ Творца всего представляется нам вечностью.

1.0.-42. ????? не понятно, это надо убрать????Как произошло грехопадение, исходя из предыдущих суждений? Жизнь – греховная пустота⁴⁵⁵, отсутствие болезни, то есть чувственный вакуум. Подобное порождает только свое подобие, а потому грехом активизирует в окружающей среде свое же естественное подобие – разрушает абсолютную пустоту греха^{48.2}, представленную нам как вакуум (смотри 666-01-02), обозреваемый пустотой посредством природы с грехом³⁸¹. Причем, такое греховное деяние порождает подобие ему в своей сфере бытия. Это становится источником греховного излучения, которое активизирует нарушение абсолютного покоя и равновесия творения Творца, благодаря чему нечувственный вакуум или, говоря иначе, чувственно воспринимаемый вакуум перестает быть для нас греховной пустотой, но в нём появляется чувственно воспринимаемое вещество, точнее он становится проводником возмущений. Представим себе игрушку ванька-встанька. В состоянии покоя и равновесия он находится вне поля зрения для возмущенной природы. Но вот природа возмущения прикасается к игрушке и игрушка становится тоже источником возмущения в той же сфере. Ничего в ней не изменилось, но только возникли движения там, где есть возможность проводимости этих энергий. Одним словом, возмущений не было и они появились из ничего – из пустоты. В этом же прообразе возникает мир из пустоты, в этом же прообразе световая волна может преодолевать расстояния миллиарды световых лет. Есть для этого основание, пребывающее в состоянии невидимой устойчивости⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻²²².

Жизнь – греховная пустота, отсутствие болезни, то есть чувственный вакуум³⁸¹. Так как подобное родит только свое же подобие, то возникшее из пустоты должно нести в себе тот же образ пустоты. А новое возникшее чувственно распознаваемое явление несет в себе в том же числе прежние свойства пустоты греха, несет в себе прежнюю жизнь, но в различных оттенках. Это явление, хоть и взрыв уже, но остается в пределах Божественного подобия, а потому востребовано в деле выживания в земных условиях. То есть востребовано для бытия и мы замечаем в нём то, что родственно нам по физике плоти, что и становится строительным материалом для временной «кожаной одежды» (см. Священное Писание, книгу Бытия) самого человека, чтобы жить в его Вселенной, хотя уже и поражённой грехом³⁸². Прошу заметить, что речь идёт не о творении мира, а о возникновении в пределах привычного нам мировосприятия только лишь какой-то составляющей в естестве нашей природы, поражённым грехом. Так как подобное познаётся подобным – грех познается его подобием, то именно наша греховная ничтожная природа созерцает ничтожное – световые волны и мы опосредовано её видим

в нашей звезде не живое Тело Светила, а взрыв; не вечную непреходящую энергию во всеобщем Законе Сохранения, а ничтожно короткие временные реалии, а именно разлетающиеся осколки в процессе нарушения равновесия.

Если нет возбудителя, то и нет чувственного восприятия. По этой причине абсолютные стабильность и равновесие³⁸³ также имеют для нас вид вакуума¹⁶⁶, как отсутствие возбудителя, как иное имя греховной пустоты. Потому у взрыва будут производные, рожденные нарушением равновесия, то есть кои неизбежно должны передаваться там, где это равновесие, наделённое пространством, имеет место быть. Взрыв всегда имеет две составляющие: одна – это до взрыва, а вторая – после него, то есть сам процесс развития. Это равновесие, как ещё одно имя жизни³⁸³ имеет способность восстанавливаться после нарушения. Вне какой-то из этих составляющих взрыв не распознается, поэтому только в пределах обоих из них передается разрушительный импульс. Импульс несет в себе нечто такое, что имеет иное имя жизни, в противном случае, это явление на теле живого, то есть вне системы берег-река или вне обоих составляющих так никогда бы и не возникла. Это возмущение покоя становится возбудителем чувственной природы, вечное по естеству Божественной составляющей и ограниченное по природе греха. Так как оное временное, но наделено некоторой гранью живого Тела (стабильности-берега), то именно этот оттенок становится тем малым, которым довольствуется ум для утверждения живого в земных реалиях. То есть человек, с одной стороны, наделён духовной составляющей, а с другой стороны, душа в земных условиях становится как бы собирателем (в поте лица), временным конденсатором, то есть исповедует о Боге на природе этого нарушения пустоты греха, явленного во множественных осколках. (Можно сказать иначе, что то же самое тело явлено в ином образе причинно-следственных процессов и теперь этот новый образ стремится обрести опять новый образ и подобие самого себя, но уже в прежнем новом, как хорошо забытом старом). В земных условиях, по слову святейшего Патриарха, душа без плоти жить не может. Сознание наше (является естество жизни вдунутого Богом и так этим естеством остается навсегда), явственно осознает противоестественную себе скованность, ограниченность возможностей организма и понимает о том, что он пребывает в несовершенном мире, инородном для ума и духа. Как говорят духоносные отцы, плоть – темница души. Мы чувствуем свою стеснённость даже в окружающей обозреваемой Вселенной, полной галактических систем и созвездий. Этот плен активизирует противоречие, в пределах коего разворачивается весь сюжет эволюции мира. И это естественно для нашего положения в мироздании, ибо в лице Адама, ещё будучи в Раю, утратив единство с Богом, вместо должного покаяния⁶, начали прятаться от Суда Божьего за тварную природу, мы адаптируем её под свои потребности, удаляемся на безопасное расстояние для сильно ослабленной грехом жизни во плоти. Но часто забываем о том, что безопасность нам нужна только для одного – для возрастания в радости Божьей. Тем самым привыкаем к такой жизни, успокаиваемся и тем самым узакониваем грех, и, на самом деле, отдаляемся от жизни, не становимся наделёнными живучестью в должной мере причастия Богу и потому погибаем во множестве научно-технических совершенств.

«7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8 И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая».

Человек не искал должного покаяния, чтобы вновь принять мир таким, каков он есть по замыслу Творца, а начал перестраивать природу уже по своему греховному умыслу, рождая тем самым первые элементы научного прогресса без благословения Предвечного Совета (как это мы видим в устройстве скинии пророком Моисеем). С этого момента человек несет в себе двойственность – с одной стороны, человек в данном качестве природы в привычном её для нас восприятии родился на свет первородным грехом, а с другой стороны может нести в

себе дух и всю полноту радости Царствия Небесного, как родственное себе и Богу. Сам факт того, что всё вокруг является обозримым, созерцаемым или достигаемым, то есть сам факт того, что все вокруг поддается освидетельствованию посредством чувств воспаленных грехом, свидетельствует о том, что обе присутствующие в нас составляющие имеют место быть в каждой микроне бытия. Следовательно, реальная Истина, то есть первая составляющая, замаскированная второй, воспринимается также как и во Царствии Небесном до отпадения и без Нее нет ничего в нашем бытии и быть не может. Истина воспринимается умом лишь опосредованно только образа поведения этого бытия в рамках Божественных влияний (например, о том, что планета удерживается Солнцем, мы судим по движению планеты по кольцу орбиты или исторические процессы в священном Писании или на Руси).

1.0.-43. Точка, если рассуждать с позиции нашего искажённого грехопадением мировосприятия, есть самое максимально не раскрытое, но в то же время полное свидетельство о Боге, ибо в ней нет очевидно созерцаемых ни субординации, ни вселенской многогранности свидетельства о Творце. Но, не смотря на это, точка уже имеет ряд свойств, которые характеризуются посредством той же самой воспаленной грехом природы, как выражение природы греха в самом чистом виде. Созерцаем бесконечное пространство и Царствие Небесное в Нем, но в поле зрения попадает только то, что подобно нам по природе ничтожности греха – точку, как начало начал, из которой потом началось взрывообразное развитие. Все остальные множественные формы самовыражения, привычно созерцаемые нами как бесконечный космос с его множественными мирами заложены точке, в Начале начал. Они раскроются потом, давая новые свидетельства нам о Творце. Точка – это составная часть пространства, законодатель или перво-принцип в самом чистом виде всего того, что нам явлено в бытии. То есть всякое развитие черпает образ развития именно в точке.

С позиции же Творца – Богу все возможно и даже в этой же точке нет ущемления Его Божественной всеобъемлющей полноты и Он в ней пребывает. С одной стороны, Он не скован даже в точке, ибо может Себя умалить до такого состояния. А с другой стороны, это наша проблема, ибо созерцая Его, мы по природе ищем то, что естественно нам – мы ищем злое, слабость и находим в Нем, но величина злого-слабого равна нолю. То есть созерцая Его чувственной природой мы видим точку с нулевой величиной крена. Для большей ясности необходимо узнать, в чём именно произошло искажение природы с позиции созерцания в узкой сфере бытия инструментами математического анализа, как наиболее адаптированного к железной логике разума? Алексей Фёдорович Лосев замечательно показал, что точка тождественна прямой линии, точнее прямая линия – это точка³⁸⁴, которая оказалась в иной реальности⁷. Также как человек на земле стоять может без всякого движения, то попав в воду на глубину, ему надо постоянно поддерживать себя на поверхности, делая движения и руками и ногами. Это тот же человек и также стоит на месте, только в разных условиях и потому в разном образе жизни. Итак, мы во всем видим Божественное и в Божественном мы ищем только падшесть, имеющую величину падшести, равную нолю. То есть речь идет о точке. Но точка в разных средах представлена также по-разному (хорошо это показал А.Ф.Лосев). В одной среде точка имеет образ сферы, в другой – окружности, в третьей – плоскости, в четвёртой – прямой и так далее.

Разум по природе своей – в прообразе Начала начал, точки, есть цельное, неделимое естество, а потому все в этой вселенной воспринимаемое им ему подобно, соизмеримо ему и сопредельно, то есть воспринимает тоже только цельную и все то, что имеет прообраз этой единой цельности – непрерывную цепочку правильно выверенных логических суждений⁸. И в этой же реальности единства выразилась греховная природа человека: человек может акцентировать внимание в данный момент времени только на чем-то одном и в то же время в пространственном прообразе точки может переключаться с одного на другое вокруг себя; то есть может смотреть только в одном направлении, а не во все одновременно; имея выбор, в конечном счёте может идти только по одному направлению (а не во все сразу), где ему это удобно по его природе;

мыслить может только поочерёдно-последовательно сначала об одном, потом о следующем и так далее, а не обо всем одновременно. А развитие организма, истории, а также само время течения всего также в прообразе Начала начал, точки, имеет одно непрерывное направление по кривой. В этом естестве бытия единого неделимого, неразрывного причинно-следственного механизма необходимо выразиться Богу, а именно во всей Его максимально всеобъемлющей полноте множества граней, чтобы быть узанным разумением человека, как естественное идентичное подобие сознанию. Представить себе тяжело, но этот множественный мир создан таким именно для того, чтобы показать человеку Лице Свое, Бог как бы старается быть узанным человеком, давая раскрыться Своему Образу в бесконечных реалиях Вселенной. Он как бы боится, чтобы в какой-нибудь самой отдаленной микроне мира вдруг не оказалось свидетельства о Нем, либо человек посредством научного анализа не услышит Слово Бога к человеку и человек заглянув туда вдруг усомнится. Но согласитесь, что сам факт того, что мы можем иметь представление о больших возможностях бытия и даже о том, что в природе материальных вещей невозможна единовременность (то есть понятия абсолютного и одновременного развития во все стороны, хотя оно только теоретическое), свидетельствует о сверхестественной и даже несколько инородной для мира природе ума, а именно о том, что сам разум человека не от мира сего видимого. Налицо инородное разуму ограничение количества свобод в природе человека, при которой в одномерное пространство причинно-следственного механизма становления заключены все свойства первообразной Первопричины. Также можно предположить и другой вариант бытия, когда вообще никаких степеней свободы нет, то есть колоссальная энергия содержится или заключена в темницу абсолютного стеснения точечного нуль-мерного пространства (более точное определение – атома), ибо она есть разрушающая сила, направленная в противление Богу³⁸⁵, то есть на противоестественное возмущение жизни Царствия Небесного³⁸⁵. Иными словами, она всегда работает только в пределах Замысла Бога, а так как очевидного разрушения нет, то и нет Воли Его. Таким образом, рассуждая чисто богословски, мы можем уверенно сказать, что вне свободы, вне даже той её одномерной малости, какой в земных реалиях обладает бесконечный разум, Бог не способен свидетельствовать о Себе для нас в данной сфере нашего одномерного мировосприятия, не может свидетельствовать даже в сфере кинематики. А если не может заявлять о Себе, то и мир сей не имеет значения, так как не является тем, ради чего и благодаря чему он имеет бытие. Вне свободы даже в самом малом, мир не является процессом межличностных отношений. Бог заявляет о Себе везде, но нам это воспринять очень трудно. Но мы смеем предположить о том, что есть некоторая точка, в которой содержится огромная энергия и раскрыть её возможности в области адекватного распознавания разумом, то есть выволить её оттуда, остается в возможностях человека в прообразе грехопадения. И при этом это возможно только и только по попущению Творца, в пределах Его Замысла и ради ещё одного свидетельства о Нём посредством множественных бедствий (ибо человек познает Его не отсутствием боли, а только через то, что приносит ему боль). Так выглядит или должен выглядеть единственный элемент материи, а может быть даже самый элементарный, из которого состоят даже самые малые частицы Вселенной. Не дай Бог никому её достать, ибо при любом самом примитивном движении её родится распад равносильный рождению астрономической звезды. Это распад частицы намного более элементарной, чем ядро атома. С другой стороны, Богу неважно, что будет с миром этим, но Ему важно только чтобы мир свидетельствовал о Нём в пределах богообщения. Стоит пометить, что сам факт того, что человек имеет представление о ядерной энергии, о процессах внутреннего мира материи, говорит о том, что мир сей вышел из человека³⁰⁴. Человек родил этот мир всеобщей относительности своим грехопадением³⁸⁴.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира. Если мы приглядимся к любой частице

бытия или к любому явлению Вселенной, то увидим характерные личностные черты, наборы признаков, указующих одно и то же Божественное единство – мы видим одно и то же очертание берега, мимо коего текут воды⁴³. К примеру в таких формах, как точка, прямая, постоянство, упругость, пустота, замкнутость, полнота³¹¹. Итак, выражаясь точным языком понятий А.Ф.Лосева, мы имеем инобытие тождественных различий в образах: единое, постоянство, пустота, замкнутость, полнота, устойчивость, стабильность, упругость. Все это лишь имена³⁸⁵, данные людьми тождественным различиям одного и того же инобытия. Мною перечислены наиболее сильно бросающиеся в глаза самые фундаментальные реалии, на коих стоит мироздание и, с которыми работает учёный физик-исследователь внутреннего материального мира, давая специфические имена им, называя их корпускулярно-волновыми свойствами.

1.0.-43(б) Тогда возникает вопрос о числе j . Это число, которое свидетельствует о положении вещей. Само по себе извлечение корня квадратного из отрицательного числа невозможно и умом не воспринимаемо. Это число распознается только в функциональном взаимодействии. К примеру, отрицательный дискриминант свидетельствует о том, что квадратное уравнение не имеет решений. На графике это выглядит следующим образом: парабола не пересекается с осью абсцисс. Но это не означает, что самой функции нет в данной релии – она есть. Иными словами, все то, что выпало из нашего поля зрения, оказалось вне досягаемости оси абсцисс каким-то образом несет в себе то самое j . Если мы обратимся к определению о познании, то перед нами встает следующая картина. Наша чувственная природа созерцает только то, что попало в поле ее зрения, в область ее досягаемости, но сие не значит, что оказавшегося вне области нашего мировосприятия не имеет бытие. Оно существует, независимо от наших возможностей познания. В поле нашего зрения попадают только сопредельное греху, а именно процессы распада из-за перестроения в более совершенную форму исповеди о Боге. Мы чувствуем сами процессы распада, а за ширмой их или через оных мы видим Божественную причину всякого явления. Число, по природе своей, как раз нам выражает этот распад. В первую очередь *число указывает нам своим специфическим понятийным языком на то, что существует ноль, а множество всевозможных функций раскрывают нам свойства этого поля*. Но как, посредством распада на специфическом понятийном языке системы координат, свидетельствовать об обратном свидетельстве о Творце – о становлении? Если распад – это положительное, то становление – отрицательное. Просто распад – это выделение энергии, а становление требует поглощение её. Распад – это разрушение порядка, а становление – это строительство оного. Нет таких числовых характеристик. Вот тут и возникает число j . Посредством закона распада, мы пытаемся давать характеристики возникшему явлению, которое пребывает вне области постижения его. Именно поэтому возникают такие вот странные инструменты описания окружающей реалии. Специфичность их обусловлена специализацией сферы жизненного пространства и самой точкой позиционирования при созерцании мира исследователем. Но в любом случае, речь по-прежнему идет об одном и том же, благодаря чему имеет жизнеспособность и все остальное вокруг – речь идет о свидетельстве о Творце. Распад – это перестроение в более совершенное свидетельство о Боге. Энергия при распаде, в любом случае, остается частью более всеобщего единства, в образ коего происходит становление, в новый более совершенный порядок^{452(б) и 455} (смотри 777-07-111). Это движение к большему совершенству и есть то самое – это и есть жизнь (смотри 777-07-111). Перестроение, как бесконечно растянутое выражение свойств общего посредством частного, всегда будет инородным распаду, то есть мгновенному движению от общего к частному. Так же как восстановление положения равновесия всегда будет инородным движению свободного падения, которое происходит при нарушении и выходе из состояния равновесия. Этот момент важно включить в решении каких-то задач, чтобы исключить односторонность выражения Истины, ибо одно оказывается вне постижения другого из-за разных инструментов понятийного языка для выражения истины. (Разрушение

происходит только потому, что природой естества меняется набор инструментов для выражения одного и того же). Причем так включить, чтобы эта реалья воспринималась удобоприемлемо. Примерно так, как это преподносит нам дискриминант квадратного уравнения. J – это нечто такое, которое характеризуется процессом, а потому распознается как реальность только в процессе³⁸⁹. Следовательно, деятельное выражение этой реальности может быть распознано только если оно в какой-то процессуальной структуре. Просто само по себе j ничего не значит. Это то, что невозможно вне процесса, ибо возникает как модус только в процессе (также как водная гладь на реке невозможна как реалья вне постоянного водного потока) и о этого многогранного понятия «невозможно» мы вычленим то, что нас интересует в данной конкретике, то есть выделяем какую-то одну сторону и реализуем ее в конкретике решаемой проблемы³⁸⁵. К примеру, в данном случае, речь идет о квадратном уравнении. Единственное, остается добавить, что невозможному и представленному нам на понятийном языке математики как j , необходимо дать имена, соответствующие сфере решаемой проблемы. Именно по этой причине j находит применение в решении таких задач, которые несут в себе именно эту непостижимую составляющую постоянного потока: расчет электрических цепей, в расчетах подъемной силы крыла самолета и так далее.

После написанного. *Исходя из новых перспектив, которые неизбежно возникают в процессе изложения материала, открываются новые обозреваемые реалии на процессы в физике внутреннего мира материи. Поэтому несколько неожиданно буду поворачивать освещение в эту сторону, чтобы зафиксировать важные моменты для исследователя.*

1.0.-44. В данной падшей реалии природы человека вся полнота Божественного пребывает в сильном стеснении. Мы видим выражение не всей полноты, а лишь некоторый малый спектр со свойственным ему набором степеней свободы. Но при этом это есть Божественная полнота, хотя и со зримо воспринимаемым ограничением степеней свободы, явленным нам в пределах линейного движения времени. Вне полноты подобия Творцу жизнь невозможна и в то же время вся бесконечная полнота в ничтожно малой воспаленной грехом природе человека одновременно вместиться не может, ибо рвет ее естество, то есть нарушает образ Божий, вне коего богообщение невозможно, а значит и сама жизнь вне образа Его не возможна. Человек живет только своим участием в пределах дозволенного на Предвечном Совете. Именно для участия в Нем востребована вся полнота подобия Ему и в то же время цельная замкнутость, как образ единства в Одном. Поэтому для жизни, то есть для естественной ей полноты и иного подобия Богу, нужны такие критерии выражения Его Единой Сути, как непрерывная цельная последовательность. Потому что непрерывная цельная последовательность причинно-следственного механизма – это единство начала с концом, то есть имеет образ единого в не разрывной цепи следствия одного из другого. Ему сопутствуют иные образы проявления этого единого с иными именами – субординация, стабильная связь, закон, тождество, течение времени и так далее⁹. Ведь само по себе бытие является по природе полярным – в нём есть лишь два состояния природы или абсолютная свобода, или её отсутствие. Для Бога этих состояний нет, ибо для Него отсутствие свобод в нашем понимании не имеет значения. Это потом выражается в образе форм живого – к примеру, цветок раскрывает себя в довольно стесненных условиях тоненького стебля. Или узник перестает замечать свои стеснения, когда исполнен Благодати Духа Святого. Стоит только стеснить собственную природу греховной страсти, так сразу же мир земных реальностей обретает иное естество. Следовательно, эта полярность обусловлена нашей позицией мировосприятия. Божественное в Своей полноте несет в себе совершенство в абсолюте. Грехом мы сузили свое восприятие мира, а значит стеснили богообщение до таких пределов, при котором мы видим совершенство Божественного лишь в некотором Его удобоприемлемом нам образе, а все остальное ускользает от нашего внимания. То есть не можем принять Вселенную и образы Божьи такими, какие они есть¹⁰. Грех, как противоестественное

Богу, инороден Его Сути (для Него вообще нет никакого зла, но есть для нас) и потому грех не имеет никакой величины бытия, но выражен только противоестественной точкой обозревания мира, из-за чего форма выражает не дополнение одного другим³⁰⁶, а границу^{А.Ф.Лосев «Хаос и структура»} разрушения единства, степенью воспаления, а потому имеет некоторое соответствие себе в ограничении, противоположное абсолютной свободе Творца. Ограничение в абсолюте. Точка – это граница величины смерти и она абсолютно мала, то есть равна нулю. Так как смерть абсолютно мала в точке, то именно это и становится совершенством. В точке нет величины распада, нет всего того, что мы ищем в Абсолюте Жизни нашей способностью природы познания – нет зла. Величина зла в точке равна нулю. Величина крена от абсолюта совершенства равна нулю. И так далее. Так как мы зрим мир Божий посредством данного набора инструментов и в сфере данного бытия, то есть в данном спектре естества мира, то есть ищем злое во Царствии Небесном, то находим только одно, что во Царствии Небесном злого нет. Мы смотрим на Царствие Небесное и видим только точку и множественные прообразы ее. Например, окружность, сферу, пространство, плоскость, прямую и так далее. Хотя я тут ошибаюсь. Ибо окружность, сфера, пространство, плоскость, прямая – это абсолюты подобия постоянству и потому оные, как постоянство выпадают из поля зрения. Ранее об этом уже говорено. Повторюсь, что мы видим только то, что стало креном от этого образа постоянства, креном для вечности. А крен для вечности – это есть временность. Точка остается только лишь составляющей Тела, Его гранью.

Развернём позицию нашего осмысления вопроса. Божественное всегда абсолютно бесконечно во всех смыслах этого слова. Тогда почему за основание всего мы всегда берем именно точку? Дело в том, что грех инороден Богу, а потому его нет в бытии, но что он есть по сути? По сути говоря, грех несет разрушение, то есть разделение предшествующего единства, которое Божественно по Его сути природы. Просто противоестественное положение точки созерцания наделяет точку иными свойствами. Мир теперь делится на две реалии. Одна из них – пространство между точкой и Абсолютом. А другая из них – то, что оказалось вне этого пространства, за его пределами (смотри⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁹¹). Теперь мы созерцаем мир через иную призму, а именно через этот предел-границу, которая в центре представлен точкой, а все остальное представлено множественными образами оной. Теперь она не есть единство мира в себе самой, в ней теперь не сходятся все нити мира естественным для Бога образом. И мы созерцая Вселенную также ищем именно это. *Сие важно сказать, ибо речь идет не просто о точке, а о месте позиционирования со всеми вытекающими. В принципе, для нас бытие имеет две реалии. Одна из них, когда мы пребываем в общении с личностью, как с Творцом, так и между людьми. Мы полностью погружаемся в мир собеседника и все остальное уходит в инобытие. Мы можем закрыть глаза, отрешиться от всего, но оставаться при этом единении умов. В молитве исчезают для нас все преграды и стены. Боль и чувственная природа также уходят в небытие. Это тот самый случай, когда мир предстает для нас в естественном виде – в Божественной радости. А теперь, когда мы выходим из единения с Богом, то тут же перед нами реальная иная и иные законы, иной мир⁶⁶⁶⁻¹²⁻¹².* Теперь мир не един в точке Центра мира, ибо теперь она делит мир: на то, что было до и на то, что оказалось после; на то что внизу и вверх, слева и справа; и не то, что единит нас с Творцом и на то, что разделяет. Теперь она есть граница-раздел. Но это только в прямолинейном причинно-следственном механизме, точка имеет такой образ разделения в чистом виде^{777-01-1.5} – она соизмерима толщине прямой. То есть мы зрим здесь самый первый элемент границы. В плоскости и в пространстве точка несет в себе соответствующий прообраз разделения, ибо пространство и плоскость – разные имена прямой. Это также как если вы стоите и любуетесь закатом, то видите солнечный диск в разных прообразах. На небосклоне это светящаяся окружность, на водной глади – это светящаяся дорожка, а пространстве – это само святящееся пространство. Солнечный диск имеет множество прообразов и в иных

реалиях. И все это будут разные имена одного и того же в разных средах бытия, соответствующие свойствам этих сред⁷⁷⁷⁻¹²⁻²¹.

Иными словами, когда речь идет о границе, то этим мы заявляем о самом первом элементе фигуры, а это форма границы в прообразе точки, как новое ее имя в данной ситуации (точка предстает перед нами в виде ограниченного пространства). Мы видим только то, что имеет прообраз нашего отношения с Центром всего, то есть в данном случае наделено границей, а точка – самое элементарное составляющее любой фигуры формальностей – это первый примитивный элемент формы. То есть, если сказать, что Тело – это форма без границ, то видеть мы можем это Тело только посредством естественного себе разграничения внутреннего нашего мира. Мир всегда отличается ограниченностью, а потому постоянно возникает противоречие, в результате коего одно становится подобным другому, сводя это противоречие на нет. Вот это движение, сводящее противоречия на нет, становится разрушением ради новой более совершенной формы исповеди о Творце. Вне этого жизнь бытия невозможна. То есть в результате разрушения появляются осколки, то есть формы энергоносителя, а сама связывающая энергия разрушенной быть не может по своей Божественному естеству. Вот эти формы оказываются в поле созерцания воспаленной первородным грехом чувственной природы. Мы, поглощая формы, становимся причастниками Тела-энергии, тем самым получается, что принимая пищу, не еда становится частью нас, а мы становимся частью съеденного продукта. То есть то самое состояние богообщения, когда границы вдруг уходят в небытие и молящийся предстает перед Спасителем лицом к Лицу, достигается другим способом и вся физическая природа человека имеет образ моления, образ беседы личности с Личностью. Как бы перед нами в самом приеме пищи заключено торжество над миром. Вот как надо понимать окружающую реальность. Итак, зла, как такового нет, но есть только противоестественное позиционирование созерцания Вселенной, из-за чего она предстает перед нами не как единство, а в границах, в разделениях, в осколках, в формах, в фигурах. Ум же ищет то, что единит эти формы. Именно по этой причине мы уверенно можем сказать, что человек – это не то, что привычно предстает перед нашим взором, это не только организм. Это вся Солнечная Система с Солнцем посреди ее. Человек – это Солнце, которое предстает перед нами как солнечный зайчик, процесс солнечной активности, получивший эволюционное становление и обретший данный привычно воспринимаемый образ. Хотя, следует заметить, что наша галактика не одинока во Вселенной. То есть сам факт бытия разделенности в этом аспекте говорит о том, что звезда посреди галактики – это тоже противоестественная позиция мировосприятия, которая открывает разделение.

Это с одной стороны. С другой, дело в том, что пораженная грехом природа человека обрела абсолютное ограничение и вместо этого абсолютно бесконечного пространства мы в бесконечности Царствия Небесного можем видеть (посредством абсолютной ничтожности природы греха) только свое же подобие, только свою же ничтожность – точку³⁰⁷, границу в чистом виде. Но, несмотря на это, точка остается носителем этой бесконечности – беда наша в том, что в поле чувственного зрения попадает лишь эта мизерная реальность, мизерная по природному свойству греха. Тут мы видим противоречие, которое неизбежно стремится нейтрализоваться самостоятельно – абсолютно великое соединяется с абсолютно ничтожным. Таким образом, точка, хоть и стала противоестественной позицией мировосприятия, но по-прежнему содержит в себе всю потенцию Царствия Небесного, заявляющая о себе во множестве форм эволюционного становления от простого к сложному. Ведь несмотря на инородность позиции мировосприятия, Центр мира остается на Своем прежнем Месте, то есть форма остается наполненной Божественной сущностью и именно это обстоятельство заявляет и дает о себе знать. То есть, не смотря на раздельность фигур, обнаруживается единство их, созерцаемое во множественных взаимодействиях возникших, как свидетельство о том, что по-прежнему есть то общее, посредством чего происходит взаимодействие. Центр Вселенной и Онный не утрачен

и он заявляет о Себе иначе, через то, что по природе естественно – через ум. Ум замечает Божественное в поведении материи. Это единство, явленное посредством поведения материи, мы называем законом или закономерностью. Бог общается не с формой фигур, а с их внутренним наполнением, в коем есть то общее для всего мироздания, посредством коего происходят взаимодействия. Для Бога нет форм, но есть только их внутреннее содержание³⁰⁸.

То есть болезнь (она является формой жизни, ибо это просто крен абсолютизации не Самой Причины, а какого-то Её свойства), на Теле мира и на естестве живого явлена только каким-то разрушением единства, какой-то видимостью осколков, какой-то разделенностью и формой фигур, как образ степени многообразного стеснения, закрепощения (одномерность времени – одно из этих закрепощений) или вообще отсутствием свобод для воспаленной природы человека, абсолютной скованности во грехе – точкой. В противном случае, грех³⁸⁶ разрушит все вокруг, ибо только Божественные силы имеют право на свободу – ведь они на разрушение не способны, ибо они только созидают мир. Нужно отдаться смирением в Руки Творца, чтобы Он делал привычное Ему или закрепостить свободу греха ради живого³⁸⁷. Сам Бог грехом не обладает, потому и нет смысла в закрепощении, ибо нет разрушения. Только созидающее в образ Божий наделено абсолютным множеством степеней свободы³⁰⁹, то есть граница в абсолюте своего проявления не является свойственной Его творчеству, ведь абсолютно множественная степень свобод ограничением не обладает. Точка для абсолютного множества степеней свобод не является границей в чистом виде, но является частью Его Тела. Иными словами, точка имеет общность с этим миром в одном и общность с миром тем, но уже в другом. В точке заложены характеристики и того, и другого, в зависимости от того, как мы себя позиционируем и что мы вкладываем в процесс богообщения. Так как воспаление это только лишь болезнь на живом теле, то есть больная душа остается все-таки жизнью, то, как прежде, подчиняется законам Божественным и по-прежнему стимулирована только Божественной радостью. Так как жизнь в Боге – это естественное состояние бытия для любых форм живого, то именно этим обстоятельством стимулировано движение к совершенству всякого тварного до абсолюта подобия Ему. Поэтому-то точка с одной стороны ограничение, а с другой стороны, как составляющая тела, несет в себе исповедь всего того, составляющей чего она является. Ведь жизнью востребовано только и только бытие в абсолютном образе своего Создателя, то есть ей нужна вся без остатка всеобъемлющая полнота Божественного и при этом востребованная для возможности жизни полнота может восприниматься только и только ограниченно сообразно точке, то есть постепенно без опасных перенапряжений в ослабленном от воспаления грехом естестве, исключая всякую передозировку радостью от бытия в созерцании Бога. *Так появляется направление, которое имеет образ прямой. Ибо через это абсолютное ограничение в чистом виде должна пройти вся бесконечная полнота Божественного, все абсолютное множество степеней свободы Его, вне чего жизнь невозможна. То есть везде мы видим два в одном⁴³ и везде работает Закон Сохранения образа Божия.* Именно поэтому ограниченной грехом человеческой природе всякие ограничения оказались востребованы для достижения столь значимой полноты богообщения и одно из многих их носит имя «время». Бог только по великой любви к нам ослабшим творит ограничивающую свободы форму. То есть восприятие всей полноты Божественного невозможно в одно мгновение без вреда, небезопасно, но безопасно только удобоприемлемыми, соизмеримыми нашему ослабшему естеству Частицами. Нам, носящим человеческую природу, сие стеснение явлено формой ограничения в линейно-поступательном одномерном, однонаправленном времени, в котором, в то же время, продолжают работать законы живого Божественного. Просто эти ограничения никак не покушаются на образ того же Самого единого цельного, в реалиях этого мира выраженного непрерывной последовательностью, единящей начало и конец, как форма того же самого Божественного единства – непрерывно, пошагово-постепенно, эволюционно выражается вся полнота (от

альфы до омеги) Божественного, несущего Свое имя в пределах одномерного пространства³⁸⁶. Так работает Закон Сохранения Божественного образа. Эта однонаправленность обусловлена только тем, что Бог Один и движение может происходить только в Нем и только в одну сторону, к Нему. Поэтому стеснение стимулировано не какими-то внешними факторами, а внутренними процессами, стремящимися к Единому в самих же себя, то есть стремлением в свой внутренний мир. Мир ограничен не тем, что его ограничили чисто границами, а тем, что наше позиционирование восприятия его открывает нам его в ограничениях. Мы зрим на мир и беседуем с Ним через абсолютную ограниченность в чистом виде и видим то Нем, что попало нам в поле зрения посредством такого мировосприятия. Мир в движении к Богу и в этом его свобода и ограниченность одновременно.

По этой причине, так как активированы эти законы бытия, свойственные нашей природе, осквернённой грехом, то неизбежно все они проявляясь вкупе работают в пределах Его и выражают это целое, единое и полное Божественного также в пределах Его. При этом имеет вид только как развитие со всем набором попавших в поле зрения критериев (время (наделено непрерывностью течения), протяжённость, оптимальность, непрерывная последовательность, субординация, возрастание)³¹⁰. Итак, на природе уже воспалённой грехом (и этим воспалением ограничена в свободе), полнота Божественного обязательно проявится (это аксиома, ибо пребывает в единстве с Божественным), только в границах частного это выражение полноты Его происходит несколько специфично, как-то уникально своеобразно сложено в контексте тех природных реалий, в коих оказалась полнота Божественного. Его живительное для Вселенной явление происходит в соответствии со способностями окружающей среды одномерного, двумерного и трехмерного пространств (здесь включаем лосевский понятийный язык). Причем все эти три составляющие естество среды, где оказалась полнота Его (хотя надо сказать, что это не предел – их больше), неизбежно имеют выражение в самой природе организма человека³⁸⁶: Божественное в наших реалиях показано то точкой, то прямой, то пространством. Прямая, точка и пространство тождественны в Боге, но различны в выражении Его – мы видим точку, прямую, пространство. Но все равно в наших реалиях все должно было быть сначала точкой. Точка тождественна прямой, после этого природа эволюционно усложнилась до плоскости (точка стала тождественной плоскости), далее эволюционно усложнилась до пространства (точка стала тождественной трехмерному пространству). И так далее. Всякое стеснение призвано уничтожить влияние разрушающего греха, а потому полнота Божественного, не смотря на Свою бесконечность, не чувствует Своего ущемления в чем либо и проявится даже в той самой толике малости связывающей наше отдаленное грехом частное с Божественным общим. Потому воспаленная природа в пределах этой связи будет свидетельствовать о Творце, опосредовано этой малой толики связи с Ним. Видимая нами природа с грехом будет свидетельствовать о Невидимом Боге своим подобием Ему, то есть поведением (оное постигаемо только умом) осколков-форм в пределах ограниченных свобод. Умное в поведении форм мы воспринимаем умом, только своим же естественным подобием – очищенным от греха разумом (движение планеты по орбите или исторические процессы). Также мы видим мир в триединстве. Чувственное распознает материальность мира, умное видит умопостигаемое единство мира в Боге, дух пребывает в единении со своим естественным и природным – с Богом. Именно по этой причине, когда мы поднимаем взор на Творца, обращаем на Него свое внимание, то сразу же весь остальной мир исчезает, теряет свое бытие в формах и в образе поведения. Мы в этот момент видим сущность мира, его внутренний мир, становимся единственными ему и он единственен Богу через нас.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира. Нам становится очевидным, что в пределах, обусловленных первородным грехом, элементарная составляющая мира воспринима-

ется нами как молекула или атом со свойственным для них течением времени. Хотя Начало всех начал всегда имеет образ бесконечно Великого, но в поле зрения абсолютно ничтожной из-за воспаления грехом чувственной природы попадает только лишь её подобие – ничтожное малое – точка. Мы видим только то, чем сами являемся. Вот откуда все это взялось¹⁰. Точка ничтожно мала даже для нас только лишь потому, что имело место быть свидетельство о бесконечно великом посредством поведения ничтожно малой видимой природы. Оно показывает нашему мировосприятию великую ничтожность воспаления грехом по отношению к бесконечному Божественному. Все существо мир вторит этому свидетельству.

В том же числе и все остальное. Для оскверненного грехом естества³⁸⁶ всякое развитие может представиться только трагедией, то есть в виде взрывообразного разрушения привычного, при котором, опять же, всякие течения в общем плане могли быть и будут не ничтожным разрушением, но только движением в одном направлении – возвращение в исходное естественное состояние во Царствии Небесном³⁸⁸. То есть возрастанием до такого состояния, которое максимально подобно Богу и даже должно стать с Ним одним единым. При этом следует добавить, что всё должно происходить только постепенно и в согласии с перечисленными критериями. Подобное являет себя только в своем подобии, свойственном для временных критериев. Разрушение, как производное греха – всегда временное мгновенное событие. В то время как восстановление свойственно уже Божественному, а потому великому, то есть всегда будет подобно великому, то есть абсолютно растянутым во времени, ибо Бог абсолютно великий. Вещи абсолютно не соизмеримые. То есть, чтобы уместиться Ему в нашей реалии, уже нужно бесконечно много времени, ведь Он бесконечен⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁰⁶. А так как чего-то иного, кроме Божественного, в бытии не существует и что-то иное не имеет силы и что-то иное, кроме Божественного, в данной реалии выразиться не может, а потому в эволюции может проявиться только Его Образ.

Движение в становлении в естественный образ, как реализация Закона Сохранения, может быть стимулировано только напряжением между отпавшим от Создателя творением и Им Самим в Замысле Бога. Вот это положение есть та самая точка, которая в позиции Божественного определения вмещает в себя всю полноту Сущности от альфы до омеги. А с позиции противоестественной Ему альтернативы, то есть с позиции нашего мировосприятия – это самая несовершенная форма исповеди о Боге – абсолютно ущербна(смотри⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻¹¹¹). И для пребывания в нашей сфере бытия для неё востребовано эволюционное движение к полноте выражения Его от альфы до омеги. То есть закрепощение в точке терпит только греховное разрушающее, а так как Божественное в Себе сие не несет и остается тем же, то полнота Его выражена как бы другим способом, теми гранями точки, которые в себе несут Божественные свойства – постоянство греховной пустоты, пустоты математического освидетельствования и Благодати Божьей освидетельствованной душой. Подобное порождает свое же подобие, то есть пустота должна родить свое же подобие – пустоту в чувственно распознаваемых образах форм. Но как выразить пустоту посредством формы? Пустота несет в себе элемент постоянства в чистом виде, который в формальном абсолютном виде будет выглядеть только окружностью (точка – это тоже окружность с радиусом ноль). Следовательно, все в этой видимой вселенной по форме будет созвучно или сопредельно, сопричастно, сообразно окружности. Звук – это образ тишины. Вне этого цельного и замкнутого нет жизни и окружность – первый самый примитивный элемент её⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁰⁵. (Хотя надо сказать, что постоянство может быть в ином(смотри ⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁷), а именно в приращении коэффициента кривизны. Тогда окружность превращается в спираль, один конец которой устремлен к центру ее, но центра оной никогда не достигнет. Также спираль может иметь иные виды – цилиндр или конусообразный вид. Это тоже не инородно пустоте, а потому имеет место быть, как устойчивая форма. Приращение в коэффициенте кривизны может иметь иные образы постоянства и даже как приращение приращений в множественной степени. Это также

не инородно пустоте и имеет место быть. Каждому такому образу постоянства соответствует устойчивый порядок, свой уровень стабильности-корпускулярности энергии. К примеру, тело находящееся в состоянии покоя и движущееся равномерно – два уровня стабильности, которые имеют различные природы, но в обоих случаях не инородны пустоте. Но, следует сказать о том, что это два разных природой тела. В первом случае, у тела нет энергии скорости, а во втором есть. При взаимодействии столкновения одно тело получает энергию и мы видим, что из ничего рождается новая реалья(смотри 777-01-222). Теперь оба тела движутся. Эта реалья остается сообразной пустоте. Вопрос в ином, а именно в том, что сие выпадает из поля зрения человека или предстает перед нами только модус-конечное свидетельство, которое мы имеем природную возможность восприниматься чувственно – в образе круга. Мы из всего того контента множеств приращений в самых высших степенях, можем видеть только то, что оказалось в поле зрения, в области наших возможностей воспринимать это явление – мы видим окружность и то, что ей сообразно. Также как мы видим организм человека, хотя в поле зрения нам попадает только модус-производное от всех тех внутренних процессов, которые происходят внутри его. Иными словами, всю гамму множества проявления постоянства нам распознавать остается только косвенно. Пустота предстает перед нами как структуризирующее(смотри 777-01-7) начало. Всякое развитие саморазвольно происходит только в пределах структуры и потому не инородно пустоте. Хаос пребывает в пустоте всегда и потому при взаимодействии с ним становится структурой. Это важно заметить, ибо всякая ученая доктрина оказывается не самой по себе, а частью структуры и ученый должен теперь думать совсем иначе – он должен заявлять о структурирующем влиянии пустоты только в прообразе оной на своем понятийном языке. Таким образом, атеист вынужден считаться с влиянием Божественного таким вот специфическим образом свидетельства о Нем. Точка является абсолютom совершенства структурном плане. Ибо данная структура является абсолютно оптимальной при абсолютном подобии пустоте 777-01-7.00. Следовательно все будет двигаться в рамках прообраза этого абсолюта и к наибольшему подобию этому абсолюту. Точка порождает пространство в своем прообразе. Точка и пространство тождественны.

Повторюсь, с одной стороны, с позиции природы с грехом точка есть самое не полное во всеобъемлющей многогранности, то есть граница в чистом виде, первопринципом отличия от пустоты. А с другой стороны, хотя и несовершенное, ограниченное, являющаяся начальной формой и законодателем-первопринципом грядущего разрушения-взрыва, но по-прежнему остается самым совершенным прообразом пустоты, то есть свидетельством о Творце.

Всякое производное точки несет в себе ее свойства 777-01-7.01 А именно, все вокруг несет в себе окружности, прямые и точки во множественных совокупностях. Но это не есть пустота, а только специфические способы её выражения в этих множественных совокупностях точки, прямой и окружности. Но опять же это есть выражение пустоты и нам востребована только живительная пустота⁴³. Человек опосредовано носителей пустоты ищет именно эту пустоту во всем. Гегель говорит называет музыку звуками из Царствия Небесного, но он не был православным, ибо звук – это уже только лишь оттенок Царствия Небесного, также как самая красивая мелодия, является совокупностью циклов (то есть окружностей, линий и точек), а потому все равно остается только лишь оттенком Царствия Небесного. Музыка – это, как и звук, образ тишины, на ином уровне мировосприятия. То есть настоящая же полнота не во всеобъемлющности выражений звуковой пустоты, а в самой этой тишине. Настоящее наслаждение в абсолютных тишине, в темноте, в иных формах бесчувствия – это естественный фундамент богобщения. Какую-то грань этого бесчувствия практикуют индуизм. В Православии же тишина динамична, также как водная гладь реки. Зеркало водной глади обязано своим бытием течению вод от источника в океан. Бог молвит Свои Слова неизреченной красоты именно безмолвием. Вокруг этого крутятся все религии мира и древняя славянская традиция – в том же

числе. Мы наслаждаемся не образами тишины в звуке, как Гегель, а беззвучной речью самой этой тишины. Тот, кто услышал Слова Бога хоть раз в жизни, тот становится пленником этой радости навсегда, он идет на любые ограничения и на любые жертвы собой, чтобы быть в этом счастье навечно и рассказывает нам о своем счастье понятийным языком своей современности. Так возникла речь, потом письменность, научный прогресс – как разные оттенки религии.

То есть данная точка во Царствии Небесном ведёт себя так, как это ей естественно, а когда попадает в греховную среду³⁸⁶, то всё то же самое Естество Царствия Небесного, чтобы выразить прежнюю полноту своей природы уже требует развития до полноты многогранности. Два состояния тождественны между собой¹² в Первоначале, но различны в образе выражения Одного и Того же. При этом следует сказать, что с позиции Божественного для этой точки времени нет, зато с позиции всего временно преходящего время есть и оно заложено в задающем образ соотношения первопринципе развития, а потому безвременное божественное должно выразиться во временном только в образе Божественного, в уникально выраженном единстве – непрерывным развитием соединяющем начало и конец в одно, специфично формируя образ одиночества Бога во Вселенной и Его единства в обозреваемой непрерывности причинно-следственного механизма, что исключает всякое прерывание во времени движения к совершенству. Образ того и образ другого одновременно должны выразиться на природе жизни, если она есть творение Божье. И это выражение мы видим, ибо Бог живой и все живое тоже должно иметь это единое целое, цельное, замкнутое в цикличном движении от начала к концу. Временное ничтожности греха должно совместиться с Божественной бесконечностью. Ромашка в поле растет от семени, при котором сам процесс возрастания обуславливает видимость стабильности бытия растения, как неизменной стабильности образа. Достаточно того, что нет искажения образа Творца, нет искажения исповеди Бога в специфике понятийного языка свидетельства о Нем, а потому, не смотря на фантастические, граничащие с чудом эквилибристики формы образа живого торжества над смертью (цветок стойко держит бутон над землей своим тоненьким стеблем) жизнь продолжается даже в таком вот невероятном виде. Но эта фантастичность выражения Первообраза ничего не значит. Так как нет нарушения цельности единого, то и нет покусения на жизнь – жизнь возможна даже в таком проявлении реальности. И ведь бутон соцветия твердо стоит против ветров и дождей. Но стоит хоть в чем-то чуть-чуть нарушить единство, как тут же теряется Образ Божий и мы видим, что стабильное состояние сменяет процесс разрушения – наступает смерть от какой-то, казалось бы, мелочи. Повторю ещё раз, так как живое обусловлено только Божественным, то бытие Его в разных условиях становится различным выражением многогранной цельности полноты в той специфике, какую навязывает новая реальность инобытия, в лосевском понимании этого слова (это важно понимать каждому из нас, ибо жизнь постоянно нас куда-то бросает и в каждом условии бытия следует дать свободу самоопределения только Божественным свойствам души, то есть дать возможность самовыразиться Божественной Сущности в окружающей реалии человека, опосредовано нашего деятельного присутствия). То есть в одном случае и при одном условии, жизнь явлена с горчичное зерно, а в другом случае, та же самая реальность живого, но уже пребывающего в ином прообразе – в инобытии, во Царствии Небесном, адаптируется в новых условиях только теперь уже в ином виде – горчичным деревом с огромной кроной. Но в том и другом случае неизменным остается Божественная сущность с Её прежней цельностью и с прежней всеобъемлющей полнотой жизни. Это одно и то же, но по-разному воспринимаемое. Божественное борется за свое бытие в данной реалии и в победах являя нам свои различные образы соответствующие свойствам природы. Это противоречие между Божественной Полнотой и ничтожностью греховной реальности стало той самой внутренней стимулирующей пружиной, которая распрямляясь становится бесконечно многогранным двигателем эволюционного становления истории³⁸⁶, реализует все свои внутренние свойства во внешнее обо-

зреваемое проявление с переменной образов выражения обоих реалий свидетельств о Творце (семя-организм). Иными словами, Вселенная так и осталась составляющей Царствие Небесное, но только видоизменилась, обрела иную обозримую реальность после того, как произошло грехопадение.

Исходя из этих положений, нам открывается возможность дать определение экстазу. Экстаз – это отрешение сознания, возвращение в родное прежнее инобытие Царствия Небесного. Это естественное состояние живого, самовыражающееся в самых различных сферах деятельности человека, вне коего жизнь невозможна, ибо именно это и есть сама жизнь. Озарение, приходящее на творческую личность или нисходящую на личность, пребывающей в поиске Истины, к примеру, для ученого или поэта, или художника, или командующего в бою – это только лишь проявление какой-то грани экстаза в данной сфере умного делания человека.

1.0.-45(а) Если это трагическое событие отпадения от Бога действительно имело место быть, то, исходя из всего сказанного ранее, в каждой микроне мироздания сие обязано быть составляющей, должна отразиться сама эта трагедия грехопадения, а точнее должны стать сутью жизненной яви оба его состояния (от точки до какого-то специфического образа полноты выражения Бога). Если сие действительно есть, то мы оно можем разглядеть. Для начала выделим некоторые грани и синтезируем их единый образ.

Это означает, что природа двоичная, одновременно содержащая в себе и всеобъемлющую полноту причастия ко всему Божественному (открывающейся разуму со всеобщего обзора, то есть с высоты (в простоте, в чистоте), что свойственно первозданной реалии Царствия Небесного) и эту же полноту, только уже не всеобъемлющую, а полноту в пределах нашей природной возможности зреть её односторонне и в пределах природной возможности вмещать в себя эту полноту и свидетельствовать о ней³⁸⁸. В одномерном пространстве, которое мы вычленим из многомерной реалии бытия для удобства анализа, единство Божественного теперь принимает вид той же одномерной непрерывной последовательности непрерывной цепи причинно-следственного механизма, в коей постепенно и удобоприемлемо нашему восприятию выражается слово о Боге во множественных подробных частностях. Одновременное присутствие обоих состояний Вселенной (до грехопадения и после оногo) в каждой микроне видимой природы мира неизбежно должно быть распознаваемым и нам дано его видеть только опосредовано своего подобия ему – именно этот прообраз одномерного пространства, а именно срез береговой линии⁴³ проходящей в нас самих же в виде тождественного различия, то есть границы в чистом виде или отсутствием величины несовершенства, или в виде прообраза совершенства, то есть пустоты несовершенства или границы в чистом виде. Крепость, упругость, твердость – это разные имена пустоты, которые выражают ее свойство неизменчивости. Просто подобное рождает только свое подобие во множественных оттенках, в том числе в данном качестве.

1.0.-45(б) Сделаем обобщение и сформируем некоторые критерии. Божественное наделено абсолютной крепостью, то есть не может быть измененным, а потому всегда остается вне обозрения⁷⁷ нашими органами чувств, то есть в обозреваемой нами природе могло возникнуть зримое подобие Его – хвост. Неизбежно, этот хвост имеет образ стабильности(смотри 777-07-7.3), как порожденный стабильностью-постоянством (хотя в нем происходит движение), ибо подобное рождает только свое подобие⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Это первое. Второе, сама схема выражения должна иметь только такой вид и только в пределах выражения стабильности: от простого к сложному, то есть в пределах того же образа, какой имеет Природа, породившая обозреваемый нами хвост: из малого простого происходит возрастание к более полному утонченно-многогранному свидетельству и специфическому пониманию о Боге в пределах подобия порождаемого породившему. Из-за этого мы видим стабильность бытия материи. Как материя она может только так восприниматься. Третье, природа поражённая грехом ограничена в возможностях по отно-

пению к Абсолюту Божественного, то есть возможности выражать полноту Божественного, исчерпываются несовершенством и ограниченностью природных свойств, а потому позволяют только как-то односторонне свидетельствовать о полноте, а не быть всей всеобъемлющей полнотой Его Естества. И четвёртое, Божественное проявление в природе воспалённой грехом обязано свидетельствовать о всей абсолютно полноте Божественного от начала до конца в рамках ограниченности. Пятое. Единое всегда тождественно непрерывности всякой последовательности, отчего проявляется зримо воспринимаемый образ стабильности. Это одно и то же, также как человек пребывает на берегу и тот же человек в текущей воде тождественен самому себе же – ему естественно быть только в той же радости. Изменилось чисто внешнее условие – теперь он пребывает в глубокой воде реки всеобщей относительности мира. Ведь теперь, чтобы, как и прежде быть в естественном себе состоянии покоя, то есть, чтобы как прежде стоять на месте в текущих водах, необходимы инструменты для поддержания себя в данной кондиции – нужна плоть и физические нагрузки ее – для того, чтобы держаться на поверхности в глубокой воде – нужно плыть. То есть сам он остается тождественен самому себе как на берегу, так и в реке. Не тождественны те реалии, в коих это тождество выражается, а потому предстает перед нами в ином облики, утверждая в нас заблуждение о том, что это разные сущности живого. Таким же образом, единство Бога обуславливает неразрывность последовательности, ибо в противном случае живительное единство в земных условиях невозможно. И так все вокруг, все тождественно между собой, но различно образом адаптации. Шестое, прежде чем возможности свойств среды, в которой происходит адаптация Божественного, будут исчерпаны способностью выражать полноту Его, должно произойти законченность выражения полноты. Мы можем адекватно обозревать только свое же подобие, хотя, может быть, односторонне – такую же как мы сами законченную в себе замкнутую полноту, ибо только в этом случае полнота уместается в пределы возможности нашего человеческого анализа. В противном случае, сие окажется вне поля зрения органами чувств, или вовсе исчезнет из бытия. Седьмое, самотождественное различие инобытия проявляется также в упругости, как форме выражения Закона Сохранения, созерцаемого в пределах времени³¹¹. Восьмое, чувственно воспринимаемая греховная пустота Божественного, чем наделено живое¹³, обретает свое воплощение. Организм – это образ греховной пустоты, отразившейся на природе воспаленной грехом. Отражение сие воспринимается односторонне в пределах способности нашей чувственной природы охватывать Божественное.

Это можно продолжать бесконечно, но исходя из перечисленных критериев, развитие до совершенства во греховной среде не может быть бесконечным в одном, но обязательно бесконечно в другом. Свойства природы не позволяют ей воспринять в себя весь бесконечный абсолют полноты, а потому развитие доходит до какого-то момента, после коего начинаются разрушения. Но в пределах этих ограниченных свойств эволюция идти бесконечно по пути усложнения, благодаря чему вся полнота Божественного выражается уже иным образом, но в тех же пределах этой ограниченности^{666-01-7.1}. То есть в этом направлении движение бесконечно⁴⁵⁷.

Итак, в данной реалии присутствуют обе составляющие: одна абсолютно временная греховная; другая – абсолютно вечная. Два крайних абсолюта в сумме дают нечто, наделённое какой-то степенью абсолютно вечного Божественного и в это же время какой-то степенью временного и греховного абсолютно ничтожества. Вроде бы есть некоторая протяжённость во времени, как некоторая степень свойства вечного, как родственное бесконечному Божественному и, в то же время, есть и конечность, как свойство падшей, абсолютно ограниченной природы оскверненной грехом. И то и другое выражается на природе распознаваемых вещей.

Это следует принять по условию стоящей перед нами задачи: так как свойства не позволяют, то на этом этапе развития возрастание останавливается, являя нам специфический

односторонний образ Творца. Но, как мы знаем из свойств жизни, если нет возрастания – нет и жизни (если нет притока воды в реку, то река высыхает и вместе с ней исчезает то, что привычно видеть – голубая полоса водной глади²⁵⁸). Итак, движение к Божественному подобию, заложенное в самом обожении, не упраздненное порчей грехом – естественное свойство всего живого. То есть сразу надо оговорить следующее, что естество Царствия Небесного (в том же числе в поражённой грехом природе) обнаруживает себя для нашей возможности обозревать, пребывая только лишь в состоянии постоянного развития к совершенству Творца. Благодаря самому внутреннему процессу становления, движения, эволюции к лучшему всякое явление предстает перед нами как обозреваемая стабильность. То есть живое стабильное безвременно-вечное выражается в движущемся временно-конечном и изменяющемся, а потому предстает перед нами и как реальия постоянства формы, возникшей в процессе внутреннего движения, наделённой данной спецификой (сформированной требованиями полноценного бытия в окружающих обстоятельствах). *Проявление жизни в поражённой грехом природе* происходит только лишь благодаря постоянному внутреннему движению в пределах ограниченных свойств природы в сторону более качественного выражения полноты в сторону усложнения и движение сие может быть только возрастанием до образа и подобия Богу. Безвременное Царствия Небесного отражается как в зеркале во временном, формируя чувственные образы Царствия Небесного в данной реалии нашего естества в изменяющейся искажённой грехом природе. То есть эволюция природы человека могла идти только в совершенствовании внутренней природы организма, а не в сторону укрупнения^{666-01-01.01}.

Жизнь – есть Божественная полнота, которая в разных реалиях по разному предстает перед взором. Это также как один и тот же предмет мы измеряем разными единицами измерения. Разные мерки дают разные значения одного и того же, но во всех случаях они тождественны. То есть мы способны только ее видеть, но в разном облике^{666-01-01.02}. Если во Царствии Небесном ей естественно быть тем, чем она представлена нам в Книге Бытия, то в иной реалии эта же полнота Божественного, естественно явленная в той же абсолютной чистоте и простоте, попав в иные особенные условия данной реалии звучит уже на ином понятийном языке или на ином языке функционального выражения, свойственном для этих условий в коих оказалось Божественное влияние. И теперь Божественное обозревается нами не только в непосредственном общении с Личностью Творца, но и в иных тождествах сему – в том же числе через иное естество, общее с Богом: развитием причинно-следственного механизма, в последовательно-постепенном, поочерёдном приобщении ко всей полноте Божественного (смотри ^{666-01-01.02}) во всех гранях полноты, ибо жизнь в поражённом грехом мироздании возможна лишь в движении к полноте и в том же числе в многогранности Божественного. Ведь если огонь окажется вблизи камней, то камни начинают свое внутреннее движение до образа и подобия огню – они нагреваются. Поэтому одно и то же, только по-разному отражено. Это как осьминог, который не смотря на его размеры пролазит сквозь дыру размером с шарик пинг-понга (постепенно и поочерёдно сначала протекают через неё одни волокна к примеру, щупальца, потом другие не разрывая живую связь и животворное единство в прежней субординации значения для жизни, а потом протекает вся голова). Это одна и та же Божественная полнота живого только в разных реалиях самовыражения, как говорит великий А.Ф.Лосев. Вся беспредельная полнота природы Творца проходит через ограничение в чистом виде, то есть в виде точки, то есть в образе причинно-следственного механизма.

Что такое тождество? Это абсолютная схожесть. Вопрос в ином, как могут быть тождественно схожими реалии выражения одного и того же в разных природах с разным естеством. К примеру, человек на суше не нуждается в каких-то действиях, а тот же человек, попавший в глубокую воду уже гребет руками. Это тот же человек, самотождественен самому себе. Так везде. То есть, если говорить об абсолютной схожести, то это будет иное имя абсолютной неизменности, которые, как мы знаем, присущи только одной природе этого бытия – абсолютной

пустоте. Но абсолютная пустота, как уже сказано ранее, является чувственным освидетельствованием пустоты греха¹³, ибо мы распознаем Бога (счастье быть здоровым) только через то, что Им не является, то есть покушается на нашу природу (наносит травму в разной степени силы). Это такое свойство природы познания падшего человека. Так как Бог абсолютно свят, то, при попытке познания Его, от Него мы не получаем ран, но только живоносные энергии, а потому не видим Его влияний³⁸⁷. Следовательно, если говорить о тождестве вообще и во всех смыслах, то значит упоминать ещё об одной грани Божественной природы Творца, то есть о греховной пустоте в нашем восприятии. Переложив на язык математики⁵⁸⁵ (а это для нас важно, ибо математика – это самый авторитетный инструмент науки, востребованный для постижения умом происходящего) перед нами предстает ряд самых элементарных составляющих природы, свойственных самой кромке этого мироздания, за коей уже пропасть небытия – с этим нам приходится иметь дело. Точка, прямая, плоскость, пространство и так далее – способы выражения одного и того же тождества в разных природных реалиях Вселенной³⁹² – Божественной пустоты для греха, невозможности чувственного освидетельствования⁹².

Нам естественно позиционировать себя только с Началом всех начал, но, к сожалению, мы часто это делаем без непосредственного общения с Личностью. Из-за этого мир для нас перестает быть монолитным и обретает границы сколов, то есть формы фигур. *Поиск истины всегда сопряжен с поиском начала явления, то есть мы ищем причину события, ее границу в чистом виде. Но это только вне беседы с Личностью, а в беседе с Ним точка перестает быть границей в чистом виде и становится гранью Тела Божьего, которое мы пытаемся выделить и придать противоестественный крен*¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹². В пределах нашего обозрения оказываются все начала движений, за пределом начала коих таится непознаваемое. Но, не смотря на это, всякое движение одновременно и неизбежно будет исповедовать два состояния бытия и эти(смотри¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹²) два представления об Истине, о коих мы заявили выше(смотри¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹²). То есть все плохо совместимые пути, обуславливающие бытие форм, после некоторого предела оказываются разделёнными вовсе и неизбежно должны расходиться ^{666-01-01.02}. Но по природе своей является и то, и другое в пределах возможности вмещать в себя движение к абсолюту(смотри ^{666-01-01.01}). В пределах нашей природной возможности созерцать, мы какое-то время видим плохо совместимые пути вместе, то есть соединяющимися(смотри ^{666-01-01.01}). Как этот развод должен проявиться перед нашим взором³⁸⁵? Они, в пределах возможности ограниченной грехом природы умещать в себе всех их, какое-то время предстают перед нами как части одного единого целого. А, так как они расходятся³⁸⁵, то это явление в наших глазах наделено свойством временности и предстает перед нашим взором формами – этому условному периоду дадим наименование бытийной единицы. Мы видим перекрестие только так, как и мы сами, в самом этом перекрестии, то есть вне его – где-то в бесконечности наша природная возможность созерцать реалию мира исчерпывается природной ограниченностью. Если бы расхождения не было, то явление не подобно нам в первородном грехе и потому ускользает от нашего восприятия, ибо, неся в себе воспаленную грехом природу, мы чувственно воспринимаем вокруг свое же подобие – все то, что временное, то есть пребывающее в процессе развития распада и попадающее в поле зрения в момент расхождения на составляющие.

Итак, всякое познание реальности возможно только в пределах ограниченности природы познания человека. Так как все варианты выражения тождественны в Первообразе, имея одну природу в Нем, но разнолики в образе выражения её, то есть разнолики в образе выражения одной и той же Истины, то неизбежно пребывая в единстве по природе тождества, они плохо совместимы в вариациях выражения тождества Первообразу и потому либо все явления остаются в каких-то пределах едиными, либо расходятся с первых мгновений развития. Следовательно мир, в прообразе человека, внешне делится на совместимое и несовместимое, оставаясь

единым. Но, как я сказал, всякое распознаваемое разумом через чувства расхождение станет видимым только после некоторого также известного предела, обусловленного свойствами природы с грехом. Переименовав Лосева скажем, что один всегда будет выделяться от другого и при этом пребывая в родовом единстве по естеству общей для обоих Причины. По определению о живом, жизнь требует возрастания в более сильном подобии Творцу и до абсолютного подобия Ему – без этого ее бытие невозможно. И, так как возрастание имеет место быть, то исходя из всего прежде сказанного об ограниченности чувственной природы восприятия и сказанного об ограниченных природных возможностях, предел возрастания в границах природы, а точнее предел Его восприятия и природной возможности вместить в себя все это возрастание, всегда неизбежен. Это когда свойство природы и степень возрастания становятся не совместимыми, приходит так называемая старость. Поэтому, дабы избежать этой смертельной крайности эволюционное становление до образа Божьего идет по иному маршруту, лишь бы только оставаться в природных возможностях более сильно приблизиться к Богу. Не количество и не величина подобия Ему, а качество(смотри666-01-7.1). Именно так на Земле появилась жизнь с именем человек. В этом естественный отбор.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Мы видим то, что для нас привычно. Явления либо едины в роде или по тождеству инобытия естественного первопричины, либо инородны по выражению этого родового тождества или Истины. Так и мир в привычных для нас пределах обозревания делится на два вида единого³⁸⁵: либо единства, как целого, либо это же единое явлено иначе – во множестве частных во время взрыва или в процессе упругого столкновения, или взаимодействия. Подобное рождает только свое подобие, а потому образ единого до взрыва имеет тот же образ единого, но представленного нам иначе – согласно Закону Сохранения Его Образа. Иными словами, не ведая о том, как выглядит мир, в общих чертах делаем предположение о том, как он устроен в некоторых гранях его бытия – в пределах единства первопричины⁴⁵⁷. Главное, нам на основании Бытия Бога и знания некоторых Его свойств, стала бы ясна природа корпускулярного свойства элементарных частиц. Это утверждение станет востребованным, когда мы будем обсуждать вопросы физики.

Продолжим. Если мы сравним точку пребывающую в покое и эту же точку движущуюся, то, с одной стороны, они одинаковы или самotoждественны. А с другой стороны – нет, ибо точка и точка в движении – суть различные образы Одного и Того же во Вселенной. К примеру, Солнце на небосводе есть светящийся диск, но в ином состоянии Вселенной, когда Солнце на закате и мы стоим на берегу моря, то мы видим уже световую линию, соединяющую нас с краем земли и тоже светящуюся. И диск, и эта соединяющая прямая излучают свет, но образы свечения различны000-пример?????. Это можно сказать иначе: точка в покое имеет пустоту движения, а точка движущаяся – это величина или бытие движения. То есть покой и движение соотносятся, как чувственно воспринимаемая пустота к чувственно воспринимаемому бытию – из ничего вдруг возникает нечто. Также точно соотносятся точка и пустота. Ведь абсолютно малая величина все равно остается величиной, хотя и абсолютно и бесконечно малой. Величиной или бесконечно малой степенью распада, ибо созерцанию поддается только процесс распада.

Также соотносятся прямая (бытие или величина протяженности) и точка (пустотой или полем протяженности) – образы постоянства, образы одного и того же, явленных в различных состояниях Вселенной. Или можно сказать иначе, что это один и тот же бытийный элемент, но только в разных инобытийных природах собственного самовыражения(смотри_000-пример). Что такое инобытие? Давать определение сложно, но исходя из некоторых примеров можно получить некоторое представление. Когда точка абсолютно покоится, тогда на неё распространяется один пакет законов. Когда она движется, то набор законов, которым она подчиняется,

совсем иной. То есть, если точка начала передвижение, то она перешла в инобытие, то есть как бы родилась для инобытия, наделившись данной новой природной реальностью, попала в поле зрения иного набора законов. Также как заяц, попал в поле зрения иного подобия себе, когда начал движение. То есть покоящаяся точка всегда обладает множеством степеней свободы до того самого момента, пока она покоится и не начала какое-либо движение. То есть пока покоится, она имеет возможность выделиться в сфере возможности постижения разумом посредством чувственной природы. Но каким бы данное инобытие не было, оно всегда будет пребывать в пределах свойств покоящейся точки, в границах её бытия и, иными словами, всякое инобытие – частное, специфическое и уже одностороннее выражение полноты посредством проявления свойств её какой-то грани. Точно также следует сказать о ноле и числовом ряде или системе координат. Всё это есть свидетельства о постоянстве разноликой абсолютной пустоты, только (будем говорить более ясным понятийным языком А.Ф.Лосева) с разным первоначальным принципом, задающим план реализации в инобытии, оказавшимся в поле нашего обозрения. В одном случае, это число; в другом – прямая; в третьем – плоскость или пространство и даже абсолютная разноплановая бесконечность. А в самом первом случае – это движение, как ещё одна множественная форма проявления первопринципа, задающего специфику и закон формирования реальности и выражающего в своей сфере инобытия какую-то уникально сложенную картину мира или даже материальную реальность¹⁴. Это замечание для нас важно по той простой причине, что в пределах возможности обозревать и познавать мир перед нами разыгрывается именно этот сюжет, форму и образ которого задает первопринцип начала, коим стало грехопадение. Повторюсь, для упрощения выражения сказанного, мне думается целесообразным назвать пределы чувственно воспринимаемого пространства (смотри 666-01-02) (первопринцип) *бытийной единицей*³⁰³. Это удобно для того, чтобы в её пределах делать зарисовки и ясно себе осознавать то, как они перед нами должны представиться. Бытийная единица³⁰³ – это пространство реализации первопринципа в законченной полноте (смотри 777-01-11(а)), ограниченное первым числом после ноля, в пределах коего имеют чувственно распознаваемое значение многие формы развития. Когда природа человека ещё не была оскверненной грехом, в поле её возможностей чувственного обозревания была бесконечность Творца. Природа не терпела разложения, а потому познание Его не требовала той безопасной для богообщения удобоприемлемости, не могло быть первопринципа, задающего специфическое выражение образа Божьего в сфере нашего мировосприятия, а потому бесконечность была тождественна природе бытийной единицы, как иное имя Первобытия на понятийном языке данной обыденной, привычной реалии Вселенной 777-01-11(б). С другой стороны, бытийная единица в точке – это граница в чистом виде, ибо нет никакого развития, но закрепощение, стеснение бесконечного мира в чистом виде 777-01-11(в). И то, и другое – крайности, между коими имеет место быть созерцаемая Вселенная. Эта установка базовая для дальнейшего движения в реалии квантовой физики, в глубины коей нам предстоит войти. Войти не просто так, лишь бы войти, но войти удобоприемлемо постепенно во всей полноте своей природы. В противном случае, научным это никогда не станет, ибо нам не распознать в данной реалии свойственные для личности черты, а это означает, что мы не услышим Слово Божье, Кое молвит к нам Он. Мы должны выполнить безопасное для полноты себя погружение в утробу ядерных процессов, чтобы хотя бы в общих чертах нарисовать закон внутреннего мира, форму взаимодействия двух реалий, одна из которых – абсолютное постоянство греховной пустоты. Это важно, ибо только в этом случае ядерная физика не будет угрозой для всего человечества. И уже сейчас нужно сказать важное о том, что этот закон будет когерентным к естественным процессам вечной жизни со всеми теми свидетельствами о ней, кои мы здесь обсуждаем. Просто ядерные процессы – это наше естественное подобие, ибо в пределах нашего естественного подобия существует мир, как образ межличностных отношений Бога и человека. То есть какие бы реалии не открывались

бы во внутреннем мире материи – оное все равно остается инобытием Истины, Её подвидом, свидетельствующим об изначальном первоначале – своем роде. Это видно ещё исходя из того, что точка, в каком бы она не была образе самовыражения, остается тождественной самой себе в любой природе инобытия. Видов инобытия множество, но точка в них остается той же реальностью, за пределы свойств природы которой Вселенная выпасть не может. Точка – это только лишь то, что попало в поле зрения из-за ничтожности⁴⁵⁶ первородного греха человеческой природы, а потому и зреть мы можем только подобие себе – чувственное ничтожество, то есть точку⁴⁵⁶. Точка – зримое нами через призму греха реалити бесконечности. Именно по этой же причине, галактические монстры вселенной «видят» друг друга на расстоянии многих мириад световых лет, как самотождественное различие инобытия точки³⁸⁵. Ибо это зримое взаимодействие изначальных элементов природы простоты в пределах бытийной единицы³⁰³, усложнившихся в процессе эволюции до этого образа, воспринимаемого органами зрения человека.

1.0.-46. То, что подобно Богу во множественности граней и полноте проявления, является живым и только поэтому уже находится в возрастании и притом только через свое своеобразно уникальное подобие Ему к абсолютно всеобъемлющей полноте Божественного. Известно, что мир – это единство и борьба противоположностей, в пределах коих происходит выражение всех свойств Его. А если этим понятиям дать иные имена, востребованные для обсуждения иной темы диамата, то есть о движении от простого к сложному, то получим, что мир – простота и её множественные усложнённости в пределах простоты. То есть усложненности, в общих формах проявления, остаются в тех же внутренних пределах подобия ей, простоты, как частное остается в пределах общего, ибо подобие рождает только свое же подобие. Иными словами, усложнённость возникает как внутренний процесс в пределах подобия простоте, как частное в пределах общего. Потому и подобие Богу возможно одновременно в двух реалитях и в простоте, и во множественной усложнённости оной¹⁵, ибо усложнение всегда может идти только в пределах подобия Творцу. Он остается законодателем всякого усложнения, в коем проявляется иное свойство Творца – многогранность. Но если развитие до пределов полного подобия Ему в усложнении в какой-то момент исчерпывается возможностями природы в данном свойстве, то эволюция в пределах данных реалити, чтобы продолжать идти к полному подобию Ему сворачивает с прежнего направления и ищет то свойство в своей природе, которое имеет способность к этому движению до полноты свидетельства. Но процесс становления будет всегда, в противном случае жизнь невозможна. То есть сам процесс становления цепляет то одну грань естества, то другую. То общее, то частное в единстве и борьбе противоположностей. В зависимости от того, какая грань позволяет эволюции идти дальше к совершенству в Боге. То простота, то усложнение. То общее, то частное, ведь и то, и другое – составляющие одного.

1.0.-47. Тут лучше следовало бы прояснить ситуацию. Согласно математическому анализу, движение эволюционных токов всегда множественное и во всех направлениях, но оказывается в области нашего мировосприятия только то, что наделено вечностью. Ибо всякое временное, хотя и имеет место в бытии, но нам не известно или недоступно, так как оное ушло безвозвратно. В этом также соотношение общего(вечного, простого, общего, бесконечного) с частным(временным и ничтожным). Поэтому если есть эволюция развития в истории, то движение её стремится выразить как можно более полно то, что болееечно – простоту³¹². Простота вечна, а всеобъемлющее её усложнение в структуре – временно³⁸⁵ (такова природа человека, совмещающая в себе две противоречивые крайности). Отсюда вытекает очень важное для нас следствие. Чем глубже в природе происходит выражение Божественного, тем дольше по времени идёт адаптация Его свойств, тем дольше происходит возрастание до Божественной полноты – Бог абсолютно велик. Простота и сложность в процессе становления мира не исключают, но всегда дополняют друг друга, просто первое представлено общим и вечным, а второе

частным и временным⁴³. По этой причине, чем лучше адаптирована простота, тем глубже и сложнее выражение оной в процессе эволюции на естестве жизни. Точнее будет сказано не «выражение простоты» в естестве жизни, а её способность пребывать в земных условиях наиболее долго. Качественно усложняется и совершенствуется только способность сохранять простоту в условиях окружающего мира и потому, повторяюсь еще раз, усложнение идет в пределах простоты. Так как человек – самое совершенное и сложное существо на Земле (так говорят ученые), то отсюда следует, что процесс, не смотря на всю его простоту организма, усложнения в становлении эволюции к Образу Его в данном направлении происходил дольше всего и потому именно он появился раньше всех форм эволюции, сохранив в себе все элементы прежнего примитивного организма. Человек появился первым на Земле, если рассуждать с нашей позиции познания мира, пораженной грехом. Ни травы и ни иные живые существа, а человек первым возник в земных реалиях, распознаваемых природой несущей поражение грехом³¹³. Так как человек способен созерцать весь окружающий мир, то это говорит о том, что человек его родил. То есть множественный мир стал множественными ответвлениями от ствола эволюции человека. Вселенная вышла из человека, из его внутреннего мира³⁸⁵.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Человечество, в лице его научной элиты, пытаясь привязать научные явления к железной логике математического анализа, шло на хитрости, то есть включало в набор инструментов для суждений о мире такие понятия, которые по своей природе естества с логикой вещей никак не связаны, но они есть. Ученое сообщество гнушалось акцентировать на этом внимание, хотя без помощи этих инструментов вести расчеты процессов в природе не представилось возможным. К примеру, какова природа функций $\sin(x)$, $\cos(x)$? Или как распознать в окружающей реальности мнимое число, которое успешно используется в расчетах электрических цепей и подъемный силы крыла в аэродинамике? А ведь по большому счету, исходя из всех предыдущих суждений – это есть связь с потусторонним миром¹⁶. Но что это за связь? Как её пощупать рукой? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вооружиться соответствующим набором инструментов. В поле нашего зрения попадает только явление столкновения, на основе реализации коего мы смеем делать какие-то заключения. Исходя об определении об этом явлении столкновения имеют два вида: упругое и слипание. «Дело в том, чем глубже в природе происходит выражение Божественного, тем дольше по времени идёт адаптация Его свойств, тем дольше происходит возрастание до Божественной полноты – Бог абсолютно велик». В этих пределах разворачивается сюжет всякого взаимодействия, который, оказавшись в сфере возможностей адекватного наблюдения, с одной стороны смотрится как связь, а с другой стороны отторжение или взрыв. Хотя и то, и другое – суть столкновения, более Божественное выражается в более продолжительном взаимодействии по времени и выглядит как связь, как слипание. Что-то иное – упругий отскок – как временное и мгновенное. И то и другое остается в нашей сфере бытия Вселенной со своими именами, то есть не является потусторонним миром мнимой единицы, но только косвенным свидетельством о нем. Это высказывание нам пригодится при обсуждении общего плана физики внутреннего мира материи.

1.0.-48. Полнота Божественного возникла не где-нибудь и не случайно. Полнота Божественного – это имя живого, заключена в живом в пределах природы той тварности, которая была задана Богом ещё во Царствии Небесном. Полнота Божественного всегда была и остается условием бытия всего живого, её природой и даже первородный грех ее не упразднил, но только лишь воспалил. Теперь в рамках возможности падшей природы, в границах абсолютно ничтожного, эта бесконечная полнота может проявиться только и еще раз только бесконечно долго, то есть очень постепенно без нарушения цельности по законам (нежного) причинно-следственного механизма и в пределах нежной и слабой возможности отражать эту полноту более каче-

ственно и многогранно. Но это совсем не означает, что мы можем применять свойства временного к природе вечности Царствия Небесного. Величина временности Царствия Небесного равна нулю, но Его присутствие имеет место быть. Это и есть точка, в которой слились противоречия в одно – присутствие есть, но величина временности равна нулю. Величина временности бывает разной от нуля до бесконечности. Очевидно одно, что время, как свойство грехопадения, не властно над теми высшими сферами, а потому изначально мы должны быть готовы к тому, что у этого мироздания две его составляющие: Царствие Небесное и то, что стало Его отчуждением из-за поражения грехом. И мы пребываем в обоих одновременно.

Вообще о Лосевском «первопринципе самотождественного различия» следует сказать особо. Всякая инаковость абсолютному постоянству или, иначе говоря, абсолютной пустоте становится различием или уникально сложившейся спецификой различия при сохранении прежнего тождества, что и становится тем изначальным первопринципом, который задает нам природу пространства. Просто математика – это тоже жизненная сфера³⁸⁵, как наименее значимая составляющая полноты, самый примитивный предел живого в самых упрощенных сферах маломерных пространств. Математик работает с материалом чисел, ибо первопринцип, посредством коего он изучает мир – число. А мы за первопринцип берём счастье Царствия Небесного, как основу жизни в богообщении. А в научном анализе пользуемся первопринципом грехопадения. То есть работаем в пределах среза узкой береговой линии «берег-река». Нельзя сказать, что эти сферы Божественного явления равнозначны, хотя и в той и в другой выражается только одна и та же полнота Бога. Они не равнозначны в том, что счастье требует всеобъемлющего, неограниченного свойствами пространства, оное более качественно и более многомерное. Окружность – тоже живительная полнота, а значит живая, в противном случае, как наше подобие, она бы нами не воспринималась. Просто она, окружность, не является всеобъемлющей, а именно односторонней или узкоспециализированной полнотой. Это также как насекомое – оное несет в себе полноту, а потому это живой организм, но так как нет всеобъемлющей многогранности жизни, как у человека, то такая жизнь остается для нас вне должной полноты естественного межличностного общения. Иными словами, математика – это отпечатанный след босой ноги на чистом полу, а счастье – это уже целая радость бытия. И то и другое тождественны между собой в Источнике, ибо и то и другое есть человек, если человеком называть супра-Акт. То есть человек – более общее (и тому, и другому), то есть категория различия абсолютному постоянству пустоты разная. Но все равно, математика, так как несет в своих суждениях свидетельства о полноте Божественного (хотя в её функциональных пределах остается абсолютно ограниченной), то также подает признаки жизни, имеет живучесть, чем и привлекает к себе внимание людей. В противном случае, математика даже бы не возникла в бытии как реальность. Вот основная мысль великого русского ученого А.Ф.Лосева, которую он развивает в своей знаменитой работе «Хаос и структура». Беда наша в том, что иногда мы ошибочно берем за основу не тот «первопринцип самотождественного различия», а потому пребывая в поисках Истины не можем увидеть то, что нас интересует. Если в исчислении за основание возьмем число «5», то будем видеть в числовом ряде только то, что делится на «5». То, что оказалось кратно 2,3,4 и так далее, в какой-то степени ускользает из виду. Но это не означает, что этих чисел нет. Так и в поисках Божественных Истин, надо сразу задавать первопринцип тождественного различия наиболее подобный Богу в полноте охвата¹⁰⁶. Тогда мир предстает без дыр, то есть в той же полноте восприятия (именно в такой кондиции пытаюсь погружаться в глубины ядерной физики). Именно по этому пути пошел пораженный первородным грехом древний человек в процессе своего эволюционного становления. Так как первопринцип тождественного различия был абсолютно многогранен и велик в полноте образа Божьего³¹⁴, то и выражение великое Бога в пределах земных ограниченных возможностей могло идти в более долгом временном промежутке(смотри 666-01-01). То есть человек воз-

ник самым первым на Земле, как пораженный грехом, и самый последний обрел то естественное для нас обличие к данному моменту эволюции, привычно воспринимаемое нами ныне. И это ещё не все, ибо, если сказать, что Бог – абсолют в величии, то эволюционное становление человека должно будет идти вечно. Проявление Божественного в данном ракурсе нас радует.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Всё, что мы чувственно распознаем наделено некоторой степенью подобия Богу, а потому пребывает в родстве и нам – наделено жизнью, то есть такими характерными Ему чертами, как полнота и цельность по образу-подобию самого первого образа, сотворенного Богом. Сие не могло быть утраченным при исходе из бытия Царствия Небесного в бытие этого привычно воспринимаемого мира – из примитивного образа чувственно воспринимаемой пустоты в многообразные формы усложнений того же образа, то есть в пределах образа и подобия ей, пустоте. К примеру, окружности, специфического свидетельства о постоянстве в данной ограниченной природой узкой области инобытия, выделенной из всей всеобъемлющей многогранности. Благодаря этому образу ограничения в чистом виде, чем является точка, материя предстает перед нами в данном привычном для нас образе – в границах. То, что не имеет границ, то не имеет контраста, то есть безгранично чувственно нами не воспринимается³⁸⁵. Но данное утверждение не корректно. Я специально привел вновь эти суждения. На самом-то деле это бытие обязано своим существованием непосредственной динамике межличностных отношений. Человек, попавший в иную реальность, получил новые формы речи богообщения. Человек, не смотря на грехопадение остался участником Предвечного Совета Пресвятой Троице в пределах Замысла Его. Но слова Творца теперь звучат иначе и потому ищет в окружающем мире то, что свойственно ему самому как личности. Ничего более, кроме общения с Богом, ученый любого направления исследований искать не может.

1.0.-49(1) Поиск Истины, что это такое? *Если мы стоим на позиции божественного постоянства и смотрим через призму свойств постоянства берега на течение вод изменяющейся реальности (относительности всего видимого), то в глаза нам бросается всё то, что несет в себе образы постоянства.* Так как жизнь – это постоянство, то мы замечаем только то, что востребовано жизнью в данных окружающих её условиях – многообразные оттенки постоянства⁴³, выраженные в некоторой уникальной специфике посредством перемен всего вокруг и пытаемся с ними работать, их использовать¹⁷. Это есть все то, что имеет твёрдость, прямолинейность, закономерность, постоянство в чем-то ином – к примеру, в окружности мы видим не окружность, а точку, как носитель постоянства и закон изменения. То есть посредством равноудаленных от центра точек, мы видим элемент постоянства кривизны линии. Замкнутостью кривой в окружности мы видим непрерывность и неизменность в цельности единства, как ещё одного имени постоянства. Это та самая неуничтожимая энергия, переходящая из одного состояния в другое по Закону Сохранения Жизни. Так как только человек пребывать призван на Предвечном Совете в меру дозволенного Богом, то только ему ведомо о порядках Божьих и только ему через беседы с Ним известно каков мир Царствия Небесного. Поэтому мы отделяем разноплановые оттенки Царствия Небесного, явленные нам как постоянство, а именно её неуничтожимую энергию от вечно текущей природы опосредовано себя. Наш организм как бы вершит сравнительный анализ всего вокруг с Той Самой Частицей, Которая была вдунута Богом в лицо человечества. Пропуская через самих себя и по этим крупинкам как мозаику восстанавливаем прежний мир Божий Царствия Его и строим Его Царствие здесь и тем самым отвоевываем у смерти все новые и новые пространства. Божье наделено свойством неуничтожимости, что и стало Законом Сохранения. Таким образом, человек, имеющий в себе Частицу Бога, получает способность видеть подобие Ее вокруг и перестраивать под себя Вселенную, чтобы Его присутствие в Ней было Ему более удобоприемлемым. Это иное имя или иное опре-

деление межличностным отношениям Бога и человека^{111-1-11.01}. Животное этой способности лишено, а потому для того, чтобы жить в процессе эволюции постоянно перестраивается под условия жизни в жесточайшем естественном отборе в борьбе за выживание. Животное берет какое-то свойство Божественного и опосредовано оно, свойства, утверждает себя в бытии. Так востребованными стали рога, копыта, шерсть, мощная пасть и так далее. Бог человеку дал не свойство, а Частицу Самого Себя, чтобы мы могли видеть Её сущностное естество во Вселенной, ибо подобие познается только своим же подобием. Человек рожден в радости Царствия Небесного и потому быть счастливым – естественное состояние для него и Частицей Творца он утверждает радость, благодаря коей и держится мир. Зла, как такового нет, но есть ложное позиционирование себя при созерцании мира. То есть если мир виден как разрушение, то это означает, что мы не видим радующее сердце движение к лучшему, мы не видим перестроение из одной формы в более совершенную другую. Хотя это естественно для природы в процессе возрастания ее до подобия Божественному, а вот это-то нам закрыто ограниченностью греховной природы. Ибо, если мы зрим мир через границу в чистом виде, то есть через точку, то видим ее подобие вокруг – границы, свойственные формам. А также видим через абсолютную ничтожность греха множество его прообразов – множество ничтожных частиц. Поэтому мы вычленим из окружающей Вселенной радующее возрастающее Естество подобия Ему и отбрасываем все то, что мешало перестроению. Именно по этой причине, всякий научный анализ привязан не к воспринимаемому естеством греха греховной бесконечности, но к околонулевому участку такого пространства и призван искать естественное сопутствующее счастью – отсутствие греха, то есть призван в закономерностях видеть Того, Кто эти закономерности порождает. Научный анализ всегда мотивирован утверждать жизнь вечную. Именно по этой же причине, Сын Божий часто помятует о Духе Святом и оставляет Его на людях, как теперь уже новую Частицу Божественного, позволяющую видеть Путь ко спасению в вечность.

*****На основании всего сказанного, есть смысл опять повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Изначально, проводя исследования, мы позиционируем себя с околонулевым участком пространства. То есть нам не важно, что именно творится с явлением или функциональной зависимостью в бесконечной дали, но только то, что в пределах ноля, в пределах нашего естественного подобия – человек является переходным звеном в потусторонний мир через начало всех начал. Мы видим мир только в пределах этого участка Вселенной – то есть все то, что вращается или колеблется вокруг точки всеобщего равновесия Вселенной – волны и то, что они исповедуют – атомы. Прибегаем к расчетам, задействуя влияние иного бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.